

Сергей Кочетов

В переплете
Книжки Знаний

Догадывался ли Гаузен, обычно не склонный к героическим поступкам, что в скором времени ему предстоит спасти не одну, а сразу двух девушек? Прекрасней первой он не встречал, а вторую он даже в глаза не видел! Тут уж не до взбалмошного принца с его занудным заданием. А древняя реликвия, полученная от обиженного жизнью призрака, впутает в такие неприятности, что в одиночку не расхлебать! Без паники! Причина всех неприятностей запросто может послужить ключом к их решению. Вот что нужно знать, оказавшись в переплете... В переплете Книги Знаний.

В отличие от большинства, у Гаузена были свои причины, чтобы оказаться в таверне. Сидя за столиком, сначала он потер подбородок, потом погладил губу, на которой не было ни единого намека на пробивающиеся усы, а затем быстро оглянулся вокруг, делая вид, что разминает шею. Движение вышло довольно нелепым, и юноше мало чего удалось разглядеть.

«Глупо получилось» — подумал Гаузен. — «Вот так я и провожу свои лучшие годы».

Он как никто другой знал, что разные глупости привлекают больше всего внимания — про выходки Леканта знала половина Велитии.

«А если знают за ее пределами» — рассудил Гаузен, — «то не видать Леканту приличных невест, как наводнения в Хаслинской пустыне».

Впрочем, кое-что из репертуара принца знал один только Гаузен. Например, Лекант любил отковырнуть камешек-другой с зубцов замка, а потом сверху кидаться ими прямо на шлемы скучающих стражников.

«Если бы Лекант не разваливал свой старый замок, то и новый строить не надо было» — презрительно скривился Гаузен.

Будто бы в такт мыслям юноши неподалеку устроился довольно мерзкого вида тип, который, похоже, тоже любил заниматься всякой малополезной ерундой. Он бездумно отрывал щепки от стола, внимательно рассматривал каждую, а потом швырял на пол. Наконец, оторвав стружку покрупнее, мебельный потрошитель начал с остервенением ковыряться в зубах. Тут любитель оральной гигиены повернул голову, и Гаузен увидел, что правая половина его лица изуродована огромным шрамом, будто вместо подушки тот заснул на раскаленной сковороде.

Возможно, хозяин таверны и сказал бы пару ласковых, но рядом со столовым вандалом сидела парочка приятелей столь же несимпатичной наружности. К слову, они и называли его то Зубочистом, то Зуботычем, то просто Зубом. Да и вооружены они были вовсе не деревянными зубочистками.

— И тогда ему говорю: Обиделся, что ли? Да не расстраивайся ты так! Делов-то — всю семью перебил. Новую заведешь! — громко похвалился один из головорезов. — А после я сварил кашу из топора прямо в его горячих мозгах, а череп ему был вместо котелка!

«Всегда удивлялся, что всяких нелюдей друг к другу будто веревкой тянет» — подытожил Гаузен и решил больше не глядеть в сторону дурной компании. Впрочем, он пришел сюда не в поисках красоты. Вместо того чтобы просто напиться-наесться и переночевать, он должен был заниматься вещами, которые делать ему совершенно не хотелось. А причиной всему послужил еще не построенный замок.

«Не самое подходящее место и время, чтобы завести новых друзей» — подумал Гаузен, и, усевшись поудобней, решил пока просто прислушиваться к тому, что творится вокруг.

До Гаузена донесся зловещий скрежет, напоминающий дробление породы в каменоломне. Но это всего лишь беззубая старушка из дальнего угла тщетно пыталась размягнуть булку в тарелке супа. Но хлеб, своей твердостью, похоже, превосходивший возможности ветхих челюстей, упорно сражался за свою целостность.

Печальное зрелище натолкнуло Гаузена сразу на две мысли. Первая была о том, что ни в коем случае не следует покупать здешний хлеб, а вторая напоминала ему о камнях, то есть возвращала непосредственно к цели его путешествия. Лекант собирался построить новый

замок и отправил Гаузена на поиски подходящего для строительства участка. Замок, конечно, не построишь, где попало. Но вот на само возведение уйдет столько сил, материалов и времени, что эти планы можно было отложить хотя бы на пару месяцев. Так что Гаузен потихоньку проклинал принца и надеялся управиться с этим скучным занятием как можно поскорее.

В любое другое время Гаузен был бы рад хоть ненадолго избавиться от компании несносного принца, но не в этот раз. Сейчас юноша предпочел бы отсидеться в Вейносте, а не мотаться по всей Велитии.

Гаузену грозило пропустить подготовку, возможно, самого грандиозного события, которое ему бы удалось увидеть в своей жизни. Праздник — сам по себе событие редкое — не на шутку тревожил воображение юноши. Репетиции представлений, приготовление изысканных блюд, подготовка парада... Это был далеко не полный список тех вещей, которых Гаузен лишался, находясь вдали от дома. Кульминацией всех событий должен был стать выбор невесты, ведь иначе принц не имел права на ношение короны. Наверняка Лекант намеренно лишил его этих удовольствий и убрал от глаз подальше, чтобы Гаузен не пугался под ногами. И теперь юноше только и оставалось надеяться как можно быстрее собрать нужные сведения и вовремя возвратиться обратно во дворец.

— И тут мне навстречу целая стая чудовищ как заверещит страшным голосом! — нагнетал историю для своего приятеля пьяница с одного из столиков.

— Каких чудовищ? Погромов? — спросил тот, что потрезвее.

— Да нет, поменьше... — замотал головой рассказчик.

— Поганцев? — сморщив нос и торжествуя подняв брови, попытался угадать собеседник.

— Нет, не их... Но тоже мерзость одна... Вот с таким носищей, — прижал нос пропойца к плечу и вытянул руку, будто бы изображая аиста.

— Древни что ли? — вконец запутался приятель выпивохи, имея ввиду живые деревья, иногда наводившие страх на заблудившихся путников.

— Ну, не чтобы совсем древние... Но сколько я себя помню, всю жизнь проливаю кровь в борьбе с этими крово... кхм... упивцами. Я их укукошил не меньше тысячи!

— Ты плети да не заплетайся! — перебил собеседник и предположил: — Это нетопыри?

По его постепенно скучнеющему лицу было ясно, что вариантов у него уже почти не оставалось.

— Да нет... Не упыри... Поменьше будут, да и визгу от них как от... свином... свином...

— Понял! С вином тебе надо завязывать! — заявил благодарный слушатель, который, по-видимому, решил умственно сравняться со своим приятелем-рассказчиком и потянул его кружку на себя.

— Не-не... не это! — воспротивился пьяница то ли вероломному захвату своей кружки, то ли финалу истории, до которого он безуспешно пытался ее довести. — С вином... Свино... Опа-опа... Опоросившейся свиноматки! Со свинопасеки! Вот так они визжали! — и пьяница изобразил неприличное животное настолько истошно, что Гаузену пришлось слегка прочистить уши.

— И впрямь, визжит, как будто его режут, — ухмыльнувшись, произнес тощий тип за столом, на который Гаузен избегал поворачиваться.

— Комары что ли? — догадался собутыльник рассказчика.

— Ну да они, они самые! Целую тучу я тогда их перебил, — похвастался тот.

— Ну ты и врун, — подумав, осудил собеседник болтуна, от разочарования несколько ослабив хватку на спорной кружке. — Где же им тучам быть, когда у нас во всей округе ни одного завалющего болотца не сыскать?

— Ну, если так, — уязвленно отозвался первый пьяница. — Если ты называешь меня вруном, да еще при всем народе, то тогда... — еще сильнее повысил голос обиженный выпивоха, приподнялся на стуле и с вызовом посмотрел на усомнившегося приятеля. В затхлом воздухе таверны запахло скандалом. Рассказчик же, пользуясь тем, что его непосредственный слушатель отвлекся, ловко вернул свою кружку, и, не скрывая радости, поднял ее вверх. — Тогда выпьем же за мою брехню... единственную и неповто... неповторимую в своем роде!

Гаузен вздохнул с облегчением. Только потасовки ему и не хватало. Хотя он даже и не знал, что было бы лучше — вернуться к Леканту с пустыми руками или с набитой мордой? Прокрутив в памяти без труда добытые сведения, юноша отметил, что, скорее всего, в округе нет болот и чудовищ, которые могут помешать строительству. Но тут же прикинул, стоит ли ему доверять какой-то спившейся деревенщине?

«Как говорится, одна голова хорошо, а две пьяных — ничего хорошего» — рассудил Гаузен и продолжил вырывать крупницы смысла из общей неразберихи людских голосов.

У окна он заприметил двух посетителей ученого вида. То, что они как все не взяли себе выпивки, выдавало их с головой. Кроме того, их разговоры пестрили разного рода премудростями. Сам Гаузен поначалу не обратил на книжников внимания, считая их чересчур заносчивыми и занудливыми. Но после только что услышанного потока бреда юноша решил на время перебороть свою давнишнюю неприязнь:

— Послушай-ка шутку! Заходит скелет в питейное заведение и просит: Мне кружку вина и тряпку!

— И что из этого следует? — не понял собеседник.

— Что-что? Ты себе представляешь, как он напьется? — давился от смеха рассказчик.

— Да вот и я о том же! Впервые слышу, чтобы мертвые что-то пили, — недоумевал его приятель. — А тряпку зачем? Что он там собрался себе прикрывать? У него же ничего нет!

— Ну а ты представь! Он ведь кости себе замочит! — пытался объяснить по-человечески любитель веселых историй.

— Кости? Мало того, что он пьющий, так еще и азартными играми увлекается! Совсем нежить распустилась! Ну что за поколение пошло! — начал громко жаловаться слушатель, от которого смысл шутки ускользал все дальше и дальше.

— Да при чем тут это?! — начал выходить из себя рассказчик, пытаясь наглядно показать, в чем тут соль. — Вот скелет! Вот таверна! Вот он заходит...

— Я все понял, — неожиданно заявил недогадливый до сих пор слушатель.

— Что понял? — спросил рассказчик, уже отчаявшийся донести истину.

— Знал я одного типа, так он до смерти боялся скелетов... — издали начал собеседник.

— И что с того? — не понял рассказчик.

— Я же сказал — до смерти. Когда он увидел скелета, то первый же испуг стал для него последним. Так что скелету выпивки бы никто не подал. Все бы умерли от страха. Ведь так? — подвел черту слушатель, судя по голосу, полностью уверенный в собственной правоте.

— Не так! Все не так! — не выдержал рассказчик и сорвался на крик. — Вот! — схватил он кружку с водой, и, делая вид, что собирается из нее выпить, пролил ее мимо рта. — Вот как бы все вышло! Теперь понял?!

— Кружка была у скелета дырявая что ли? — удивился слушатель.

— Черепушка у тебя дырявая! — не выдержал шутник и замолчал.

«Этот разговор скверно пахнет» — подумал Гаузен. — «Только всякой нежити мне здесь и не хватало».

Юноша попытался еще чего-нибудь подслушать, но посетители как будто сговорились и болтали о разных пустяках.

«Придется порасспрашивать» — решил Гаузен.

Чего ему не сильно-то и хотелось. Принц Лекант не подозревал в измене разве что собственное отражение в зеркале и строго-настрога запретил Гаузену кому-то хоть что-то рассказывать о заданном поручении. Встречные же люди могли заподозрить, что он ищет клад и увязаться следом. При этой мысли Гаузен покосился на трех громил за столиком у окна.

«С такими я даже в одну лодку в случае кораблекрушения не сяду» — подумал Гаузен, выбирая себе собеседника. Пьяницы были разговорчивы, но никакого доверия к их болтовне у юноши не было. Ждать же, пока они протрезвеют, он не собирался. У старушки не было половины зубов.

«Наверное, она обломала их об эту булку» — решил Гаузен. — «Вряд ли я что-то разберу из ее шамканья».

Шибко умной парочке тоже Гаузен не доверял — они могли запросто своими «что» да «зачем» свести на нет все его вопросы. Да они первой его зададут, чего ему надобно в этих местах, а отговоркой «просто гуляю» их не убедишь. Гаузен уже подумывал расспросить трактирщика, но тот показался ему скупым на слова и жадным до денег.

Пока Гаузен оглядывался да прислушивался, прямо напротив него уселся потрепанного вида посетитель в лохмотьях. Сначала он посмотрел на Гаузена, но его взгляд не задержался надолго и застыл на принадлежащей юноше тарелке.

«Да это еще больший голодранец, чем я сам» — подумал Гаузен и уже хотел было прогнать побирушку, но в последний момент отказался. Не то что бы Гаузену вдруг захотелось принять самое горячее участие в его плохой жизни. Просто по его виду и поведению юноша решил, что бродяга прилично здесь задержался и может что-нибудь да рассказать.

— Как жизнь, оборванец? — ободряющим тоном поинтересовался Гаузен. — Настродался, небось, пока добирался сюда?

— Вообще-то я уже давно ошиваюсь в здешних местах, — жалобно залепетал в ответ бедняк. — Но странствовал по миру немало. Все ноги в пыль истер.

Тут нищий приподнял подол лохмотьев и показал обрубки, своей длиной едва достигающие колена.

— Матушка моя гусыня! — поразился Гаузен и подумал: — «Мне срочно нужна лошадь, а не то закончу, как этот калека».

— Как же ты тогда передвигаешься? — переборов потрясение, участливо поинтересовался Гаузен.

— Ну, как-как? На руках вот и ковыляю. Не видно было что ли, как я вошел? — неожиданно насторожился калека.

— Да я и не заметил как-то, — закатила глаза Гаузен, стараясь не касаться того, чем он еще недавно был так поражен. И не обратил внимания, как нищий при этом обрадовался.

— И хорошо... Хорошо, что не увидел, милостивый господин, — умиротворяюще заверил безногий. — Ведь это такое душераздирающее зрелище! А мне не хочется портить настроение таким славным людям, как вы.

«Какой разговорчивый попался» — подумал Гаузен. — «Надо бы его еще разболтать».

— Ай-я-яй, какая досада! — участливо запричитал Гаузен и прибавил. — Слушай, может, у тебя ноги все-таки погромы здешние отгрызли?

— Да вы что! Какие у нас погромы! К тому же всем известно, что погромы начинают есть с головы, а ноги оставляют на потом... На студень! — при этих словах калека снова покосился на миску Гаузена.

— Да уж. Это тебе точно не пряники-коврижки, — согласился Гаузен, у которого с каждым новым словом аппетит пропадал все больше и больше.

— А может это был... дракон? — не отставал юноша. Оборванец снова уставился на него в непонимании, но Гаузен все же решил доиграть попытку до конца. — Ну, летел он себе мимо, и вдруг... Ам-ням! И ног как не бывало.

Голодранец, не прекращая, все так же настороженно смотрел на Гаузена, и юноша решил, что драконы здесь тоже вряд ли обитают.

— Ну да, как же я сам не подумал, — притворно покорил себя за забывчивость Гаузен. — Дракон — тварь привередливая. Сначала пожарит, а потом пожует. Прямо как человек!

В этот момент аппетит у юноши пропал окончательно.

— А может, нежить какая местная... или призраки... — еще раз попытался Гаузен.

— Это как же мне призрак вдруг ноги-то отгрыз?! — не выдержал калека. — У него зубов нет, да и едят они всего ничего, только пугают до смерти! Какие-то ты странные вопросы задаешь, милостивый государь! Издеваешься, что ли, над моим увечьем?

— Что ты, что ты, — попытался примириться Гаузен. — Зачем мне тебя обижать? У каждого свои недостатки водятся. У меня вот, к примеру... — призадумался Гаузен, что бы такое наплести, чтобы разжалобить нищего, — есть под штанами на одном месте один нарыв. Иногда зудит так, что ночами плохо спится. Да и то только на животе... «И звать его Лекант» — чуть было не добавил Гаузен, но вовремя прикусил язык, не зная, чего следует опасаться больше — публичного оскорбления члена королевской семьи или разглашения имени хозяина, чего Лекант категорически запретил.

Нищий, судя по лицу, не поверил Гаузену, но постеснялся потребовать наглядных доказательств. А, может, и принял эти слова за чистую монету, но не считал, что подобное несчастье сравнимо с его увечьем. Так или иначе, он заметно успокоился, и Гаузен продолжил:

— Вот я и гулять стараюсь побольше... Лошадью-то не могу, разве что в телеге. И хотелось бы узнать, нет ли тут какого-нибудь поля, желательно поровнее да пораздольнее. А то за деревьями да за холмами по два чудища могут спрятаться. Терпеть их не могу!

Нищий хитро прищурился, и Гаузен догадался, что одной лишь вежливостью тут не обойдешься.

— И рад бы рассказать, да у меня дело срочное... Монетку где-то здесь обронил. Случайно не попадалась? — как бы между делом поинтересовался нищий.

Гаузен со вздохом сунул руку в карман и вытащил оттуда зазубренный медяк.

— Не эта? — устало предположил он.

— Вообще-то у меня была серебряная, — начал нищий, но, наткнувшись на сердитый взгляд юноши, спешно поправился:

— Но я недавно ее разменял, а сдача куда-то меж досок закатилась. Как я вам благодарен, что вы ее нашли, милостивый вы мой благодетель!

Услыхав подобное обращение, Гаузен начал сомневаться, не переплатил ли он?

— Ну, так что за место? — поторопил калеку Гаузен.

— Можно мне вашу тарелку, — осторожно попросил нищий, но, видя возмущение Гаузена, пояснил:

— Я только покажу... как на карте.

Гаузен с недоверием протянул ему свой обед.

— Есть тут у нас одно местечко, — бубня под нос, нищий провел по ободку миски. — Ну очень плоское. Слева горы, — калека, к недовольству Гаузена, приподнял пальцами кусочек мяса. — Справа — лес, — при этих словах нищий вытащил из похлебки морковку и поставил ее носом вверх, будто бы изображая елку. — Там еще развалины, но ничего страшного — они мало кого привлекают. Не то, что погулять — заночевать можно. Заброшены, правда, немного...

— Слушай, а руины случайно не прокляты? — всполошился Гаузен.

Оборванец, по-видимому, не понимающий, чего ожидает юноша, начал путаться:

— Ну почему же сразу прокляты? Проклинают у нас обычно... погоду! Вот как встать с утра-то...

— С утратой ног? — не понял Гаузен и прикусил язык, вспомнив, что зарекся возвращаться к этому вопросу.

— Да нет, — махнув рукой, не стал особо обижаться нищий. — С утра-то встанешь... Ни снег, ни жара... Не пойми что за погода. Неурожаи годами бывают! И чем только людям не приходится заниматься, чтобы прокормиться!

— Ты мне ответь, прокляты руины или нет? — перебил Гаузен, которого мало волновали местные новости.

— А кто их знает? Может и прокляты... Но кому охота проверять? Не помню, чтобы кто-то там пропадал... Да и чтобы кто-то туда ходил лишний раз тоже не припоминаю, — бормотал под нос нищий, торопливо подъедая похлебку, пока Гаузен не предъявил на нее законные права. Но Гаузен, не без сожаления наблюдая за исчезновением заслуженного обеда, все-таки получил нужные ему сведения. Юноша хотел было даже пожелать проголодавшемуся калеке не запачкаться, но одежда последнего была настолько грязной, что Гаузен счел это замечание неуместным.

— А как туда пойти? — вспомнил о самом важном юноша.

— Я бы вам показал, — сокрушался нищий, только что доевший чужой обед. — Но мне кажется, я обронил еще одну монетку...

— Да у тебя их там что? Миллион?! — раздраженно перебил Гаузен.

— Если не знаете, то я на улице поищу... Может, по дороге сюда обронил, — разобиделся нищий, поняв, что Гаузену без него никак. Юноша, едва скрывая ненависть к нищему, прикинул, сколько у него осталось монет, и чуть слышно проскрежетал: — Да чтоб у тебя ноги отросли... из другого места.

После чего все же взял себя в руки:

— Кажется, она у меня под правым сапогом. Серебряная, — заверил Гаузен и

утверждающе кивнул головой вниз. — Я быс нее сошел, да вот не знаю куда идти, — многозначительно посмотрел юноша на нищего.

Нищий, обрадованный перспективой скорого обогащения, нагнулся к уху путника и быстро, будто бы доверяя важную тайну, зашептал:

— Да очень просто до того поля добраться. Вы, главное, идите по узкой тропинке от этой таверны... будет развилка... сверните на левую... которая уже поросла... — давал подробные указания нищий.

Гаузен старательно дослушал до конца и, удовлетворившись ответом, отодвинул сапог.

— Матушка моя гусыня! — с напускным разочарованием воскликнул Гаузен. — А это не монетка, а плевок, — и, плохо скрывая удовольствие от розыгрыша, попытался успокоить нищего. — Но ты ее поищи, поищи! Должна же она где-то быть, между щелями да досками...

Тут Гаузен встал из-за стола и отправился в комнату наверх, чтобы отдохнуть перед завтрашним походом. Но, не сделав и пары шагов, споткнулся о чью-то не к месту выставленную ногу. Едва не растянувшись на полу, он успел остановить падение, уперев руки в ближайший столик. Перед глазами промелькнул побирушка, удирающий на волшебным образом выросших ногах, вероятно здоровых до кончиков ногтей.

Гаузен заметил, что все вокруг смеются над его неудачей, и торжество от успеха сменилось горькой обидой и презрением к окружающим. Он раскусил, что о том, что калека ненастоящий, давно знает вся округа, и тот выманивает деньги только у приезжих. По-видимому, у лже-инвалида получалось подгибать колени особым способом, выдавая ноги за культю.

— Крутить-колотить! — грязно выругался Гаузен и закричал вслед. — Ах ты, жухало поганое!

Гаузен уже хотел было пуститься за обманщиком вдогонку, но между его пальцев, растопыренных на досках стола, воткнулся здоровенный нож.

— Эй, сопляк, ты кого жухалом назвал?

Гаузен поднял глаза и увидел тех самых трех типов, в чью сторону он старался лишний раз не глядеть.

— Ты, случайно, столом не ошибся? Пока ты не пришел, здесь сидели одни только честные люди, — издевательски заявил самый крупный из них, после чего оставшиеся два, как по приказу, дружно захохотали. Похоже, что он был главным. Гаузен вспомнил, что пособники пару раз называли его Кловиадом.

Тут худому типу с серьгой в ухе, видимо, захотелось выжать еще немного денег из доверчивого странника. Небрежно махнув рукой, он опрокинул кружку, отчего на стол вылились остатки мутной жидкости.

— Эй ты, бродяга! Не видишь, что ты наделал? Ты весь стол растряс!

— Это я-то растряс? Да я слегка только коснулся! — заспорил Гаузен.

— Ты мне кружку выпивки должен, — внаглую затребовал тощий.

— Да в ней почти ничего не было! — возмутился Гаузен.

— Ага! Значит, теперь ты не отрицаешь, что уронил кружку! Тогда плесни, а то как бы полоснуть не пришлось! — отрезал неприятный тип и двинул кружку на край стола.

Юноша, сохраняя спокойствие, взял кружку и демонстративно сплюнул в нее.

— Столько хватит? — хладнокровно поинтересовался он.

Побагровевший от гнева бандит вскочил и потянулся было к оружию.

— Клянусь своей зубочисткой! Я порежу его на куски!!! — поддержал товарища второй бандит. Но решающим оказалось слово Кловиада:

— Остынь, Репей. Спокойно, Зуб. Этот чужак, похоже, не понял, с кем связался. Я не злопамятный, парень... Принесешь нам выпить на троих и можешь убираться отсюда целым и невредимым.

— Убираться?! — возмутился Гаузен. — Я тут комнату снял! Где мне, по-вашему, отдыхать?

— Видимо, парень, с тобой не договориться, — скучающим голосом произнес главарь. — Но я не злопамятный, — вновь повторил он. — Я мщу на месте. А отдохнешь на ближайшем кладбище.

Предводитель шайки молниеносно вытащил меч. К счастью, Гаузен успел схватиться за свою саблю и отразил удар.

— Я вам покажу пряники-коврижки! — пригрозил Гаузен и вместо щита схватил в левую руку табуретку, направив ножки на врагов. Три бандита начали теснить его, и юноша понял, что он столкнулся не с простыми трактирными пьяницами, а опытными наемниками. Вскоре Зубочист выбил табуретку из рук Гаузена, и юноша решил занять более выгодную для обороны позицию. Подпрыгнув, Гаузен схватился за балку и перелетел на ближайший столик. Вновь выхватив саблю, Гаузен начал скакать по столам, отражая удары бандитов и совершенно не замечая, что сметает вниз всю еду и посуду других ни в чем не повинных посетителей. Вскоре пол стал таким скользким, что по нему стало трудно передвигаться.

С пониманием к незавидному положению Гаузена отнеслась одна только беззубая старушка. Она подняла булку с пола и безуспешно продолжила грызть ее дальше. Большая же часть таверны ринулась поквитаться с наглým чужаком, попутно устроив свалку в дверях, так что Гаузену едва удалось унести ноги. Хозяин таверны, изрядно раздосадованный погромом, без разбору колотил всех и вся. Одному из бандитов удалось прорваться сквозь толпу и догнать юношу.

— Я скормлю твои фаланги росомахам! — пригрозил Зубочист и метнул руку, схватив Гаузена за плащ. Гаузен, развернувшись, рубанул клинком наотмашь, но попал не по бандиту, а по своей же накидке. Ветхая ткань, не выдержав, порвалась, оставив изрядный лоскут в руках противника. Заехав удивленному разбойнику кулаком, сжимавшим клинок, юноша решил не добивать обидчика, а поскорей убраться подальше от разъяренной толпы.

— Не ночевать мне сегодня в тепле под крышей, — опечалился Гаузен, но тут же успокоил себя мыслью:

«Ну не убивать же мне было каждого в таверне! Что я, изверг какой?»

Когда Гаузен добрался до руин, он совсем выбился из сил. К счастью, лже-калека, несмотря на всю свою насквозь фальшивую натуру, довольно точно указал направление.

«Если я не разберусь с этими камнями» — думал Гаузен, оглядывая развалины. — «То Лекант разберется со мной».

Мрачные картины начали рисоваться юноше одна за другой. Как он будет иметь дело с камнями уже на каменоломне, и хорошо, если придется махать киркой или таскать тележку, а то ведь такая сволочь, как Лекант, запросто прикажет сбросить его в пропасть и завалить сверху горной породой.

«И сдался ему этот замок?» — подумал Гаузен и оглядел окрестности. Место вроде бы подходило, никаких особых неровностей. Почва твердая, но не болотистая и не каменистая. Нападения чудовищ, как и новой стычки с бандитами, кажется, не предвиделось. Но юноша решил, что для полной уверенности следует переждать здесь ночь.

Осматривая руины, Гаузен пытался понять историю этого замка. Высота постройки осталась для юноши загадкой, так как сохранились только обломки первого этажа. Но, судя по площади развалин, на этом месте мог быть и монастырь.

«Быть может, хозяин замка так любил его, что не хотел оставлять в наследство и велел все разрушить после смерти. Или сделал это перед смертью. Судя по остаткам стены, здание было довольно мощным. Возможно, здесь была задействована сильная магия. Хоть бы она исчезла что ли за все эти годы... Или на замок наступил каменный бог Тардиш в одном из своих облиций. Если у него стопа с замок» — размышлял юноша. — «То, сколько же надо оленей настрелять, чтобы сшить ему сапоги? А может, у него обувь из драконьей кожи?»

Гаузен решил обо всем этом лишний раз не думать. Он хоть и знал большие числа, но представлял их себе довольно смутно. Даже свои немногочисленные деньги он считал не без труда.

— Наверное, он ходил босиком, — пожал плечами юноша и успокоился.

Напряженные умственные усилия притомили Гаузена, и он решил дать ногам немного отдыха, а заодно и слегка поднапрячь живот. Руины, за все годы позабывшие, что такое гостеприимство, вместо крыши предоставили ему в защиту одни лишь стены.

— Не от дождя, так от ветра защитят, — успокоил себя юноша. Присев среди развалин, Гаузен снял с плеча сумку. Он решил слегка подкрепиться из заготовленной снеди, а заодно оторваться от мрачных мыслей.

«Ну, над чем же еще и, главное, зачем мне задумываться? Солнце светит, дождик мочит, ветер... проветривает» — легкомысленно размышлял юноша, шаря рукой в припасах. Отвлекаясь, Гаузен совершенно не заметил стройной фигуры, которая неожиданно выросла перед его глазами.

— Даже не думай вставать, — скомандовала девушка, погрозив длинным посохом, и добавила:

— Медленно достань руку из сумки.

Гаузен, подняв голову, увидел совсем еще юную девушку с прямыми светлыми волосами. Ее красивые плечи обтекал зеленый плащ. Но тонкие черты лица были омрачены нерешительностью, и она от волнения то и дело прикусывала губу.

— Тоже сухариков хочешь? — не растерялся Гаузен и уверенно поднялся на ноги.

Юноша никогда не видел в женщинах источника опасности. Тем более в столь юных.

Девушка от неожиданности отскочила, но быстро взяла себя в руки.

— Не вздумай поднимать оружие, а то по лбу получишь, — снова приказала незнакомка и эффектно крутанула посохом.

— Только посмотрите — присядешь тут покушать вечерком, а грабители уже нороят отобрать последнее. Правильно говорят — кушать на ночь вредно! — насмешливо прокомментировал угрозу Гаузен.

— Я тебе что, дочь разбойника? — возмутилась девушка и предупредила. — Поднимешь шум — тебе несдобровать!

— И кто же это в такой глуши услышит мой крик? — удивился юноша.

— Кто-кто? Твои дружки! — еще больше рассердилась девушка.

— Так значит, им удалось спастись от бандитов? — с наигранным удивлением воскликнул Гаузен. Он решил, что девушка подозревает в нем проходимца. Действительно, после недавней стычки и без того непричесанная внешность юноши от макушки до сапог утратила какие-либо остатки благородности.

— Что у тебя в карманах? — пропустила мимо ушей слова Гаузена незнакомка.

— Может, мне еще штаны снять? — вызывающе осведомился юноша.

— Делай, что тебе говорят, а не то, что в голову приходит! — немного смутившись, скомандовала девушка.

— Ну, должна же быть в мужчине какая-то загадка? — захотелось еще немного поломаться Гаузену.

— Я не шучу, — пригрозила девушка.

Пожав плечами, Гаузен вывернул оба кармана.

— А теперь покажи сумку... И до мужчины тебе еще расти да расти, — немного запоздало нашлась, что ответить девушка.

Гаузен, немного обиженный, что девушке интересен не он сам, а его барахло, ловко подцепил носком сапога ремень лежащей на земле сумки и повесил ее на посох.

— А ты меня поддела! — улучил момент для новой колкости Гаузен.

— Поумничай у меня! — снова пригрозила незнакомка, но не столь сердито, как раньше, и Гаузен воспринял это как знак. Он сделал шаг, но не за саблей, а навстречу девушке. Она резко отшатнулась.

— Ну куда же ты? — насмешливо удивился Гаузен. — Если ты будешь отдаляться и дальше, то, боюсь, нам не удастся спокойно побеседовать!

— Мне не о чем разговаривать с ворами! — с вызовом бросила девушка.

— Вор? — Гаузен бегло оглянулся по сторонам, будто бы речь шла не о нем, и, не выпуская девушку из виду, возмущенно выпалил. — Да я в своей жизни ничего крупнее яблока не украл!

— Крупнее или дороже? — съязвила незнакомка.

— Мне что? Расписку показать? Я порядочный человек и на жизнь зарабатываю честным трудом! — вступился за себя Гаузен, которому надоели эти, как ему казалось, несправедливые нападки.

— Да неужели?! Ну, тогда скажи мне, на кого же ты работаешь, юноша с честным сердцем? — поинтересовалась незнакомка, вложив в свой голос еще больше желчи.

— И скажу, — пообещал Гаузен. — Только убери от меня свою колотушку. Дразнишь меня ей как бродячего пса!

Гаузен примирительно поднял руки, показывая, что никакой угрозы от него не исходит и исходить не может.

— Видишь ли, дорогуша, — важно протянул Гаузен и многозначительно посмотрел на девушку. — Меня зовут Гаузен, — произнес юноша и дружелюбно улыбнулся. — Хотелось бы узнать и твое имя.

— Нет уж, рассказывай! — одернула его незнакомка. — Если мое имя прозвучит, я тебе подмигну.

— Ну что ж... — загрустил немного Гаузен, опуская руки. — До сего дня, да и, наверное, после, я только тем и занимался, что... — юноша снова наткнулся на нетерпеливый взгляд девушки и продолжил по существу. — Я вез товары из Аверлата в Вейносту, но вчера в лесу на наш обоз напали разбойники. Я сражался с ними как мог, но потом к ним выскочила подмога из кустов. Меня чуть не окружили, и пришлось бежать. И вот я ночую здесь, так как ходит слух, что эти развалины якобы прокляты. Вот я и подумал, что здесь они побоятся меня искать.

— Ты не очень-то похож на торговца, — усомнилась девушка, и Гаузен решил понизить ставки:

— А кто сказал, что я торговец? Я его слуга.

— Эти бандиты сильно тебя поранили? — промелькнуло сочувствие в глазах у девушки.

Гаузен представил свой довольно помято-утомленный вид и лишний раз похвалил себя за находчивость.

— Ну, еле жив, конечно, остался, но в целом, кхе-кхе, — Гаузен для вида откашлялся, будто бы еще недавно его рот был полон крови, — невредим.

— Извини, я думала, что ты бандит и негодяй, а ты скорее... пострадавший, — посочувствовала несуществующему горю Гаузена девушка.

— Ну почему же пострадал? Я им неплохо наподдал! Но вот вернусь в Вейносту, я на них всю местную стражу натравлю! — вконец заврался Гаузен.

— Да ты храбрец, я смотрю. Но это место заброшено, и про него всякое болтают. А оставаться здесь, на проклятом месте, тебе не боязно? — осторожно поинтересовалась девушка.

— Поверь мне, когда тебя недавно чуть не убили, то будешь скорее страшиться уже увиденного, нежели неведомого, — мрачно заметил Гаузен, подумав при этом еще и о принце Леканте.

— Извини, что помешала тебе переждать ночь, — успокоилась, наконец, девушка. — Похоже, что мы оказались в этом месте по совершенно разным причинам. Надеюсь, мы друг другу не помешаем.

— Хочешь провести ночь вместе со мной? — обрадовался Гаузен.

— Ну, сидеть на месте я точно не собираюсь, — уклончиво ответила девушка. — Я здесь не случайно. И мне нужно поторопиться. Так что тебе придется подождать одному.

— Ты что, пришла в руины только для того, чтобы попугать меня? — удивился Гаузен, решив, что незнакомка покидает его.

— Нет, не для этого. Но я буду неподалеку. Мне просто надо отлучиться, — туманно объяснилась девушка и отправилась на прогулку по руинам.

— Не подглядывай! У меня свои дела, — строго предупредила она, когда Гаузен собрался пойти следом.

Юноша пожал плечами и вернулся к своим сухарикам. Грызая их, он слышал, как

девушка бродит вокруг да около в поисках непонятно чего. Вскоре она вернулась.

— Гаузен, — смутилась девушка, видимо, не решаясь прямо попросить о помощи. — А ты случайно не разбираешься, как устроены замки?

— Конечно, знаю! Я... — Гаузен уже собрался рассказать, что долгое время там проживал, но быстро спохватился. Ведь девушка могла задать вопрос, в каком таком замке, а ему не хотелось упоминать принца.

— Мне приходилось доставлять товары в самые разные замки. Хотя они обычно друг от друга далеко, но изнутри довольно похожи.

— А что ты можешь сказать о том, что тут было... на месте руин? — спросила девушка, понадеявшись на поддержку знающего человека.

— Дай-ка глянуть, — Гаузен вновь поднялся на ноги и уверенно начал расхаживать по руинам. Девушка неотступно следовала за ним.

— Тут были мастерские, тут спальни, а в этом месте, кто бы здесь ни жил, обедали.

Юноша снова начал подозревать, что здесь когда-то стоял монастырь. Он много лет провел в подобных заведениях и кое-что в них понимал.

— Значит, здесь была столовая? — оживилась девушка. — А почему ты так думаешь?

— Ну, во-первых, по размерам подходит. Видно, что здесь собиралось много людей. К тому же, к этому залу примыкает комната поменьше. Наверняка она была кухней. А еще... — Гаузен замедлил ход, внимательно высматривая еще сохранившийся пол. — Да вот, смотри, — указал Гаузен себе под ноги. — Тут был обеденный стол. Он давно уже сгнил, даже щепок не осталось... Но ты погляди какие глубокие вмятины! Их всего... Раз, два... — начал сосредоточенно считать юноша. — Я так и знал! Четыре! — обрадовался он то ли подтверждению своей догадки, то ли тому, что не придется считать до больших значений.

— Ты просто молодец, Гаузен! — благодарно кинулась к нему девушка, но быстро посерьезнела. — Кхм, я просто хотела сказать, что ты умнее, чем... чем показался мне с самого начала.

Уже в следующий миг все ее внимание было сосредоточено на каменистой поверхности развалин.

— Видишь, эта плита, — указала девушка скорее себе, чем Гаузену. — Она немного выдается. Но тут не за что зацепиться. Если ручка и была, то не сохранилась. Там точно должно быть что-то...

И девушка начала внимательно простукивать камень.

— Сокровища! — радостно воскликнул Гаузен.

Но девушка лишь тщетно ощупывала пальцами плиту, пытаясь найти хоть какую-то возможность отодвинуть ее.

Гаузен, не замечая этого, начал рассуждать вслух:

— И зачем им сподобился тайник под столом? Неужели не могли, как нормальные люди, в библиотеке? Я понял! — торжествующе воскликнул Гаузен. — Для этого и придумали, чтобы никто не догадался. Но ведь это так неудобно! Наверное, они сделали это для того, чтобы монахи, или кто еще тут жил, не толстели. Раскормленный монах не то, что под стол — в дверь с трудом пролазит.

Гаузен, отвлекшись, не сразу заметил, что его спутница от своих безуспешных попыток сдвинуть крышку чуть не стерла пальцы в кровь.

— Я могу помочь, — великодушно предложил Гаузен.

— Кажется, я нащупала, где поднимать. Вместе у нас должно получиться!

И девушка показала Гаузену, куда сунуть пальцы. От их совместных усилий между плитой и дырой в полу образовалась щель. Девушка немедленно сунула в нее посох и начала давить на него.

— Надо сунуть второй рычаг, — начал срываться ее голос от усилий. — Быстрее! Вставляй свою саблю!

— Ты вроде бы велела держать от нее руки подальше, — начал было Гаузен, но, поймав гневный взгляд девушки, осекся на полуслове и подчинился.

Раздался неприятный скрежет. Вскоре им удалось отодвинуть плиту, открыв проход под землю. Гаузен с неудовольствием посмотрел на свой клинок. Помимо нескольких весьма внушительных зазубрин, он изрядно погнулся. Юноша понял, что придется долго и упорно доказывать дворцовому оружейнику, что сабля пострадала в бою, скажем, ударом о щит, чтобы получить подходящую замену.

— Жди здесь и сторожи вход, — бросила девушка вместо благодарности и собралась уже отправиться вниз.

«Постой-ка» — подумал Гаузен. — «Может, там призраки или какие-то чудовища, а тут еще замок возводить. Если это откроется только во время строительства, и всякие твари полезут наружу, то мне несдобровать. Или хуже того, когда замок будет готов, обитателей вдруг начнут пугать до смерти разные гонцы с того света...»

— Подожди! — остановил юноша девушку. — А вдруг меня, как потревожившего это место, постигнет проклятье? Я не хочу оставаться здесь один!

— Ты же вроде не боялся? — напомнила девушка.

— Ну, я думал, что эти руины ерунда, а тут тайна какая-то. Все может быть... И еще я смогу защитить тебя при случае, — нашелся он.

— Ладно, — насмешливо согласилась девушка. — Залезай следом, защитник.

Обладательница зеленого плаща зажгла факел и вошла в проем. Юноша отправился следом.

Уже внизу, пройдя несколько шагов по коридору, девушка резко остановилась, а Гаузен, не успев затормозить, натолкнулся на нее.

— Ой! — виновато произнес Гаузен.

— Что «ой»? Разве тебя не учили говорить «извините»? — возмутилась девушка и, не дожидаясь соболезнований, грубо всунула в руки Гаузена факел, который едва не обжег ему лицо. — Иди вперед и не толкайся.

— Слушай, красавица, а за какой такой штукой мы все-таки полезли? — попытался между делом вставить комплимент Гаузен.

— За штукой полезла я. А ты только сопровождаешь, — объяснила девушка. — Да и вред ли тебя заинтересует книга...

— С картинками? — прикинулся дурачком Гаузен в попытке выманить побольше.

— Там много чего на страницах, — неопределенно отозвалась девушка.

— А я бы полистал — интересно все-таки, — не сдавался юноша.

— Она такая древняя, что, наверное, может и рассыпаться. И вообще — библиотек везде полно. Так что лучше почитай что-нибудь в другой раз, — порекомендовала девушка.

— Другой-то раз... Когда он будет? — засомневался юноша, который не особо любил посещать библиотеки.

— А ты не думай когда — просто свети и факел не роняй, — отрезала девушка.

Юноша еще несколько раз пытался завести разговор, но девушка была сосредоточена и немногословна. Сдавшись, Гаузен подумал, что может обо всем и после расспросить.

Наконец они выбрались в просторное помещение, которое, по всей вероятности, было библиотекой. Зал был полон развалившейся мебели, практически полностью истлевших бумаг и прочего уже никуда не годного барахла, хотя некоторым книжным шельфам удалось каким-то чудом сохраниться.

— Я-то думал, что чтение — это для приличных людей, а на деле — все равно, что на помойке ковыряться! — попытался развеселить спутницу Гаузен, взгляд которой как-то потух при виде всего этого мусора. Растеряно, будто заблудившаяся девочка, она бродила среди книжных останков. Она тщетно пыталась разыскать хоть сколько-то сохранившийся экземпляр, но годы забвения оставляли ей на это мало шансов. Гаузен, видя, как девушка расстраивается, решил помочь ей в поисках. Он подобрал один из томов и прочитал заголовок вслух.

— Страшные истории для поднятия аппетита. Наверное, что-то интересное, — предположил Гаузен.

— Это кулинарная книга людоеда, — мрачно пояснила девушка, и юноша брезгливо отшвырнул находку, будто в его руках только что побывал раскаленный уголь.

Тут Гаузен увидел между шельфами особо крупную гору рухляди.

— А вдруг под ней спрятано что-то ценное? — обнадежил себя юноша. Раскидав мусор и подняв облако пыли, он увидел, что в глубине кучи что-то белеет... Гаузен протянул было руку, но тут же в ужасе отдернул ее. Это были человеческие кости!

— Уберите от него... от меня... свои мерзкие пальцы! — раздался сердитый возглас. Услышав его, юноша вскочил и в удивлении раскрыл рот.

— Отойди! Не прозрачный, — попыталась отодвинуть юношу подоспевшая спутница.

— Он не только прозрачный, но и, похоже, невесомый, — прошептал Гаузен. Слова недовольства принадлежали призраку в длинных одеждах, чья тонкая блеклая фигура просвечивала и подрагивала, будто пламя свечи от легкого вздоха. Забывшись, Гаузен даже чуть было не выронил факел на разбросанные всюду бумаги, но успел перехватить его.

— Поосторожней тут! — гневно потрясая бородой, предупредило привидение. — Ты так скоро все тут подожжешь! Хотя мне-то чего... Землетрясение «пережил»! Чего уж мне какой-то пожар?!

— Развел же ты грязюку, старик... — попытался оправдаться юноша, все еще не оправившись от потрясения.

— Да пусть хоть еще тысячу лет пройдет — ни за что не уберу, — ответил ворчливый голос.

— Вокруг лежит столько книг... Ты, наверное, перечитал их все не по одному разу? — вкрадчиво поинтересовалась юная спутница Гаузена.

— Книги? Да кому они нужны?! Утеха для бездельников! — вновь захохотал бородатый призрак.

— Как ты можешь так говорить? Ты же библиотекарь! — не смогла сдержать возмущения девушка.

— Библиотекарь?! Разве я похож на этих праздных лентяев?! Я честный уборщик! Посмотрите, каким я был красавцем... — приблизился призрак к мусорной куче и откопал оттуда изрядно растрескавшийся череп.

— Ты только посмотри, что за парочка... Мертвец и еще мертвее, — ухмыльнулся Гаузен, не заметив, как осуждающе посмотрела на него девушка при этих словах. Но призрак, похоже, не расслышал, и Гаузен решил разгадать еще пару тайн загробной жизни:

— А борода отросла и волосы на голове выпали при жизни или... — но договорить не успел, так как острый локоток его спутницы вонзился ему в живот.

— Все мы когда-нибудь облысеем... У скелетов на черепе ничего, кроме плесени, не растет, — горестно покачал своей головой призрак.

«Наверное, он мел пол своей бородой. Потому-то здесь так неприбрано» — думал юноша, пока пытался отдышаться, уже не решаясь высказаться вслух.

— Но превратиться мне в поганца-переростка, если я когда-нибудь наведу порядок в этой проклятой библиотеке! — будто прочитал мысли Гаузена бывший уборщик. — После того, как они меня предали!

И старик, не выдержав сотен лет безответной тишины, принялся проклинать на весь зал неизвестно кого:

— Остолопы подвальные! Столько лет уже здесь торчу! Хотя бы колоду карт на пасьянс оставили вместо этих дурацких книжек!

Вы хоть представляете, каково это быть призраком? Молчите! Я и так вижу, что не представляете. Быть привидением — это когда даже почесаться нельзя. Ибо призраку нечего чесать! Ах, как я любил чесаться. Так любил, что иногда расчесывался до крови, и где теперь моя кровь? Мертвому все наоборот — стены не имеют никакой твердости, но чистый воздух, пропитанный солнечным светом для меня совершенно непреодолим. Я не могу покинуть эту проклятую библиотеку, а ведь ее я успел возненавидеть еще при жизни...

«Уломать этого недоживчика будет непросто» — подумал Гаузен. — «А если его не вытурить, то никакого замка не случится. Замучает он строителей своим нытьем».

Но призрак и не думал успокаиваться:

— Не перебивайте! При жизни мне не давали и слова произнести — все чего-то приказывали, заставляли... А ведь я так любил поспать! А сейчас я даже глаз сомкнуть не могу — у меня их попросту не осталось! Вечное бодрствование какое-то получается. А все мое нынешнее существование — это сущий кошмар наяву. Кошмар, затянувшийся на несколько сотен лет! А ведь так хочется забыться в сладких грезах, положив голову на мягкую подушку... Ах, как я любил вздремнуть! Эта любовь ко сну меня и погубила... А все из-за этих книжников! Из-за этих умников! Библиотечных червей с гнилыми сердцами! И я отдал им лучшие годы своей жизни! Или нет, постойте-ка... Это были худшие годы в моей жизни!

«Неправду говорят, что мертвецы сказок не расскажут. Если бы у меня было столько золота, сколько он сидел в подземелье» — подумал про себя Гаузен, утомленный болтовней призрачного старикашки. — «То я не рылся бы сейчас в мусоре, а купил бы замок из зеленого камня... А еще корабль из красного дерева. А то некоторые...» — выразительно зыркнул Гаузен в сторону девушки, — «держат меня за голодранца какого-то».

Но девушка не обратила на этот взгляд никакого внимания, так как, похоже, хотела о чем-то спросить призрака, но не знала как. Гаузен, не дожидаясь, пока она соберется с мыслями, решил прервать поток сознания призрака и пустить в дело свой скромный талант вежливого обращения с окружающими:

— Крутить-колотить! Вот ведь трепло призрачное! Проповедник обдолбанный! Пылесборник зачуханный! Распричитался тут, как последний побирушка на базарной площади! Я сколько лет провел среди всяких заумных зануд, и не жалею каждому встречному, какой тяжелый отпечаток оставило мне в жизни общение с ними. Катали я их на тележке! Шибко начитанных не любишь, старичок-лысовичок? Держись от них подальше, Катапак подери! А при случае давай незаметно пинка, чтобы мордой в навозную кучу! Тебя что, поросьячьего огрызка, на цепи держали, как последнего вшивого пса? Сцапал бы все самое ценное барахло, да свалил через окошко темной ночью, а эти тощие крючконосы тебя бы еще долго проклинали, как ты их сейчас!

После слов Гаузена в подземелье стало совсем тихо и спокойно. Девушка замерла от ужаса, а призрак — от удивления.

— Вот-вот! Я об этом тоже думал, — неожиданно согласился призрак, по-видимому, соскучившийся по площадной ругани. — Каким же я был идиотом, когда согласился на все это? А вы, — с некоторым одобрением обратился он к парочке искателей приключений, — мне сначала показались такими же умниками, что заточили меня здесь.

— Это мы-то умники? Да кто тут кого оскорбляет?! — возмутился Гаузен, сподобив призрака на новые откровения:

— Вы себе представляете? Я был единственным, кто занимался делом в этом ордене. Когда остальные перебирали бумажки, я разгребал грязь. Да если бы не я — они давно бы все передохли! Они бы задохнулись в пыли, как мухи в закупоренной бутылке. Понимаете? Я каждый будний день спасал им жизни! И как они со мной поступили? Они бросили меня помирать, как рыбу на берег! Да если бы я знал наперед, я бы их всех... передушил во сне, — и призрак выкрутил свои призрачные руки, сдавливая воображаемые шеи... — Поджег бы всю их библиотеку, — он взмахнул руками, изображая пожар. Я бы... — торжествующе

замахал он вытянутым указательным пальцем, похоже, отыскав из всех пыток самую страшную. — Я бы перепутал им все закладки в книгах!

— Старик, с такими замашками тебе в палачи надо было идти, — с тенью укора дал юноша запоздавший на несколько сотен лет совет.

— Да если бы вы знали, что они со мной сделали, — немного пристыжено пожаловался призрак. — Вы бы подписались под каждым моим словом. Ибо я сам ни писать, ни читать не умею...

— А ты не можешь поподробней рассказать, чем тебя обидели? С самого начала? — наконец, подала голос девушка. — Может, тебе еще получится как-то помочь?

— Да как мне уже поможешь, — махнул рукой призрак.

— Нам будет легче понять друг друга, — поддержал спутницу Гаузен, про себя подумав: «А заодно понять, как поскорей избавиться от тебя». — Разница поколений, то, се.... Ну, действительно, не секрет же?

Старик заколебался в прямом и в переносном смысле, продемонстрировав лишний раз свою призрачную физиологию. Но поборов сомнения и справившись с гневом, старик начал рассказывать обо всем по порядку:

— Это произошло во времена правления четырех королей. Тогда я работал уборщиком в ордене Охранителей Книг...

— Может, книгохранителей? — поправил Гаузен.

— Не перебивай! — шепнула девушка, а призрак счел своим долгом уточнить:

— Они не только хранили, но и охраняли, не давая... Как они там говорили? Ценному знанию попадать в чужие головы. Потому и охранители.

— Может, тогда, охранники? — не сдавался Гаузен.

— Охранникам все равно, что охранять, а эти знали, так что охранители, понятно? — снова начал закипать призрак.

— Как скажешь, дедуля, — снисходительно согласился Гаузен. — Чего ж тут не понять! Наверное, орден был ну просто охрани-и-ительный! — последнее слово он намеренно растянул, изображая восторг.

— Если ты не объяснишь своему другу, что старших нужно хоть немного уважать... — устав препираться, обратился призрак к девушке.

Ни слова не говоря, спутница Гаузена поудобней ухватила свой посох и так стукнула его по макушке, что юноша присел почти до самого пола.

— Ну, вот так они со мной и обращались... — то ли одобрительно, то ли осуждающе произнес призрак и стал рассказывать дальше:

— Меня звали Эрмин. Сейчас уже никто не помнит мое имя, да и тогда никто особого внимания не обращал. До поры до времени... Пока не найдут какую-нибудь пылинку. А найдут — такой крик поднимут: «Эрмин, ты развел грязь! Эрмин, из-за тебя вокруг плесень! Эрмин, в углу паук сплел сеть! Эрмин, крысы погрызли кожаный переплет! Да как будто я их нарочно разводил! А ведь могли и канделябром по спине приложить! Я еще удивлялся, что вроде ученые люди, и добрее должны быть! Но потом я понял, что кругом меня окружают одни только негодяи!

— Вот-вот, — прибавил Гаузен, все еще потирая ушибленное место и недовольно поглядывая на обидчицу. — От ученых добра не жди. Ученость только и служит, что для оправдания всяких гадостей, вроде мучения ящериц или пускания крови.

Глаза привидения благодарно полыхнули, и его тон сменился с озлобленного на

жалостливый:

— И что я им сделал? Ну, иногда воду на книги проливал. Бывало, о метлу мою запинались. Ну, любил поспать, но кто же не любил?

— Слушай старик, а ты умер таким или за все эти сотни лет состарился? — снова промелькнуло в голове у Гаузена. Но он благоразумно решил промолчать, понимая, что может опять разозлить призрака.

— Да что им мог сделать такой жалкий старик, как я? — вновь запричитал Эрмин.

«Ага, значит, помер в старости. Ну так чего расстраиваться? И так недолго оставалось» — подумал Гаузен.

— Тогда я не понимал причину их пренебрежения, но за долгие годы неусыпных ночей мне все стало ясно. Эти буквоеды попросту ненавидят простых людей! Для них я был букашкой, и меня расплющило как букашку. По их вине! — распалялся призрак все больше и больше.

— Неслабо, наверное, пристукнуло... — посочувствовал Гаузен.

— Лучше тяжелое ранение, чем легкая смерть! И любая смерть лучше этого! Уж лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас! — не прекращая, лил потоки гнева призрак.

— Тебя что, книгой придавило? — не выдержал Гаузен.

— Если бы все было так просто! — даже и не думал закругляться призрак. — Однажды, после длинной ночной смены я очень крепко спал. И, по-видимому, пока я спал, случилось землетрясение или еще какая-то ерунда. Как сейчас помню свой последний сон:

Будто бы я пошел в лес по ягоды, а они на деревьях растут. И я прыгаю, прыгаю, а еще думаю — надо назад вернуться, лестницу взять. Тут меня как ягодкой по голове и шарахнет! И темнота. А когда очнулся и понял, кем я очнулся, то лучше бы и не просыпаться вовсе! Сами-то книжники убежали, а меня будить не стали. А потом, видимо от встряски, факелы со стен попадали и подожгли то, что не было завалено камнями. После этого я превратился в какую-то ерунду. Нежить — вот подходящее слово. Ведь никому не захочется так жить. Кто-то скажет, что это бессмертие! Но ведь я... Я никогда не просил об этом!

— Всегда очень тяжело, когда кто-то, кого ты знаешь очень давно, погибает... И ты ничем не можешь помочь, — печально произнесла девушка, которой стало жалко несчастного старика.

— Это им-то было жалко? Да ничего подобного! — возразил неупокоенный уборщик. — Потом эти проклятые книжники вернулись. Думаете, они вернулись справиться обо мне? Как бы не так! Они даже не стали хоронить мои останки должным образом! Они искали свою главную реликвию. И вот тут их ждала маленькая неприятность! Книгу-то я надежно спрятал — не подкопаешься. А если они были близки к ней, то я незаметно перепрятывал ее. Так что не книжка им вышла, а заячья припрыжка.

— А что случилось потом? — разволновалась девушка.

— А потом мои останки лежали на полу, пока их не сгрызли мыши... Впрочем, не надо плакать обо мне, ведь я давно уже мертв, — погрузился от неприятных воспоминаний призрак.

— Ну, хоть мышам была какая-то польза, — ехидно шепнул Гаузен девушке. Она бросила на юношу взгляд, полный ненависти, и снова обратилась к Эрмину:

— Я хотела узнать, что случилось с книгой?

— Я так и знал! — вновь разозлился призрак. — Вы оба — из ордена Охранителей Книг. Вы ничего от меня не получите! Убирайтесь отсюда немедленно! — в своем гневе

призрак поднял небольшой вихрь из пыли, перемешанной с обрывками страниц. Девушка успела закрыть лицо плащом. Плащ же Гаузена был слишком коротким после недавней стычки, и он пытался закрыть лицо руками.

— Мы не из ордена Охранителей Книг! — закричала девушка. — Его давно больше нет!

— Как нет? — удивился бывший уборщик, и круговорот прекратился.

— Я из другого ордена, — созналась девушка. — Из ордена Всемзнания.

— Орден Всемзнания? — переспросил призрак. — Как же охранители ненавидели этот орден! Я даже вам симпатизировал немного, вот только не знал, что вы из себя представляете.

— У нас все наоборот, — заверила девушка. — Мы книги не прячем, а стараемся распространять полезные знания среди людей.

— Не храните книг, говорите? Если бы я тогда знал, то ни за что не нанялся бы к этим книжникам. Когда книги не хранятся, то и убирать, наверное, приходится немного, — недоверчиво насторожился призрак. — Но если я отдам вам книгу, зачем мне здесь будет торчать? Я свой тяжкий быт проклял еще при жизни, а призрачный ничем не лучше... Но все же была какая-то цель... Сохранить книгу... А потом? Что дальше? И главное не что, а зачем?

— Милый Эрмин, — осторожно произнесла Лин. — Это не простая книга. Она принадлежала основателю нашего ордена Демиану и досталась ему свыше, но была вероломно похищена. И не столько ты сохранял ее все эти годы, сколько она сохраняла тебя.

— Как это? — не поверил призрак.

— Древняя магия способна на многое, — терпеливо начала объяснять девушка. — В том числе и на связь между мирами. Чтобы ты уберег реликвию, она не пускала тебя в иной мир. Кроме того, ей необходимо человеческое сознание...

— Проклятая книга! — прервал девушку призрак. — Все эти годы я служил ее никчемным придатком!

— Неправда! Книги служат людям, но не наоборот, — попыталась возразить девушка, но призрак не обратил внимания на ее слова:

— Надо было сразу сжечь ее, и я был бы свободен!

— Ни в коем случае! — испугалась девушка. — Уничтожив книгу, ты бы вызвал такие беды, что никому в мире и представить нельзя!

— Что же мне делать? — сдался старик. — Может быть, я ворчлив и неопрятен, но не злодей какой. Я не заслужил всего этого, клянусь Катапаком!

— Есть способ, который поможет тебе успокоиться навсегда! — заявила девушка. — Просто передай ее мне, и ты навеки распрощаешься с этим миром вместе со своими страданиями.

— А вы не обманываете? — заподозрил неладное призрак.

— Ты был обманут, Эрмин, но не нами, а орденом Охранителей Книг. Похоже, что на книгу было наложено мощное заклятье. Оно не давало упокоиться ближайшему к ней обитателю ордена, чей дух бы вечно бодрствовал, пока книга не возвратится в человеческие руки. Предполагалось, что в случае опасности верный ордену библиотекарь, погибший ближе всего к книге, и дальше продолжил бы свою службу. Он спрятал бы книгу от врагов, а потом вернул ее своим соратникам по культу. А пока этого не произошло, твое сознание было связано с книгой, не давая духу рассеяться. Но, наверное, из-за пожара они решили, что книга пропала в огне безвозвратно и перестали ее искать. А предательства от служителя

ордена они, похоже, не ожидали...

— Предательства? Да кто кого вообще предал? Сам того не зная, я все эти годы был частью заговора ордена! Я не хочу больше в этом участвовать. Да пропади все пропадом! Пропадите вы все пропадом! — запричитал призрак и исчез.

— Неужели он пропал насовсем и больше не вернется? — испугалась девушка. Гаузен попытался ободряюще обнять ее, но та резко отдернула его руку со своего плеча. В этом момент призрак вернулся. В руках он держал книгу.

— Вот, берите, — протянул реликвию призрак. — Делайте с ней, что хотите. А сейчас мне хочется просто исчезнуть, если нет возможности начать все с чистого листа...

— Ты сделал доброе дело, Эрмин, спрятав ее, — не спешила брать книгу из рук призрака девушка. — Иначе их преступный культ мог бы существовать и поныне.

— То есть, — восторжествовал призрак. — Они развалились... из-за меня? Наконец-то мне удалось отомстить им! Я столько проклинал этих никчемных библиотекарей, а оказалось, что их проклятье рухнуло им же на головы!

— Раз уж мы расстаемся, и ты обретаешь успокоение... Ты не мог бы... Ну, перестать злиться на них их? — вдруг поинтересовалась девушка. Вместо ответа призрак уставился в недоумении, явно оскорбленный предложением девушки.

— Это неправильно вручать дар, когда у тебя злоба на душе. Они уже заплатили за свои ошибки, — снова попыталась переубедить Эрмина девушка. — Их уже давно нет, а скоро здесь не будет и тебя. Туда, куда ты отправишься, ненависть будет ни к чему.

— С чего бы это мне прощать всех их! Разве они когда-нибудь извинялись передо мной?! — снова вспылал призрак.

— Они такие же заблудшие души, как и ты, — не сдавалась девушка. — Когда-то орден Всемзнания и орден Охранителей Книг были едины, называясь просто — орденом Знания. Но потом последователи ордена разделились. Одна часть решила сохранить верность прежним убеждениям Демиана, считая, что знания нужно сохранять как можно дольше. Те же, кто были иного мнения, стали распространять знания среди окружающих. Понимаешь? Орден Охранителей Книг просто неправильно истолковывал учение Демиана.

— Так вы были одним орденом?! — взбесился призрак. — Может, зря я о вас хорошо подумал! Может быть, вы были такими же...

Девушка так и не взяла книгу, и Гаузен испугался, что Эрмин передумает отдавать ее и спрячет навсегда. Он рванулся навстречу призраку и выхватил реликвию из его холодных мертвых рук. Призрак тут же рассеялся. Юноша протянул книгу своей спутнице, ожидая благодарности. Но она смотрела на него с такой ненавистью, что Гаузен решил, будто она снова сейчас его ударит.

— Ты ужасный человек, Гаузен, — презрительно бросила девушка и направилась к выходу.

— Мы столько времени тут провели вместе с неуспокоенной нежитью, а ужасный — вдруг сразу я? — поразился юноша и кинулся догонять. — Да ты понимаешь, что еще чуть-чуть — и он бы уже никогда не отдал эту книгу! Я просто воспользовался шансом и забрал ее!

— Воспользовавшись этим шансом, ты не дал нам договорить! А книгу бы он отдал все равно, — продолжала расстраиваться девушка.

— Так уж бы и отдал! Видела, как у него гляделки полыхали? Как он бородицей тряс? Свой гнев надо держать при себе! Это послужит ему хорошим жизненным уроком... —

сказал Гаузен и осекся на последней фразе, которая была в данных обстоятельствах не вполне уместна.

— Ты видишь в людях только плохое, — настаивала девушка. — В конце концов, он бы успокоился и ушел с миром.

— Ну, извини, — сдался Гаузен. — Я ведь и за тебя испугался. Кто бы мог знать, что так выйдет?

— Ты что, никогда никого не слушаешь? — обвинила его напоследок девушка, устав спорить с юношей. — Я же сказала, что прикосновение человеческих рук освободит его от проклятья!

— Ну, по крайней мере, ты получила то, зачем пришла, — пожал плечами Гаузен, про себя подумав:

«Ну и чему я научился из этой истории? Как обычно — ничему!»

Девушка, вспомнив о книге, бережно положила ее в сумку. Вскоре спутники выбрались наружу.

Гаузен сопровождал спутницу наверх, и, несмотря на мрачный осадок, оставленный встречей с призраком, почувствовал определенное облегчение. В развалинах, похоже, не осталось других привидений, а это значит, что на их месте можно будет построить новый замок. Кто знает, может, получится вернуться к Леканту с донесением и успеть к праздникам? Но юноше придется расстаться со своей попутчицей, чего ему не очень хотелось. Ему было любопытно, что за книгу захватила девушка, да и сама юная особа тоже была ему совсем не безразлична.

Тем временем, девушка покинула руины и отправилась в ближайший лес. На опушке у дерева стояли две лошади — белая и черная.

— Здорово! — искренне восхитился Гаузен. Он так любил лошадей, что даже не особо расстраивался, когда ему приходилось вычищать конюшни в замке Леканта. — Всегда мечтал иметь таких. А вторую ты захватила, чтобы первой скучно не было? — попытался пошутить юноша, но девушка только помрачнела от этой остроты.

— Вторая принадлежала близкому мне человеку, но он погиб в схватке с бандитами, защищая меня, — печально объяснила девушка.

— Мерзавцы, — только и смог, что произнести Гаузен. Ему было не столько жаль погибшего незнакомца, сколько он злился на негодяев, которые покусились на жизнь его спутницы. Юноша, немного помолчав в знак сочувствия, подумал, что настал подходящий момент снова попроситься в компанию.

— Я вполне могу сопровождать тебя дальше... Но только ты не говори, что тебе со мной не по пути! — предложил Гаузен, решив не сильно спешить докладываться Леканту. Если принц узнает, что задание выполнено раньше срока, то может подумать, что Гаузен поработал не совсем добросовестно.

— Сюда я добралась одна, и дальше как-нибудь сама управлюсь. Да и много ли от тебя будет толку? — скорее утверждала, чем спрашивала девушка.

— Но ведь я помог! — возмутился Гаузен.

— Помог ты только тем, что посветил в пару щелей! А в остальном ты вел себя просто отвратительно. Ты чуть все не испортил! — не согласилась девушка.

— Ну, знаешь... Ты еще не видела меня в действии! Дай мне второй шанс! — не сдавался Гаузен.

— В подземелье у тебя их было сколько угодно! — настаивала девушка.

— А вдруг меня схватят и будут пытать, куда ты направляешься? А вместе мы скорее отобьемся, чем поодиночке! — пустил в ход юноша последний аргумент.

— Ладно, вояка, уговорил. Но только чтобы никаких непредвиденных остановок, — устала препираться девушка и без особой радости указала ему на свободную лошадь.

При езде верхом остатки плаща юноши нелепо развивались на ветру, неприятно натягиваясь на шее, так что юноша просто снял его и засунул в сумку.

— Слушай, красавица, а ведь я не знаю, откуда ты и как тебя зовут? — вспомнил юноша.

— Я Фелиндия... Из Альдории, — представилась девушка и снова равнодушно стала смотреть куда-то вдаль.

Но Гаузену хотелось продолжения, и он решил неотрывно смотреть на девушку, ожидая,

что ей самой захочется чего-нибудь спросить или рассказать.

— Чего уставился? — наконец повернула голову Фелиндия.

— Никто не говорил тебе, что у тебя прекрасные... глаза, — немного растерялся юноша.

— Много раз, — пожалала плечами девушка. — У нашего архивариуса слабое зрение, и он часто просит меня прочитать неразборчивые места в манускриптах.

Гаузен не знал, что на это ответить, но через некоторое время решил на новую попытку:

— Так ты монашка? — неуверенно спросил Гаузен, глядя, как лихо девушка скачет на лошади.

— То, что я состою в ордене... Конечно налагает на меня обязательства, но не такие, которые мешают выполнять мои обязанности, — уклончиво ответила Фелиндия.

— А вот я вырос в монастыре, — с наигранным простодушием признался Гаузен, стараясь завоевать доверие девушки и поддержать разговор.

— Так ты... монах? — с улыбкой поинтересовалась девушка, и Гаузен решил, что нашел с девушкой общую точку соприкосновения.

Но в ее вопросе звучало некоторое недоверие, ведь на монаха Гаузен ну никак не походил. Да иподобное признание накладывало на себя определенные ограничения в общении с девушкой.

— Нет, я там только воспитывался, — сознался Гаузен.

— Что-то незаметно, что ты воспитанный! — едко возразила девушка.

— Вот видишь! — не обиделся юноша. — А ведь я правду сказал. Значит, моей вины тут нет! Это все вина воспитателей! — тут на Гаузена накатил черед воспоминаний о не то чтобы очень счастливом, но точно, куда более безбедном детстве. Но он решил, что лучше о них промолчать.

— Ты что, всегда во всем винишь только окружающих? — возмутилась девушка.

— Что, правильной винить только себя? — парировал Гаузен.

— Хотелось бы мне знать, — немного задумавшись, неожиданно помрачнела Фелиндия и замолчала.

— А могу я звать тебя просто Лин? — попросил Гаузен спустя некоторое время.

— Лин? К чему эта фамильярность? — насторожилась девушка.

— А у меня от «Фелиндия» нос чешется, — нашелся юноша.

— Ты что, носом говоришь? — удивилась девушка.

— Когда я выдыхаю «пфе», то струя воздуха кончик носа щекочет. Как будто табак нюхаю, — пояснил Гаузен.

— У вас мужчин один табак и выпивка на уме, — сердито пожаловалась девушка.

— Да нет же! — не согласился Гаузен. — Мне просто будет приятней звать тебя Лин. Фелиндия — это имя одной из воспитательниц в монастыре, где я рос. Каждый раз, когда я произношу это имя, я морщусь.

— Как от табака? — не упустила момент поддеть Гаузена девушка.

— Ну чего ты привязалась? — обиделся юноша. — Да вообще у меня была только одна вредная привычка, — смущенно произнес Гаузен. — Но я от нее давно избавился!

— Что за привычка? Воровство? — съязвила девушка.

— Да как ты могла подумать?! Помогаешь тут всяким, а тебя за проходимца какого-то держат, — разобиделся Гаузен.

— Ну, тогда, наверное, чего похуже? — не отступала девушка, и Гаузен понял, что если

он не расскажет ей всю правду, то она от него не отстанет.

— В детстве я рос в монастыре водного бога Катапака, — начал юноша. — И когда мне сильно хотелось по малой нужде, то зачастую я не бежал во двор к отхожему месту, а пользовался ближайшим источником для омовения рук. Ну, просто подходил вплотную и делал вид, что мою руки. И тут подходит воспитательница Фелиндия, а я уже не могу остановиться и убежать, но делаю вид, что все нормально. А она сразу-то и не разглядела и говорит мне: Молодец, Гаузен, ты мой маленький чистюля, можно и мне на руки полить... А как подошла поближе, так заорала! Я чуть не оглох. Я месяц потом по ночам в кровати, кхм, кошмарами мучился, — спохватился юноша, что наговорил лишнего, но увидел, что девушка впервые за время их встречи смеется во весь голос. Гаузен, несмотря на всю неловкость ситуации, с радостью подумал, что изначальное недоверие между ними тоже осталось в прошлом.

— Наверное, — борясь с последними приступами смеха, предположила девушка, — она тебе до сих пор по ночам является.

— Теперь ты понимаешь, какие чувства у меня от этого имени? — попытался разжалобить Гаузен.

— А по тебе ведь и впрямь не скажешь, что ты любишь умываться, — все еще улыбаясь, заметила собеседница.

— О чем это ты? — насторожился Гаузен.

Девушка показала пальцем на его лицо. Гаузен провел по нему рукой и увидел, что она вся запачкалась. Похоже, что он оброс грязью еще в подземелье, когда рылся в книгах и попал в вихрь, устроенный призраком.

— Надо остановиться и поискать источник или реку, — спохватился юноша.

— Лучше ополоснись из фляжки, — посоветовала девушка.

— Там не осталось воды, — уклончиво ответил Гаузен. Он не хотел, чтобы девушка узнала, что там вино, как у какого-то выпивохи.

— Тоже мне беда, — пожалала плечами девушка. — До этого не замечал, и сейчас не обращай внимания.

— Легко тебе говорить! Ты же не запачкалась! — возмутился юноша.

— Ну, может быть, правду люди говорят, что свинья всегда грязь найдет! — отозвалась Фелиндия.

— Я же шел впереди. Можно сказать, защищал тебя от пыли и грязи. Давай найдем ручей! У нас в Велитии бог воды — самый главный бог. Он грязнуль не любит! — продолжал упрашивать Гаузен.

— Мало ли в наше время немых по миру шляется? А к чистому всегда больше подозрений. Если человек может позволить себе мыло, то у него могут и деньги водиться. А уже это может привлечь внимание разбойников. Уж кто-кто, а бандиты знают: Кто за собой следит, тому есть чего терять, — не переставала поучать Гаузена девушка.

— Ну, по тебе не скажешь, что ты за собой не следишь, — попытался возразить и одновременно сделать комплимент Гаузен.

— Я же девушка, — хмыкнула Фелиндия, пропустив похвалу мимо ушей. — Если будет возможность по пути, то остановимся. Я, конечно, служу другому ордену и не знаю всех ваших обычаев, но думаю, что ваш Катапак не такой сердитый, чтобы карать каждого неумывайку. Да и вообще, куда ты так торопишься? Почему тебе так хочется умыться непременно сейчас?

— Я думал, что ты меня... — начал было юноша, но в смущении замолчал.

— Я тебя что? — обеспокоилась девушка.

— Да так, ничего, — замялся Гаузен, и некоторое время они ехали молча, пока юноша не вспомнил другую свою просьбу:

— Ну, так что? Могу я называть тебя Лин?

— А почему хотя бы не Лина? — предложила девушка.

— Лина — это как-то длинно, — неуверенно возразил Гаузен.

— Ну ладно, можешь звать меня Лин, — согласилась, наконец, девушка. — Тем более, меня в ордене все так зовут.

— Что ж ты раньше упиралась! — прошептал Гаузен, лишний раз подумав о том, как он все-таки мало понимает этих женщин.

— И не надейся, что я буду звать тебя Гонзиком, — добавила девушка.

— Вот уж это я как-нибудь стерплю... А у вас в ордене все такие несговорчивые? — вдруг вырвалось у него.

— Да что ты вообще знаешь об ордене Всемзнания? — вспыхнула девушка.

— Ну, я слышал, что у вас, когда ложатся спать, вместо подушек кладут под голову книги, — предположил юноша.

— Это еще что за ерунда! — возмутилась Лин, но Гаузен не сдавался:

— Да ладно, чего уж тут! Каждый культ — он со своими странностями. Вот в Хаслинии поклоняются огненному богу Шальварку и всю пищу жарят только на огне. А суп готовят, пока кастрюля не выкипит хотя бы на половину, чтобы, как они говорят, вода пропиталась огнем. Ерунда какая-то! Вода и огонь несовместимы! Вот у вас в Альдории все понятно без вопросов. Мне тут рассказывали, будто вы настолько любите чтение, что даже на обед едите жареных книжных червей, — в этот момент девушка прямо задохнулась от возмущения, но это было еще не все, что Гаузен знал об ордене Всемзнания. — А еще я слышал про одного служителя вашего ордена. Так он был такой жадный, что всю жизнь искал колодец, исполняющий желания. И когда нашел, то ему нужно было бросить туда монетку и загадать желание. Ему пришлось пересилить себя вместе со своей жадностью и выбросить монетку в колодец. Но когда он ее кинул, сил сдерживать свою жадность у него совсем не осталось, и он бросился вниз в колодец за монеткой. А ведь мог бы пожелать себе горы золота!

— Гаузен, тебе никто не говорил, что твой язык похож на лопату? — раздраженно прервала юношу Лин.

— В смысле, это потому что я острый на язык и каждое мое слово вызывает смех? — наобум ляпнул Гаузен.

— Нет, это все из-за того, что каждым своим словом ты копаешь себе могилу! — рассержено выпалила девушка и обиженно добавила:

— И вообще мы жадные только до знаний. У нас даже поговорка есть — лучше книга в руке, чем монета в кошельке.

Некоторое время они опять ехали молча.

— Чего молчишь? — не выдержал, в конце концов, Гаузен.

— Если отвечать на каждое слово, — все еще сердилась Лин, — то люди бы не замолкали, как птицы в лесу.

— Даже птицы по ночам спят, — разумно подметил Гаузен.

— А филин? — вспомнила исключение девушка.

— Филин — эта такая пучеглазая птица, что у нее глаза не закроются при всем

желании, — с непоколебимой уверенностью в собственной правоте заявил юноша.

— А я смотрю, ты хорошо разбираешься среди себе подобных, — скептически отозвалась Лин.

— Я что, похож на птицу? — не разобрал намека на собственное невежество юноша.

— Ага, на вороненка, — не поворачиваясь, заявила девушка будничным тоном, каким обычно говорят о погоде.

— Это почему сразу на вороненка? — запротестовал Гаузен. Он надеялся на орла, ястреба или, на худой конец, коршуна.

— Такой же нахальный, темноволосый и вечно суешь свой нос не в свое дело, — разоткровенничалась девушка.

— Это я-то сую руки не в свой нос? То есть не в свое дело, — смутился Гаузен. — И это после того, что мы вместе пережили?

— Вот именно! — подтвердила Лин. — Если бы не пережили, я бы о тебе так не говорила!

— Ну, ладно, — решил отступить Гаузен, которому уже надоело спорить. — Хватит уже клеваться насчет всякой ерунды. Если тебя раздражают мои вопросы, то тогда сама расскажи мне что-нибудь!

— Что рассказывать? — насторожилась Лин.

— Ну, расскажи, к примеру, про историю твоего ордена, — предложил Гаузен.

— Тебе действительно интересно об этом послушать? — удивилась девушка.

— А ты постарайся, чтобы не скучно было! — решил приободрить он девушку. — Если я засну от скуки, упаду с лошади и сломаю себе шею, то вся вина от произошедшего будет на твоей совести.

— Хочешь сказать, я зануда!? — обиделась Лин.

— Нет, ну просто любопытно, — снова пошел на попятную Гаузен. — Я ни в коем случае не хотел сказать, что твой орден состоит из одних только зануд... То есть мне хотелось бы узнать, о том, что за люди основали твой орден и как они с тобой связаны. А если не хочешь рассказывать о себе, то расскажи о том, что дорого тебе самой...

Последние слова несколько смягчили сердитый настрой Лин, и она решила выбрать историю, которую, похоже, знала лучше остальных:

— Если тебе интересно знать про наш орден... А про наш орден ты, по-видимому, не знаешь ничего, то следует начать с самого основания. Точнее с человека, который основал Орден Всемзнания... Вообще-то эту историю у нас рассказывают маленьким детям, но я думаю, тебе будет вполне по силам разобраться в ней, — не удержавшись от остроты, начала девушка.

— А почему все-таки орден Всемзнания, а, например, не Всезнания? — переспросил Гаузен, немного задетый тем, что девушка снова усомнилась в его умственных способностях.

— Потому что знать все невозможно, но знания нужны всем, — пояснила девушка. — И вообще, не придирайся! Основатель Демиан всегда говорил, что главное — не в букве, а в смысле.

— С этим я, пожалуй, соглашусь, — заметил Гаузен, у которого с правописанием было не очень хорошо еще с монастырских времен, и дал девушке продолжить:

— Демиан родился в Альдории в небольшой деревне в доме, где жила семья свиная...

«Ну, по крайней мере, у него была семья и дом» — подумал Гаузен про себя, но не удержался от уточнения:

— А свинарь — это нечто среднее между пахарем и свинопасом?

— Нет, так в его селении называли колбасников, — поспешно объяснила девушка, стараясь не отвлекаться от основной нити повествования. — Среди других жителей он выделялся разве что светлым умом, но так как он был таким же чумазым, как и остальные дети, это мало кто замечал. А еще он очень любил рыбачить. И вот однажды...

— Его проглотил гигантский морской змей! — предложил свою версию Гаузен, которому захотелось слегка оживить повествование.

— Не перебивай! — одернула юношу девушка. — Однажды заметив, что рыба клюет на шевеление концов червя, он обнаружил, что у червя их только два — спереди и сзади. Тут маленький Деми обратил внимание на муравьев и увидел, что у них целых шесть отростков, то есть лапок. Да еще червяков приходилось выкапывать, а муравьи копошились прямо под ногами. Тогда-то Деми решил, что для рыбалки муравьи — лучшая наживка...

— Что-то больно уж внимательно он этих букашек рассматривал, — заподозрил неладное Гаузен. — Наверное, он их поедал тайком, а всем говорил, что ходит на рыбалку!

— Да как ты смеешь сомневаться в честности Демиана! — возмутилась Лин. — Каждый отрывок в этой истории несет в себе глубокий смысл, недоступный для непосвященных!

«Похоже, что этого Деми посвятили еще в глубоком младенчестве. Головой об деревянный пол» — подумал Гаузен наперекор Лин, но вслух сказал:

— И вообще, Деми — это девчачье имя!

— Да много ли ты разбираешься в девчонках?! — парировала Лин, которая, похоже, уже начала привыкать к придиркам Гаузена. — Сначала маленький Деми пытался ловить муравьев руками, но они больно кусались. Посмотрев на свои руки, покрытые волдырями от укусов, маленький рыбак задумался.

Ему пришло в голову, что муравей — это тот зверь, которого можно ловить в одиночку, но не по одиночке. И что если муравьи сами не идут к нему в руки, то пусть идут куда-нибудь еще. А переманить всегда легче, чем заставить. И, благодаря глубоким размышлениям, на него снизошло озарение.

Он налил немного меду в небольшой кувшин, остальную часть размазал по стенкам изнутри и оставил на ночь, надеясь, что к утру сосуд будет заполнен доверху наживкой для рыбы. Расчет юного Демиана был верен, но в ту ночь на мед польстились не только муравьи...

«Вот недотепа! В его годы я тащил рыбу не из речки, а с кухни» — подумал Гаузен и продолжил слушать историю:

— И вот, пока маленький Демиан лежал в постели, случилось такое, что и присниться не может, — с тревогой в голосе поведала девушка. — В ту ночь в огород забрался огромный, косматый и страшный зверь!

— Жуть какая! — вырвалось у Гаузена, которому представилось чудовище размером с крылатого ящера.

— И вот он тихо подкрался, пока все спали... — продолжала нагнетать обстановку Лин. — Подобрался к кувшину с медом и попытался вылизать его. Но, к несчастью для животного, в сосуд уже набилось изрядное количество муравьев, озверевших от темноты и тесноты. Они начали кусать попавший внутрь язык, отчего тот распух до невероятных размеров и застрял в кувшине. Зверь пытаясь его вытащить, схватился за кувшин, но ничего не получалось. Зверь неистово катался по земле, ломал все вокруг, но эти усилия лишь усугубили его и без того тяжелое положение — кувшин застрял у зверя прямо в глотке.

— Откуда все это известно? Твой Деми, что ли, всю ночь в кустах просидел? — прервал историю Гаузен.

— А ты не подумал, что потом остались следы — сломанные ветки, примятая трава? — нетерпеливо растолковала Лин. Гаузен снова умолк, и девушка перешла к заключительной части тяжелой судьбы неудачливого чудовища:

— И тогда зверь в последний раз вздрогнул лапами и задохнулся. Наутро селяне обнаружили медведя, погибшего весьма неестественной смертью. Пока местные жители размышляли над увиденным, подоспел и сам Деми.

— Я всего лишь хотел оставить приманку, чтобы раздобыть наживку для рыбы, — сбивчиво пытался объяснить мальчик.

— Он хотел поймать медведя, чтобы тот удил ему рыбу! — не понимали недалекие сельчане.

— Да нет же! Мне нужны были муравьи, а не медведь! — возражал Деми.

— Хотел убить муравья, но не рассчитал сил и убил медведя! — восторгались односельчане.

— Нет-нет! Я не хотел его убивать! — отрицал парнишка.

— Не хотел, но убил! Какая силища! Да с нашим Деми шутки плохи! — расхваливали мальчика его соседи.

Гаузен с трудом удерживался от смеха, наблюдая, как девушка разыгрывает диалог на два голоса. Увидев его реакцию, девушка смутилась и продолжила рассказ более подобающим для поучительных историй тоном:

— Несмотря на все попытки объяснить произошедшее, наивные жители деревни так и не смогли понять того, что произошло на самом деле. Да и сам Деми далеко не сразу восстановил всю цепочку событий этого недоразумения. В итоге, мнение деревенских касательно недавних событий существенно разделилось. Одни сошлись на том, что Деми хитроумно подкараулил и убил медведя. Другие говорили, что косолапый зверь пытался отнять у Деми мед и поплатился. Третьи рассказывали, что медведь ловил рыбу, и Деми решил, что это муравей — и ненароком придавил его. Четвертые утверждали, что лесной обитатель напал на муравьев, а Деми вступился за них. А пятые были уверены в том, что медведь пил мед из кувшина и не стал делиться им с Деми, за что и заслужил свою страшную кончину. Вскоре из-за распускаемых о нем небылиц Демиан стал самым прославленным человеком во всей округе.

— Глядите, — говорили жители. — Вот идет Деми-который-поборол-медведя. Мальчик быстро привык к обрушившейся на него славе и очень ею гордился, но каково же было его разочарование, когда внезапно она исчезла как пыль после дождя.

В один прекрасный момент в деревню приехала бродячая ярмарка. И когда народ ринулся поглазеть на акробатов, шутов и прочую живность, все как-то сразу позабыли про невероятные подвиги Демиана. Для мальчика это стало полной неожиданностью — он всерьез считал, что геройская слава останется с ним на всю жизнь и обессмертит его в веках. Погоревав немного, он понял, что этим былую популярность не вернуть и решил посмотреть на то, что так всех взбудоражило. Побродив немного вокруг да около, он остановился у клетки с хищными зверями. Старый дрессировщик, увидев печального мальчика, решил немного его отвлечь:

— Что грустишь, малец? У меня беда побольше твоей будет. Совсем у меня мало зверей осталось. А был один мишка, да стар стал, вот я его недавно и отпустил на волю. Все равно у

него уже из трюков ничего не выходило, да и помирать ему было скоро, наверное. Безобидный был, добрый, зубы выпали, когти обломались... Кого бы он там задрал? А ведь был когда-то заглавным развлечением цирка! Ну а теперь же кто его вспомнит?

— Неужели слава земная столь недолговечна, и, как бы ты ни старался, все равно все позабудут про твои деяния? — ужаснулся Демиан.

— Я тебе верно говорю, — ответил хозяин зверинца. — Кем бы ты ни был, хоть воином, хоть королем, и чего бы ты не натворил, природа людей такая — поговорили, порассуждали, разошлись и позабыли. Спустя сотни или тысячи лет, но обязательно обо всем позабудут.

Это еще больше опечалило Демиана, сразу же разрушив его надежду на дальнейшие подвиги, которые он мог бы совершить ради славы.

— Не слушай эту старую развалину, — вмешался проходивший мимо жонглер. — Он и сам-то толком не помнит даже того, с какой стороны солнце восходит!

Но, пораженный словами старика, Деми не обратил внимания на этот издевательский выпад.

— Неужели память людская так коротка? — чуть не плача пробормотал Демиан.

— Все мы смертны, а камни и земля памяти не имеют. Хотя, говорят, живет в дальних странах один человек — он помнит все. А все потому, что живет вечно.

После этих слов Демиан взбодрился духом. Он променял кусок хлеба на глоток свободы и ушел из деревни, отправившись в странствия вместе с обозом. Всю свою жизнь он поклялся посвятить поиску этого загадочного долгожителя...

— Надеюсь, ты не будешь сейчас пересказывать по порядку ВСЮ его жизнь? — перебил Гаузен, заскучавший от столь глубокомысленных рассуждений.

— Но ты же САМ просил что-то рассказать?! — возмутилась Лин.

— Ну, я думал, что ты расскажешь все самое интересное... — замялся Гаузен, который, порывшись немного в памяти, признал частичную правоту девушки.

— И что же это, по-твоему, самое интересное? — язвительно поинтересовалась девушка.

— Ну, поиск сокровищ, приключения, путешествия, сражения... — поразмыслив, начал перечислять юноша.

— Драки, кутеж, попойки, азартные игры... — торжествующе продолжила список Лин.

— Я этого не говорил! — возмутился Гаузен то ли от необоснованных обвинений, то ли оттого, что Лин угадала ход его мыслей.

— Наверное, я неправильно о тебе подумала, — раскисающимся голосом протянула девушка.

— Неправильно! — горячо поддержал предположение девушки Гаузен.

— Вероятно, я неверно тебя оценила! — продолжала сокрушаться Лин.

— Неверно! — настаивал на своем Гаузен.

— В таком случае теперь наши разногласия разрешены. А это значит, что когда мы вскорости подъедем на постоянный двор, то я устрою лошадей в конюшню, а ты закажешь нам еду и комнату. И чтоб никаких драк и выпивки! Или я все-таки ошиблась в тебе, Гаузен? — глумливо поинтересовалась Лин.

Юноша, поняв, что девушка загнала его в тупик, не стал спорить, но обиженный тем, что девушка решила воспользоваться им в своих целях, молчал весь оставшийся до гостиницы путь.

Впрочем, безмолвствовать пришлось недолго, так как гостиница оказалась ближе, чем

думал Гаузен.

— Вот что, Гаузен, — посерьезнев, сказала Лин юноше, отсчитывая монеты в конюшне. — Ты отправишься в таверну, но осмотрись там повнимательней. Если заметишь, что в таверне что-то не так, то не суетись. Особенно, если это будут какие-нибудь подозрительные типы бандитского вида. Если что, то не обращай лишний раз на них внимания. Просто купи себе немного еды для вида... и да, выпить, но тоже чуть-чуть! Поешь, погрейся у огня и уходи. А если ничего не произойдет, то закажи нам места на ночь. И чтоб никаких выходов!

— Да мне все понятно, — успокоил девушку Гаузен. — Я часто останавливаюсь в таких местах и знаю, кому можно доверять, а кому нет.

Зайдя в таверну, Гаузен обнаружил, что она почти пуста. По крайней мере, хозяйина за стойкой не было. Похоже, тот куда-то ненадолго отлучился, и юноша решил подождать. Он вспомнил, что свою сумку он оставил висеть на шее лошади, но решил забрать ее после. Оставив дверь за спиной, Гаузен приблизился к стойке и постучал по ней, но никто не подошел. Тогда, чтобы привлечь внимание, он набрал несколько монет в кулак и хорошенько встряхнул их. Отвлекаясь, юноша не заметил, как в таверну зашли несколько незнакомцев. Но незнакомцев ли? Это были те же самые три негодяя, что набросились на него в прошлый раз! Вот только Зубочист повязал себе трофейный кусок плаща Гаузена наподобие шейного платка.

«Хорошо, что я не надел плащ, а то бы они сразу меня узнали» — подумал Гаузен. Тем временем бандиты уселись за столик в углу, наверное, для того, чтобы удобней было следить за входом. Гаузен тут же повернул голову в противоположную сторону и начал молиться Катапаку о том, чтобы его не узнали. Юноша решил, что подождет, когда в таверну набьется побольше народу или бандиты разговаривают между собой, и тогда он по-быстрому улизнет. Но от волнения он не заметил, как стал легонько потрясывать кулаком, отчего монеты, зажатые в руке, снова начали позвякивать.

— Эй, звонарь! Дозвонишься у меня! — крикнул Зуб из угла и захохотал. Гаузен понял, что пока его не узнали, нужно что-то ответить, а не то бандиты поднимутся со своих мест.

— Я вовсе не собирался никому докучать, — изо всех сил огрубляя голос, откликнулся Гаузен. — Просто хотел привлечь внимание хозяйина.

— Пока хозяйина нет, мы тут за главных, — решил пошутить тощий Репей и засмеялся, но быстро осекся. — То есть ты, конечно, главный, Кловиад, — поправился бандит и снова обратился к Гаузену:

— Ты сам-то, откуда взялся, корнишон недосоленный? Может тебя надо нашинковать с петрушкой и в маринад засунуть? — шутливо пригрозил бандит.

— Вы, наверное, вышибалы? — с наигранным дружелюбием полюбопытствовал Гаузен. Он подумал, что подобное сравнение польстит громилам. — От меня беспорядков не ждите. Я для этого слишком устал и хочу отдохнуть. В текущем состоянии от меня пользы так же мало, как и вреда.

Громилы снова захохотали. По-видимому, им пришлось по нраву беззубые шутки Гаузена.

— Ну, может от тебя и выйдет какой прок. Ты сам-то кто такой? — на этот раз более приветливо повторил свой вопрос Репей.

Гаузен вспомнил недавнюю версию про торговца, но решил, что в этот раз она привлечет слишком много ненужного внимания. Мало ли им захочется обыскать, не все ли деньги украдены? Жаловаться на разбойников столь откровенно бандитским типам Гаузен посчитал занятием весьма сомнительным.

— Я целитель и собираю лечебные травы, — выдал первое, что взбрело в голову, юноша и прикусил язык, так как совсем не разобрался в этом деле.

— Лекарь, значит? Чирей у меня на одном месте не излечишь? — издевательски произнес Репей, по-видимому, имея в виду что-то неприличное.

— Я бы и рад, да у меня сейчас нет ни инструментов, ни маломальских ингредиентов, — нисколько не смутившись деловым тоном начал разяснять Гаузен. — Ну а вообще всякие болячки в разных местах лечатся прижиганием, — порекомендовал юноша, чтобы убедить присутствующих в собственной учености.

— Слыхал, Репей? Он тебе задницу припечь собирается! Ну, шутник! — засмеялся Зубочист.

— Шутничок, а ты знаешь, почему черепица на крыше так называется? — поинтересовался уязвленный Репей.

— Потому что ЧЕРЕЗ нее летают птицы? — предположил Гаузен.

— Нет, потому что если человека скинуть с крыши, то череп разлетится вдребезги, — разозлился бандит и демонстративно грохнул кружку об пол.

— Знаешь что, лекарь? — угрожающе прохрипел Репей. — А слабительного у тебя для меня не найдется?

— Это еще зачем? — встревожился Гаузен.

— Чтобы мне было с чем прийти на твою могилу! — вскочил с места Репей.

— А лекарь-то у нас весельчак, — спокойным тоном вмешался в разговор Кловиад, будто бы только сейчас заметил это. Услышав голос главаря, Репей сразу умерил свой пыл и уселся на место.

— Слушай сюда, умник. Я вижу, ты разбираешься в анатомии. Только между нами есть разница — ты силен в теории, а я на практике. Язык — это очень важный внутренний орган. Вот и держи его за зубами, если не хочешь, чтобы остальные вылезли наружу, — посоветовал юноше главарь и спросил:

— Знаешь ли ты, как зовется лекарь без чувства юмора?

— Занудой? — снова не понял Гаузен.

— Нет, он зовется долгожителем! — довольно ответил на свой же вопрос Кловиад, снова заставив приспешников захохотать.

— Пойдите, — не удержался Гаузен, хотя разумнее было промолчать. — Долгожителями называются мои клиенты! У меня лавка в... — тут Гаузен подумал, что бы за местечко такое назвать, чтобы оно было как можно дальше отсюда, — в Аверлате!

— А с моим лицом что можно сделать? — с надеждой в голосе отозвался Зубочист, оторвавшись от любимого занятия — ковыряния щепкой во рту.

«Надо ему посоветовать что-то совсем редкое, чтобы поскорей отстал» — подумал Гаузен и выдал рекомендацию:

— Можно попробовать приложить толченую чешую дракона.

— Вот как, — расстроился Зубочист. — Если бы я раньше это знал, то просто так не ушел бы отсюда.

Гаузен не стал расспрашивать, что именно имел в виду на самом деле бандит. Мысли у него были только о том, как побыстрее убраться отсюда. Он решил, что настало время прощаться. Просто сказать под конец, что забыл запереть лавку, в которой оставил кипящий котел на открытом огне, и свалить.

— С собой у меня очень мало лекарств, и вряд ли среди них найдутся нужные вам, — начал заготовленную речь Гаузен. — Так вы приезжайте в Аверлат, спросите у местных торговцев... Косби-зельевара, и вам обязательно покажут, где меня можно найти. А я вас за пол-цены вылечу.

— А за что это ты мне уценку собираешься сделать? — вновь насторожился Репей.

Гаузен уже хотел было коротко ответить «за знакомство» и, тем самым, окончить этот разговор на неровной почве. Но тут его будто дернуло что-то за язык, или юноша просто слишком вжился в несвойственную для него роль:

— Ну, как за что? Я же сразу, можно сказать, не глядя, понял, что случай запущенный. Тут, кхм, нужен целый комплекс мер...

— Это кто тут запущенный, лекарь? У тебя совсем, что ли, набалдашник отвинтился?! — разозлился бандит.

— Я вовсе не хотел никого обидеть. Сам-то я здоров, кхе-кхе, слава Катапаку, — откашлялся Гаузен и продолжил свое вранье. — Но вот цены у меня безумно низкие. У меня даже лозунг соответствующий написан на вывеске:

Пускай в трубу я вылечу,
Как бедный идиот,
Но всякого я вылечу
Больного, кто придет.

Неожиданно открыл в себе талант к сложению стихов Гаузен.

— Даже если будут, гм, какие-нибудь наследственные осложнения. Вот ваша, кхм, родительница не мучалась мигренью?

— Как ты назвал мою мамашу? Ми-чем? Мегерой? — взревел Репей и вновь вскочил с места. На этот раз Кловиад его не останавливал.

— Мигрень — это рыба такая, — осторожно подал голос Зубочист, но этот сомнительной достоверности факт крайне незначительно помог вытянуть Репья из состояния бешенства, в которое он погрузился.

— Да знать я не знаю ничью мамашку! — не выдержал Гаузен. — Что она, поскакушка какая-нибудь из тех зланных кварталов Вейности, где любовные вздохи перемежаются с зубовным скрежетом, чтобы ее все знали? — и понял, что оправдание вышло хуже некуда.

— Плохих профессий не бывает! — закричал Репей и уж было налетел на юношу, но в шаге от него в недоумении остановился:

— Чего ты голову отворачиваешь, лекарь, — подозрительно уставился Репей.

— А я хозяина жду. Боюсь, как бы он мимо меня не прошмыгнул, — пояснил Гаузен, понимая, что его игра в доктора подходит к концу.

— И чего ты такой грязный, лекарь? Ты больных на помойке, что ли, принимаешь? — недоумевал бандит.

— Эта грязь лечебная! — возразил Гаузен. — Из серных болот Долинии! Приезжайте да окунитесь. Хотьдо самого дна!

— Где-то я тебя видел... — пропустил мимо ушей последние слова бандит.

Гаузен снова подумал, что благодаря слою грязи на лице и отсутствию плаща, а также скудному уму разбойника его еще не разоблачили, но до этого неприятного момента ему оставались считанные мгновения.

— Это вряд ли, — спокойно опроверг догадку бандита Гаузен и осведомился. — Может, вам следует глаза подлечить?

— Зачем мне их лечить? Я все прекрасно вижу... — начал было приглядываться повнимательней Репей.

— А все-таки придется! — не дал ему закончить юноша и, схватив перечницу со стойки, всыпал щедрую порцию прямо в лицо головорезу.

— Хватайте его, это тот соплик из гостиницы! — истошно завопил разбойник, но Гаузен уже мчался к двери. Гаузен подумал, что раз он обезвредил одного, то мог бы попытаться управиться с двумя оставшимися, но его оружие было изрядно подпорчено последним использованием не по назначению. Да и усталость давала о себе знать. К тому же Лин сказала ему ни во что не ввязываться.

«И почему я только ее слушаюсь?» — думал юноша, убегая.

Пока остальные бандиты поднимались, Гаузен уже успел оказаться на улице. Он хотел запереть дверь, но задвижка отсутствовала. Гаузен, не найдя ничего получше, сунул вместо запора саблю.

«Все равно она уже изрядно покорежена» — с грустью подумал юноша. Ему захотелось для надежности придвинуть к двери тележку с каким-то барахлом, но, плюнув на это дело, он ринулся поскорей предупредить спутницу об опасности.

— Лин, не распрягай лошадей! Три бандита! — крикнул Гаузен, ожидая гнева девушки за навлеченные им неприятности, но служительница ордена Всемзнания была так встревожена, что не произнесла в ответ ни слова. Она вскочила на лошадь, Гаузен уселся на вторую и погнался вслед.

— Лин, я хотел... — попытался извиниться Гаузен. Он с тревогой подумал, что у бандитов тоже могут быть лошади поблизости.

— Молчи! Я так и знала, что это произойдет! — прокричала девушка в ответ. — Это был наш план с Таленом на крайний случай! Разделимся на ближайшей развилке, ты поскачешь прямой дорогой в Арту, а я — окольной. Это может их запутать! Если они разделятся — у каждого из нас будет больше шансов отбиться! А если не встретимся в городе, то найди служителей ордена Всемзнания и расскажи, как все было!

— Где я смогу их найти? — удивился Гаузен.

— В Альдории их найти легче! — подсказала Лин вместо прощания. Кажется, девушка хотела добавить что-то еще, но развилка их разъединила.

Первым порывом юноши было поскакать вслед за девушкой, но он решил, что она права.

— Каким недолгим было наше знакомство, а я вел себя, как полный придурок! Зачем я дразнил ее, перебивал, зачем смеялся над ее орденом? — расстраивался Гаузен. — Но ничего не поделаешь, я эту кашу заварил — мне ей и подавиться. Если Зуб, Репей и Кловиад догонят меня — значит Лин в это время будет в безопасности. Но потом, — больно резанула догадка у Гаузена. — Потом я уже не смогу защитить ее! А если они вдруг погонятся не за мной, а за ней? Вряд ли они просто повернут в другую сторону, увидев, что ошиблись мишенью. Даже подумать не хочу о том, что они могут сделать с ней!

С этими отчаянными мыслями Гаузен скакал в сторону Арты, каждый миг ожидая нападения. Наконец, Гаузен понял, что никакой погони за ним, похоже, нет, а лошадь начала выбиваться из сил. Съехав с дороги к реке, он, наконец-то умылся и напоил лошадь. Юноша достал сумку, чтобы вытащить оттуда немного еды. Вместо нее он нащупал твердый прямоугольный предмет, завернутый в его многострадальный плащ. Сунув вторую руку, Гаузен вытянул находку и развернул ее. Гаузен сразу же узнал, что это за вещь. Это была та старая книга, которую они вынесли из подземелья.

Гаузен рефлекторно начал перелистывать страницы, но совсем не разбирался в написанном. Все его мысли занимала судьба девушки. Гаузену было стыдно, что он послушался и разлучился с ней.

«Будь проклят тот, кто послал этих ублюдков» — зло подумал Гаузен.

До этого момента Гаузен считал себя главной причиной обрушившегося на их голову преследования, но теперь все сводилось к тому, что целью этих вооруженных мерзавцев вполне могла быть Лин. Похоже, что разбойники тоже охотились за книгой, поэтому Лин на всякий случай переложила ее в сумку Гаузена, когда тот отлучился в таверну.

«Но Лин ни в жизнь бы не рассталась с этой книгой!» — отчаянно подумал Гаузен. — «Не рассталась бы, если бы не была уверена, что... что с ней... что ее... она...»

Он вспомнил ее мрачную решимость в последние мгновения. Неужели Лин свернула на дорогу в никуда? Юноша понял, что не только навлек на девушку беду... Он бросил ее в ней! Возможно, отправив его в другую сторону, девушка пыталась спасти не только книгу, но и его жизнь. Внезапно, девушка стала ему еще более близка, чем за всю короткую историю их знакомства, но от этого Гаузен погрузился еще больше.

— Постой-ка, она велела мне разыскать какой-то орден! Я должен вернуть туда книгу! — вспомнил юноша, и неожиданно проснувшееся чувство долга велело Гаузену как-то отплатить за принесенную Лин жертву.

«Я обязательно верну книгу и искуплю свою вину перед Лин» — снова подумал Гаузен. — «А когда отплачу... Наверное, это книга весьма ценная!» — неожиданно пришло юноше в голову. — «Ну, конечно ценная! Да меня еще и вознаградят за нее! Но я ведь не стану получать награду, не зная истинной стоимости вещи? Нет, награды должно хватить как минимум на то, чтобы поставить памятник Лин в монастыре, где она училась».

Мысли Гаузена завертелись в лихорадочном смерче. Он вспомнил, что в Арте у него есть знакомый храмовник, который разбирается в книгах. Он был известен ему по монастырю ордена Воды, где он воспитывался. Тогда он был простым старшим послушником, и Гаузен помогал ему в некоторых делах. И теперь в благодарность за это тот сможет указать ему, как добраться до ближайшего монастыря ордена Всемзнания. С этими обнадеживающими мыслями Гаузен вытер глаза, как ему показалось, от пыли и отправился в дальнейший путь.

Через некоторое время Гаузен прибыл в Арту. Арта была портовым городом. Конечно, не таким крупным, как Вейноста, но она тоже имела важное торговое значение. Одной из главных достопримечательностей города был монастырь бога воды Катапака, славившийся своей обширной библиотекой. Гаузен уже собрался завернуть туда, но быстро опомнился. Его и без того скромный наряд после недавних событий окончательно превратился в лохмотья.

«Лин не зря приняла меня за разбойника поначалу» — грустно подумал Гаузен. — «Если сейчас я рвану в монастырь, то скорее сойду за нищего. Нужно разжиться хотя бы приличным плащом. Будет чем по ночам укрываться».

Конечно, лошадь будет некоторым опровержением его крайней бедности, но он не хотел доверять местным прислужникам уход за ней. Он боялся, что они надергают конского волоса из хвоста или заменят подковы на совсем негодные. Гаузен вообще не очень-то любил монахов, тем более монахов его родного монастыря. В здешних стенах даже ходила такая загадка: Чем хороший монастырь отличается от плохого? Ответ был следующий — в хорошем что-то стырить еще «мона», а в плохом — уже «нечива». Особенно популярна была эта шутка среди младших учеников, которые не выговаривали половины букв.

«Если сразу не найду — отправлюсь в таверну» — устало подумал Гаузен.

К счастью, в одной из лавок все еще горел свет.

— Добрый вечер, хозяйка! — войдя внутрь, поздоровался Гаузен.

— Должно быть, ты здесь нечастый гость, раз не знаешь моего имени. А ведь мои товары славятся по всей округе. Меня зовут Галатея, — представилась не очень высокая и не слишком худая торговка.

— А меня — Гаузен. Прошу любить и жаловать, — не без гордости произнес юноша, чтобы хоть немного сравняться с заслугами хозяйки лавки.

— Послушай, Гаузен. Я тут половую тряпку недавно потеряла... А теперь вижу, куда она запропастилась! — туманно намекнула лавочница.

— И куда? — не понял уставший юноша.

— Да вот же ты ее зачем-то на себя напялил! — усмехнулась торговка.

— Ну, я с радостью верну ее обратно, если у вас найдется достойная замена, тетушка Галантерея, — предложил юноша.

— Галатея, — поправила торговка. — Ты меня обижаешь — ничего сравнимого с ЭТИМ у меня не найдется. В моей лавке только самые лучшие ткани!

— А можно посмотреть? — захотелось Гаузену себе выбрать самый лучший плащ, чтобы не предстать перед другом детства голодранцем. Один плащ был слишком велик, другой маловат, третий просто ужасал своей желто-малиновой окраской.

— Так я совсем без покупки уйду, — расстроился Гаузен. Ему было неудобно покинуть лавку в старом ни на что не годном плаще.

— У меня есть еще ткани. Я сама могу сшить новый плащ по твоей мерке, — будто бы прочитала мысли юноши хозяйка лавки, решив не упускать клиента.

— А это надолго? — забеспокоился Гаузен. Он надеялся покинуть город уже завтра.

— За полвечера, думаю, можно управиться, при условии, что ты останешься здесь, чтобы можно было примерять плащ по мере готовности.

Гаузен испугался, что не сможет расплатиться, но решил, что если так произойдет, то он оставит в качестве залога лошадь. А денег можно будет и у Арсина одолжить. Подумав, что чем позднее он прибудет в гостиницу, тем меньшему количеству людей он попадет на глаза, Гаузен согласился и выбрал ткань. Она была зеленого цвета. Лошадь Лин хозяйка любезно разрешила поставить в стойло. Затем Галатея закрыла лавку, повела его в комнату и подала ему молока с хлебом, после чего начала шить. Гаузен поблагодарил за теплый прием, пообещав доплатить за него, но она лишь махнула рукой.

— Ты, наверное, много странствуешь, Гаузен? — завела разговор швея.

— Конечно, тетушка Галантерея... то есть Галатея. Где я только не побывал! С кем я только не сталкивался! — похвалился Гаузен.

— И что, совсем не скучаешь по родному дому? — спросила торговка.

— Да у меня и родных-то нет. По крайней мере, таких, о ком бы я мог скучать, — добавил Гаузен.

— Везет же тебе, Гаузен. Живешь и не расстраиваешься. А вот у меня есть племянница Салочка. Как вспомню о ней, сразу сердце начинает болеть, — вздохнула швея.

— Красавица, наверное. Есть в кого, — сделал неуклюжую попытку комплимента Гаузен. Он не особо любил житейские разговоры, да и сейчас его мало волновали судьбы незнакомых ему людей.

— Вся в сестру, — согласилась Галатея. — Но есть у нее одна беда... На вопрос «Как дела?» она обычно отвечает: «Все хорошо, только ноги восьмидесятого размера».

— Неужто такие большие ноги? — поразился Гаузен.

— От стопы и до самого верху, — печально подтвердила Галатея.

— А может быть, тетушка Галатея, твоя сестра, ну как бы это сказать... связалась с погромом? — сболтнул, не подумав, Гаузен. — Вот и родилась такая дочь, серединка на половинку. Сверху человек, а снизу ноги огромные, как у погрома.

— Как ты смеешь так говорить о Салочке! — задыхнулась от негодования Галатея. — У нее были замечательные родители! Это несчастье произошло с ней по другой причине...

— И по какой же? — попытался разузнать Гаузен.

— Это случилось давно... Ты слыхал что-нибудь о Свободных островах? — спросила женщина.

— Не бывал, но слышал, что у них, в отличие от других стран, нет главного бога, — припомнил кое-что юноша.

— Это верно, на островах всегда было полно храмов самых разных божеств. Но в незапамятные времена жители одного из островов решили поменять установленный порядок. Им захотелось выбрать главного бога, отменив тем самым равноправие остальных. Старейшины острова собрались и начали совещаться. В первую очередь был предложен бог воды Катапак. Но жители сразу же отвергли его, заметив, зачем им бог воды, если у них и так вокруг ее залейся? Служители огненного бога Шальварка, не откликнулись на предложение, ведь Шальварк — главный бог Хаслинии, а хаслины предпочитали тогда завоевывать силой, а не упрашивать. Потом выступил жрец бога воздуха Фиута. Он обещал всегда попутного ветра в паруса торговых кораблей со Свободных островов. Тут островитяне крепко призадумались. Жрец же каменного бога Тардиша понял предприимчивую натуру местных жителей и решил предложить им от лица своего властелина еще большую выгоду.

— Жители свободных островов, — начал свою речь жрец. — Как известно, Тардиш сотворил камни, землю и песок. Все то, что вас окружает. Но это отнюдь не все, что он

может вам подарить. Знайте же, что он владеет всеми драгоценными камнями и металлами, спрятанными в земных недрах этого мира. И он может поделиться с вами этим богатством.

Знал бы ты, какой ропот поднялся тогда среди островитян! Конечно, потом выступили представители и других богов, но жители слушали их не очень внимательно. Если до этого они только и делали, что обсуждали предполагаемые выгоды от торговых перевозок, то теперь ими овладело желание получить несметные сокровища сразу, не дожидаясь получения прибыли и не прилагая никаких усилий.

— Ну, что тут скажешь? Жадные, как и все торговцы, — пренебрежительно отозвался Гаузен. Тут Галатея укоризненно посмотрела на него, и юноша поправился:

— То есть я хотел сказать, что торговцы, они обычно жадные. А вот торговки, как правило, добрые и отзывчивые.

Галатея удовлетворенно кивнула головой и продолжила свой рассказ:

— Наутро после долгого совещания жители вынесли свое решение. Они были согласны сделать Тардиша своим главным богом, но он должен продемонстрировать свое могущество. То есть, конечно, островитяне не сомневались в его силах, но что ему стоит подарить песчинку из своих богатств, когда у него их целая гора. Передав это послание жрецу, жители стали ждать ответа. И вот этой же ночью с ужасным грохотом прямо на побережье с неба свалился гигантский камень. И хотя одни островитяне не смыкали глаз, ожидая знамения, а другие спали и видели в своих снах несметные богатства, все они в едином порыве прибежали на место падения валуна за щедрым подарком. Так и вышло — это был не камень, а гигантский слиток серебра!

— И жили они долго и счастливо и до конца жизни всем островом проедали этот слиток, — предположил Гаузен.

— Как бы не так! — возразила тетушка Галатея. — Они взяли в руки кто кирку, кто топор, кто лопату, а кто просто от жадности грыз зубами, но к утру от этого слитка ничего не осталось.

«Ну как вам ответ господина моего Тардиша?» — спросил на следующий день жрец каменного бога, от предвкушения потирая руки. «Это разве ответ?» — удивились жители. — «Мы думали, он предупредит громовым голосом, или через тебя передаст. А тут ночью просто вынесло что-то на побережье. Мы, можно сказать, и не заметили ничего» — опустив глаза, отвечали жители, прикрывая набитые серебром карманы.

Скрипя зубами, служитель ушел молиться своему господину, предупредив островитян перед этим, чтобы в следующий раз они отнесли к подарку Тардиша с большим почтением.

В ту же ночь в лесах острова упал слиток из чистого золота. На этот раз каждый островитянин побежал на шум уже с заготовленным заранее инструментом, и результат был прежний — на месте падения осталась только глубокая яма.

Когда же наутро служитель Тардиша вышел к островитянам, чтобы услышать от них признание верховенства бога камней, люди ответили, что золото можно найти в земле или в реке. Оно, можно сказать, на каждом шагу валяется, а вот алмазы — это настоящий дар богов. Гневу служителя не было предела! Но, связанный обещанием, что должен продемонстрировать жителям чудо, которое их всех поразит, он все же обратился к Тардишу за новыми дарами. И вот ночью небом им был послан гигантский алмаз. Но когда утром жрец вышел к островитянам, те, вместо того, чтобы склониться перед ним, заявили, что от алмаза мало чего осталось.

— Как же им удалось расколошматить алмаз на кусочки? Ведь тверже его только лоб Лек... — от удивления чуть не сболтнул лишнего юноша. — То есть я хотел сказать, что он тверже любой горы.

— Поверь мне, Гаузен, жрец удивлялся не меньше твоего, — согласилась рассказчица.

— И чем же закончилась эта история? — спросил юноша.

— В ответ на ругательства и проклятия верховного жреца Тардиша жители заявили, что алмаз — это, конечно, штука дорогая, но пусть он найдет что-нибудь более удивительное, дорогое, потрясающее, да и вообще более редкое.

«Что в этом мире может быть дороже алмаза?!» — закричал красный от гнева жрец. Но жители возразили, что если этот бог не может выполнить пустяковую просьбу, то как же он тогда может претендовать на верховенство? И если нет вещей дороже алмаза в этом мире, пусть тогда поищет в другом, или островитяне поищут другого бога.

«Он же бог, пускай придумает что-нибудь» — передали рассвирепевшему жрецу привередливые островитяне под конец.

И в эту же ночь, оглушительно грохоча, на остров свалился новый камень. Он ярко светился во тьме и, даже рухнув вниз, не потух. Когда он столкнулся с землей, то наполнил остров огнем. Многие из жителей погибли сразу. Уцелевших же постигло проклятье, плоды которого они пожинают до сих пор. Оставшиеся в живых жители, испуганные несчастьем, отказались от идеи верховного бога и пошли искать защиты у оставшихся божеств. Так на Свободных Островах сохранился порядок, который известен и поныне.

— С Тардишем шутки плохи, — вздохнул Гаузен, вынося мораль всей истории. — Я еще в детстве понял, что добавки в обед просить — дело рискованное. А тут, — начал загибать пальцы юноша, — три раза добавки просили! Понятно, почему этот бог камня такой загадочный и все его опасаются. А в его страну — Королевство Красных Скал — и не попадешь просто так! Хотя, конечно, небо, это удел не его, а скорее бога воздуха... Может, из-за этого в конце концов ничего хорошего и не вышло? Конфликт интересов, так сказать, произошел. Вот только я не могу понять, как эта история связана с твоей племянницей? — вернулся к проблеме девушки Гаузен.

— Помнишь, я говорила тебе о проклятии? Выживших жителей начали постигать разные уродства. У одних начали рождаться карлики, у других не хватало конечностей. А у кого-то были огромные руки или ноги, как у Салочки. Недуг перешел ей от отца, дед которого страдал похожей бедой, но когда у него родился здоровый сын, тот подумал, что проклятье утратило свою силу. Но, похоже, оно просто сделало небольшую передышку. Но Салочка-то в чем виновата? — запричитала Галатая. — С такими ногами ее жизнь топчется на месте, хотя с ее умом, трудолюбием и красотой ей бы шагать и шагать...

— Бедняжка, — посочувствовал Гаузен. — Если бы я только знал, как ей помочь.

— Если бы все были так добры к ней, — вздохнула тетушка. — Как ее только в округе не дразнят. Одни кличут ее «многоножкой», потому что ее ноги занимают много места, а другие величают «грозой тараканов», так как считают, что даже самая шустрая букашка во всей Велитии не сможет ускользнуть от ее всеобъемлющего тапка.

«Даже не знаю, что лучше, совсем без ног или с такими ногами» — подумал Гаузен.

— Хотя зрелище это действительно душераздирающее, — продолжала свой печальный рассказ Галатая. — Ноги Салочки настолько большие, что бедная девушка похожа скорее на обезьянку, забравшуюся на две близкорасположенные друг к другу пальмы и не знающую, как теперь оттуда слезть. Отсутствие зеркал — зачастую счастье для неприглядных людей...

Но одна из немногих радостей для Салочки — это посмотреть в зеркальце на свое отражение. Уж там-то ног не видно, и это внушает ей на короткое мгновение мысль, что и в остальном все хорошо.

«Наверное, тех, кто попытался с ней сдружиться, она ненароком затоптала еще в детстве» — подумал Гаузен, но снова промолчал.

— Ты представляешь, когда она ложится спать, — не унималась торговка, — ей приходится высовывать свои ноги на улицу.

— Тяжелый, наверное, запах, — посочувствовал Гаузен.

— Да как тебе не стыдно! — рассердилась Галатея. — Просто у нее спальня такая крохотная.

— Знаешь, тетушка Галатея, — заявил юноша. — Меня очень тронула эта история, и я постараюсь помочь.

— А ты лекарь? — с надеждой спросила торговка.

«Неужели, слова так быстро расходятся? В одном месте сказал — и уже вся округа знает» — подумал Гаузен, припомнив недавние зловключения.

Но юный велит решил не обманывать доверчивую торговку.

— Нет, но я собираюсь к одному ученому типу. Может, он что-то знает про этот редкий недуг, — пообещал юноша.

— Уж к каким я только лекарям, мудрецам и магам не обращалась! — запричитала Галатея. — Но результат один — никто ничего не знает, никто ничего не может.

— Кхм, я ничего не могу обещать, — не стал сильно обнадеживать лавочницу Гаузен. — Но я постараюсь разузнать завтра же. Тетушка Галатея снова горячо поблагодарила его, а юноша заметил, что во время задушевной беседы она не очень-то и налегала на шитье.

— Скоро ли будет готов плащ? — позевывая, поинтересовался Гаузен.

— В принципе, можешь заночевать здесь, — указала Галатея на груды тканей в углу. — Только сними сапоги и вымой ноги.

Гаузен, впервые за долгое время нормально отдохнул. И хотя от пережитого юношу не покидали беспокойные мысли, ощущение усталости, смешанное с чувством безопасности, погрузили его в глубокий и продолжительный сон.

Когда Гаузен проснулся, плащ был уже готов. Расплатиться до конца с тетушкой Галатеей у него не получилось, и хотя она пыталась отказаться, он все-таки оставил лошадь в залог.

— Только не надо на ней кататься, — не мог не пошутить Гаузен. — В ваши-то годы уместней передвигаться на метле.

— Поосторожней со словами, юноша, — шутливо пригрозила добрая торговка. — Сегодня назовешь кого-то ведьмой, а завтра нарвешься на настоящую.

Но он пропустил эти слова мимо ушей, так как спешил в монастырь.

Вскоре он добрался до знакомых с детства дубовых храмовых ворот. Натянув на лицо выражение посерьезней, он начал стучать ногами в дверь.

— Кто там? — осторожно раздалось по ту сторону ворот.

— Ты знаешь, кто я такой? Не знаешь! Да кто ты такой, если не знаешь меня?! Я Пешеход — король Дороги! — торжественным голосом закричал Гаузен, решив так отметить свое возвращение.

— Я не виноват! Я здесь не сам поставился, — испуганно пропищал невидимый сквозь дверь привратник.

— Разве вам не доложили о моем прибытии?! Я так просто этого не оставлю! — продолжал грозиться и пинать в дверь Гаузен.

Испугавшись, страж открыл дверь, но когда увидел Гаузена в полный рост, похоже, засомневался. Зеленый плащ на юноше смотрелся вполне прилично, но отнюдь не по-королевски.

— Ноги надо перед дверью вытирать, а не стучать ими в нее, — осторожно заметил монах-привратник.

— Колотушку тоже надо вытирать, а не грязью покрывать, — возразил юноша и, не спрашивая разрешения, шагнул во двор.

— Куда вы направились? — попытался остановить юношу привратник.

— Куда надо, туда и иду! — оборвал на полуслове Гаузен. — А надо мне к вашему настоятелю Арсину.

Привратник покорно последовал, но вскоре поравнялся с Гаузенем, а потом и вовсе обогнал, теперь уже уверенно ведя юношу вглубь. Петляя следом по коридорам, юноша вспомнил, насколько запутаны коридоры в монастыре Катапака. Ему даже показалось, что провожатый водит его кругами.

Наконец, привратник впустил Гаузена в библиотеку к настоятелю Арсину. Посмотрев на него, Гаузен не смог сразу решить, что изменилось сильнее в его старом знакомце — должность или наружность?

Лицо Арсина напоминало раздувшуюся тыкву, натертую воском, а выражение было странновато-благодушное, будто он только что проглотил перебродивший апельсин.

Вообще, Арсин был довольно упитан для монаха, но для настоятеля монастыря он был, пожалуй, даже худощав. И в данный момент он тем и занимался, что пытался победить свою неподобающую высокому посту худобу обильным обедом совсем непостного содержания. С прозорливостью заядлого обжоры он корпел над тарелкой, где груда котлет соседствовала с

обильно умасленной горкой перловой каши со свиными шкварками.

— Как жуешь, Арсин? — громко поприветствовал Гаузен, отчего настоятель от неожиданности чуть не выплюнул свой обед. Но в последний момент Арсин сильно сжал губы, не дав обеду покинуть рот, а затем волевым усилием протолкнул свое пропитание обратно.

— Тебе следует есть больше овощей, Арсин, — снисходительно изрек Гаузен, довольный произведенным им эффектом. Арсин же отложил еду и, будто бы не узнав Гаузена, повелел привратнику:

— Белн, кого ты мне привел? Это тот, который яблоки в саду ворует? Поколоти его хорошенько, чтоб дорогу сюда позабыл, а если все-таки вспомнит — тащи сразу в тюрьму!

Гаузен уже был готов к такому приему, хотя не понимал, шутит ли Арсин или все же заважничал.

— Но это же... Знаете, это кто? — испугался привратник. Увидев реакцию простого прислужника, Арсин вместе с Гаузенем хором засмеялись.

— Представляю, что ты ему наговорил, — успокоившись, заметил Арсин и отпустил привратника.

— Я смотрю, ты хорошо устроился, — произнес Гаузен, намекая то ли на статус Арсина, то ли на его кушанья.

— Наверное, я должен поблагодарить тебя за это, — принял похвалу настоятель. — Своими выходками ты здорово сократил годы жизни моему предшественнику.

— Как будто я их один проворачивал! — возмутился Гаузен указанием на прошлые грешки.

— Веселые были денечки, — ухмыльнувшись, согласился Арсин.

— В моей жизни было столь много веселья... И так мало радости, — грустно добавил про себя юноша, но тут же вернулся от этих мыслей к настоящему.

— Я, между прочим, тоже неплохо устроился. У меня придворная должность! — с гордостью поделился Гаузен.

— Ну, удачи тебе! Может быть, ты тоже станешь когда-нибудь самым главным у себя во дворце, — с самодовольной насмешкой пожелал Арсин. Услышав это, юноша немного поморщился. Он вспомнил о принце Леканте и цели собственного визита.

— Вообще-то у меня есть дела поважнее, — отказался от предложенной чести Гаузен. — Тебе случайно неизвестно, как можно добратсья покороче до ближайшего ордена Всемзнания?

Вопросы о проблеме Салочки, а также о материальной помощи юноша решил отложить на потом.

— А зачем ты туда собрался? — удивился Арсин.

— Мне нужно кое-что им передать, — уклончиво ответил Гаузен.

— Тогда можешь оставить это в монастыре, — великодушно предложил настоятель. — К нам часто приходят служители разных богов, орденов и культов. Если придут из ордена Всемзнания, то я лично передам им твою вещь, послание или что у тебя там.

«Ага, ты, наверное, и награду решил прикарманить» — подумал юноша. Он уже засомневался, нужно ли показывать книгу приятелю детских лет, но решил, что больше спрашивать не у кого. Да еще у него созрела небольшая шутка, наподобие тех, которыми он промышлял когда-то.

— Сейчася тебе такое покажу, что ты забудешь про свой обед до самого ужина, —

прошептал юноша и вытащил книгу. — Может быть, здесь найдется ответ на мой вопрос?

Настоятель отодвинул тарелку, обсосал каждый палец, затем вытер руки о балахон и уже после этого аккуратно взял книгу. Листая страницу за страницей, он рефлекторно поднялся с места и подошел к окну, где было больше света. Гаузен тут же уселся за стол и решительно принялся за брошенный храмовником обед.

Арсин, возмущившись подобной наглостью, с шумом захлопнул книгу.

— Я бы подождал своей очереди, но вдруг еда будет испорчена или отравлена? — пошутил Гаузен и, капельку пожевав, добавил:

— А ты почитай, почитай!

Арсин, немного повыбрав между обедом и книгой, углубился в последнюю. Гаузен, тем временем, торопливо отъедался за предыдущие полуголодные дни.

— Ну что, узнал что-нибудь? — наевшись, полюбопытствовал юноша.

— Я ее узнал, — произнес Арсин настолько серьезно, что Гаузен отбросил былое веселье. — Эта книга пропала из нашей библиотеки несколько сотен лет назад!

— В какой-такой вашей? — удивился Гаузен. — Ты ведь служишь Катапаку, а не ордену Всемзнания!

— А кто здесь говорит про орден Всемзнания? — спокойно уточнил настоятель. — Мой орден — это орден Охранителей Книг.

— Что ты врешь, Арсин! — не поверил Гаузен. — Орден Охранителей Книг давно разрушен! Я был на его развалинах!

— Ты прав, Гаузен, — согласился Арсин. — Главная библиотека ордена была надежно выстроена и тщательно охранялась. Но настало время, когда все эти предосторожности вдруг оказались бесполезны перед лицом непредсказуемого землетрясения. Оно не оставило от штаба камня на камне.

А с падением власти четырех королей последние остатки ордена утратили всякую поддержку, и об ордене Охранителей Книг все позабыли. Все, кроме оставшихся служителей культа. Они смогли передать свои знания потомкам, наделяя их правом когда-нибудь возродить орден. И я один из этих потомков. Хоть я вступил в орден воды, но всегда мечтал возродить орден Охранителей Книг. И у меня есть право владеть этой книгой.

— Ну и дела. А я-то думал, что встретился с последним служителем этого проклятого ордена, — удивился Гаузен и произнес:

— Я не пойму, чего ты хочешь? Это всего лишь книга!

— Не просто книга. Книга Знаний! Видишь? — показал Арсин на клеймо, выжженное на обложке книги. На нем была изображена раскрытая книга, на которой лежал ключ. — Это символ ордена Охранителей Книг. Она все эти годы сама шла ко мне в руки, — взволнованно поведал Арсин.

— Значит, она вам все-таки нужнее, чем мне? И какова будет награда за возвращение, казалось бы, уже безнадежно потерянной реликвии? Учти, каждая страница этой книги стоит не меньше серебряной монеты. И это только за одну сторону! А корки и вовсе тянут на сотню золотых каждая! — запросил небывалую сумму денег Гаузен, чтобы Арсин не смог расплатиться и вернул книгу обратно.

— Ты, кажется, не понял всю серьезность ситуации, Гаузен. У нашего ордена очень строгие правила. В случае несвоевременного возвращения принадлежащей библиотеке книги с человека, возвратившего книгу, взимается штраф в размере одной серебряной монеты за каждый просроченный день. То есть за несколько сотен лет, — тут Арсин замолчал, и его

брови усиленно зашевелились, по всей вероятности, принимая участие в сложной арифметической операции. — Учитывая состояние возвращенной книги, количество страниц, а также нехватку закладки итоговая задолженность, которую возвративший обязан возместить, составляет почти сто тысяч серебряных монет. И возвративший у нас ты!

И бровь Арсина, бросив подсчеты, иронично метнулась в сторону Гаузена.

Несколько мгновений пристально рассматривая выражение лица Арсина, Гаузен понял, что настоятель уже давно перестал шутить.

— А я еще денег в долг у него хотел попросить, — расстроился юноша и решил дать волю чувствам. — Катапак забери! Книга древняя, да еще и просроченная, к употреблению, наверное, непригодна — что же ты с меня требуешь, потомок недобитый?!

Гаузен подбежал к Арсину и грубо вырвал у него из рук книгу. Похоже, от волнения, а может быть от жирной еды руки настоятеля стали излишне скользкими. В этот момент в дверях появился монах, но, судя по размерам, уже не из тех, кто привечает, а, скорее, провожает.

— Послушай, Арсин! Давай просто сделаем вид, что я сюда не приходил, твой обед не ел и книгу не показывал. Забудем все те гадости, что ты мне наговорил, а я спокойно уйду так же, как и пришел — через дверь, — предпринял последнюю попытку Гаузен.

— Отдай книгу, Гаузен, — потребовал Арсин. — Ты же понимаешь, что тебе некуда бежать!

«Когда некуда бежать, есть куда лететь. А без доказательств нет обязательств» — подумал юноша. — Дружище, я тебя ненавижу! — бросил он напоследок и выкинул книгу в окно.

Его же обидчики как по команде рванулись в разные стороны. Арсин — вниз по лестнице за книгой, а монах — за Гаузенем. Эту попытку юноша пресек резким ударом тарелки с остатками еды по чужой голове. Монах повалился на пол, судорожными движениями рук хватаясь за волосы. Похоже, что несчастный богослужитель решил, что у него проломился череп и вылезли мозги, но то была лишь каша, перемешанная с соусом. Гаузену же предстояло куда более опасное падение.

Гаузен выскочил во двор вслед за выброшенной книгой. Юноша хотел зацепиться за дерево, но не рассчитал сил и расстояния и промахнулся. К счастью для Гаузена и к несчастью для его одеяния, он зацепился плащом за ветку. Не выдержав, плащ порвался и Гаузен упал в кусты, заблаговременно примеченные еще на подходе. Книга, благодаря застежке, в полете не развалилась на страницы и быстро отправилась обратно в сумку юноши.

Успев миновать главные ворота, Гаузен выбежал прочь, размышляя на ходу:

«Ну и что мне теперь вменяется? Неуважение к священнослужителю, оскорбление священнослужителя, сопротивление священнослужителю, избиение священнослужителя, осквернение пропитания священнослужителя... Преступления, конечно, тяжкие, но местечковые. За такое за три моря гнаться вслед не будут. Но задерживаться здесь все равно не стоит. Юнгой на первый же корабль! Хотя нет, поздно... Поздновато мне юнгой — в мои годы приятней капитаном!»

Далеко Гаузен убежать не стал, благо портовый город был не слишком крупный. К счастью для юноши, он знал, где можно поискать укрытия. Он вломился в лавку тканей, где в этот момент не было ни одного посетителя.

— Тетя Галантерея, у тебя вон сколько ткани, заверни меня во что-нибудь! — выпалил Гаузен с ходу.

Лавочница, раскусившая по позе и тяжелому дыханию, что Гаузену не до шуток, молча показала пальцем вниз.

— Тетя Галантерея! — отчаянно вскрикнул Гаузен. — Ваша юбка настолько огромна, что если я там спрячусь, меня могут совсем не найти! Я там просто потеряюсь на веки вечные!

— Грубиян! — обрезала лавочница. — Внизу есть люк — прячься там, а если собираешься хамить и дальше, то лучше поищи для своих прятков другое место.

Гаузен не стал спорить и молча полез в открытый лавочницей люк. Торговка же подошла к окну и занавесила его тканью.

— И меня зовут Галатея, — недовольно проворчала торговка, когда за Гаузенom захлопнулся люк.

«Как тут темно! Даже КНИЖКУ нельзя почитать!» — горестно подумал юноша, вспомнив причину своих злоключений. Он уж подумал постучать вверх тетушке Галатее, чтобы та опустила ему свечку, но благоразумно воздержался. Наверху стали доноситься голоса. Похоже, это были двое стражников, которых уже подослал Арсин с целью заполучить книгу и отомстить Гаузену.

— Добрый день, госпожа Галатея! — отрывисто пролаял, вероятно, главный. — Мы ищем одного опасного преступника!

— Ну, сколько можно говорить, капитан! — вежливо, но с ноткой раздражения прервала она. — Я честная лавочница и не связываюсь с контрабандистами. Вы меня уже замучили со своими проверками. Всех покупателей распугали!

— Никак нет, госпожа Галатея! Этот преступник не контрабандист, а плут, насильник, грабитель, вор... — начал перечислять стражник.

«Вот ведь навешали, песьи хвосты!» — недовольно подумал Гаузен. — «Так и во время оглашения приговора добавить будет нечего!»

Капитан стражи прервал цветистое описание, похоже, подумав, а не переусердствовал ли он, и прибавил:

— И еще дерется!

— Насильник, вор и еще дерется?! Ах, же он мерзавец! Ах, же он негодяй! Да чтоб он под землю провалился и там и оставался на веки вечные! — сердито топнув, восклицала лавочница с гневом и одновременно сочувствием к капитану и его тяжелой работе.

— Прошу прощения, вы его знаете? — осведомился стражник.

— Да за кого вы меня принимаете? — возмутилась Галатея. — Я честная лавочница и у меня только добросовестные покупатели! Лучше спросите у хозяйки увеселительного заведения госпожи Лаванды. Судя по описанию, это ее клиент. И раз уж вы ее увидите, напомните ей, что она уже порядком задолжала мне за те два шелковых рулона.

— Ты передашь! — распорядился капитан заскувавшему подчиненному. — Спасибо вам

госпожа Галатея, вы очень помогли следствию.

— Пустяки! — скромно откликнулась торговка на прощание.

— А чего это вы окно зашторили? И так ведь не видно ни зги? — удивился перед уходом капитан стражи.

— А где мне еще повесить новые ткани, чтобы их было заметно?! — возразила тетушка Галатея. — Повесь я их на улице, так я не то, что отвернусь — слегка чихну, как их сразу же утащат. Сами знаете, какая сейчас уличная преступность!

— Моя вина, — с тяжелым вздохом признал капитан.

— И раз вы мне напомнили о новой поставке, передайте вашей жене, что вуали, о которых она спрашивала, появились на днях, — напомнила лавочница.

— Это уж я сам передам, — откланялся капитан стражи и удалился.

Тетя Галатея выждала некоторое время, чтобы убедиться, что стражники не вернуться, и заперла лавку изнутри. Затем она открыла люк и вызволила Гаузена.

— Ну, спасибо, тетушка Галатея, — начал рассыпаться в благодарностях Гаузен. — Я вам теперь по гроб жизни обязан. Шкаф на чердак затолкать или телегу из грязи вытянуть — вы тут же меня зовите, я мигом! Да мало ли я еще как могу помочь!

— Если хоть одно слово из только что сказанных про тебя — правда, то упаси меня Катапак от таких помощников! — побожилась торговка.

— Единственное мое преступление в том, что я порвал ваш прекрасный плащ, — сознался Гаузен и показал прореху.

— Забудь пока про плащ! — сурово оборвала лавочница. — Есть дела поважнее! Видишь ли, Гаузен, беды моей племянницы не ограничиваются ногами. Ей не помешало бы устроить семейное благополучие...

После этих слов готовность юноши на самопожертвование резко сошла на нет.

— Ну уж нет, тетя Галатея! — бесцеремонно заявил юноша. — Вы, конечно, может, и спасли мне жизнь, но распорядиться ею вряд ли имеете право. Столь серьезное решение я не могу принять, будь это даже девушка с кудрявыми волосами, тонкой талией и с упругой ... с упругой, эээ ... Супругой я обзавестись сейчас точно не собираюсь! Да вы только посмотрите на меня — я суший голодранец! — и Гаузен снова продемонстрировал порванный плащ. — Какой же из меня... Слово такое есть... — призадумался юноша. — Ну, будущий муж... Скарамуш... Скоромуж... ЖЕНИХ, во!

— Прекрати! — прикрикнула на Гаузена тетушка Галатея. — Деточке и так по жизни досталось, а такой сумасбродный спутник, как ты, будет еще худшим наказанием! У нее ноги так распухли, что ей скоро придется подыскивать себе новое жилье...

— Сочувствую, — добавил после неловкого молчания Гаузен, пристыженный нелестной характеристикой. — Но, боюсь, мне пока неизвестно, как исцелить эту напасть.

— Да тебя лечить никто и не просит! — раздраженно перебила тетушка Галатея. — Знаем, какой ты лекарь! Даже штаны заштопать не можешь — не то, что царапину залечить. Но ты ведь шатаешься по всей Велитии и за ее пределами. Ты бы мог разузнать, как помочь Салочке? — теперь уже с мольбой в голосе произнесла торговка.

— Не хочу обнадеживать, но по возможности постараюсь. Помнишь, я тебе говорил, что схожу сегодня к одному ученому человеку? Так то ж оказался идиот! Но теперь мне надо в место, где разные грамотеи кишмя кишат. И я у них за все требую! Ну и твою проблему не забуду упомянуть. У меня есть штука, которая нужна им ну просто позарез. И судя по названию, с ее помощью они могут даже помочь твоей племяннице, — пообещал Гаузен,

отметив, что не стеснил себя особыми обязательствами.

— Как будто сами боги послали тебя на помощь! — обрадовалась тетушка Галатея. — Ты уж постарайся Гаузен, а я в накладе не останусь. До конца жизни в шелках ходить будешь, а уж Салочка с ее будущим мужем тебя просто озолотят.

— Так есть более достойная кандидатура? — поинтересовался Гаузен. — И чем же он лучше меня?

— Ну, во-первых, он не прячется от стражи по подвалам — у него у самого подвалы ломятся золотом. А во-вторых — он очень нравится Салочке, — перечислила тетя Галатея.

— И как же звать этого счастливику? — не без зависти поинтересовался Гаузен.

— Лекант, принц Велитии, — призналась торговка.

— Лекант? Принц Лекант?! Ма-а-ат-тушка моя гусыня! Да большей сволочи я в жизни не встречал! Вот что, тетушка! Как только твоя племянница излечит ноги — пускай бежит от этого придурка галопом! И эта лживая неблагодарная тварь еще величает себя принцем, а собирается стать королем! Да я бы таких не то, что на трон — в самую паршивую забегаловку не пускал бы. Я на него гну спину, как проклятый, а взамен кроме проклятий ничего не получаю! — дал волю языку Гаузен, подумав, что раз задание выполнено, то можно и не блюсти так строго тайну личности своего нанимателя.

— Ты работаешь на принца Леканта? — искренне удивилась торговка, но юноша не слушал:

— Seriously, тетя Галантерея, даже не думай скармливать свою прелестную племянницу этому злобному чудовищу. Лекант высосет из нее всю кровь и обглодает до косточки! Мало ей одного недуга?! Да даже если он на нее с такими ногами позарится, как они танцевать потом будут, например? — ужаснулся Гаузен. — Я представляю, что из этого получится!

Тут Гаузен принял надменную позу и повысил голос:

— «Схватите эту мерзавку!» — закричит Лекант и от злости чуть не выронит костыли. А потом этот негодяй упрячет ее в темницу.

Вот уж просто удивительно, чтобы такой ловкий и энергичный человек, как я, работал на такого никчемного проходимца!

— Не задирай так нос, а то потолок мне поцарапаешь, — скептически отнеслась к отповеди Гаузена лавочница. — Слуги всегда мнят о себе неизвестно что и терпеть не могут собственных благородных господ. А ленивым слугам от них может порядком достаться. И поделом!

— Это я-то ленивый?! Да я уже несколько дней почти не спал! Весь убежался! — решительно возразил Гаузен.

— Убежался! Да вот только бегаешь ты да прячешься преимущественно от стражи! Другие хозяева таких слуг вешают! — без капли снисхождения заявила лавочница.

— Вешают?! — возмутился радикальностью решения юноша. — Да как только Лекант доберется до престола — он всех перевешает! О каком благородстве ты мне говоришь?

— Мне все равно кажется, что ты на него наговариваешь, — не отступалась торговка. — Вот Салочке он сразу понравился...

— С чего ты взяла, что он вообще пойдет за твою племянницу! Даже если ты за ней оставишь всю свою лавку в приданое.... Да что там лавку! Пусть хоть целый корабль, набитый доверху тканями! Это не сделает равными принца и твою Салочку, — благо разумно разъяснил юноша.

— Но ведь по обычаю он может выбрать себе невесту из любых мест и семейств, не взирая на положение. Именно с подобного брака началась эпоха процветания...

— И ты веришь в эту древнюю ерунду? — при этих словах Гаузен вспомнил историю, рассказанную Лин, и заметно погрузился. — Seriously, тетя Галатея, я не вижу счастливой развязки в этой затее.

— Понимаешь, Гаузен, — продолжила Галатея, собравшись с мыслями. — Как только ее ноги станут нормальными, она превратится в самую прекрасную девушку во всей Велитии. Но главное не это, а ее мечта.

Как-то раз Салочка сидела дома и отмывала окно от слез, которые она проплакивала по своему недугу в свободное от работы время. Тогда-то она и увидела всадников, проезжающих по пути мимо ее дома. Один из них жевал вишню из кармана. Он-то и оказался принцем Лекантом. Он остановился около ее дома и спросил:

— Эй, крестьянка, далеко этой дорогой до Вейности?

Девушка, замороженная тонкими чертами лица принца, его осанкой и благородным блеском глаз, смогла лишь покачать головой, но принц удовлетворился и этим ответом.

— А ты ничего, — бросил он ей на прощание и выплюнул косточку на землю.

И хотя он не видел ее ног, Салочку совсем не волновало это. От этих слов у Салочки потеплело на сердце, ведь впервые в своей жизни она была счастлива. Девушка подобрала с земли вишневую косточку и закопала ее прямо в огороде. А проклюнувшийся вскоре росток напоминал ей о визите принца. Девушка иногда даже целовала его, ведь косточка, из которой выросло деревце, побывала на губах у принца.

— Он не сказал Салочке ни одного гадкого слова, и теперь она думает, что принц от нее без ума. Тетя, я тебя разочарую. Без ума Лекант не от нее, а от рождения! — испортил трогательную историю Гаузен.

— Да как же ты не понимаешь, Гаузен?! — возмутилась Галатея. — Ведь любовь к принцу — это единственное, что согревает сердце Салочки в ее нелегкой жизни. Именно тогда она всеми силами возжелала исцелиться. А больше у нее нет причин, чтобы вылечить свои ноги! Каким чудовищем я стану, если разрушу ее мечту, заявив, что это невозможно! Да я и сама поверила и прониклась ее мечтой. Несмотря на тяжкий недуг, она много трудится. Она шьет одежду для моей лавки и никогда ничего не просит взамен. Салочка — это единственный близкий для меня человек. Я просто обязана помочь ей! А если же принц не выберет ее... Она будет страдать гораздо меньше, если она хотя бы просто прибудет на церемонию. Если же она никогда не побывает там, то будет жалеть всю жизнь!

Если еще недавно Гаузен размышлял, какую он получит награду, если провернет это дельце, несмотря на кажущуюся неосуществимость, то теперь в его голове возник другой вопрос:

— Послушай, тетя Галатея, неужели ты только сейчас решила искать лекарство для своей племянницы?

— Что ты, что ты! — возмутилась лавочница. — Я ищу его с самого рождения Салочки! Спрашиваю любого, кто, как мне кажется, способен помочь в этом деле. И на каких только шарлатанов мне пришлось растратиться! — зазвучали расчетливые нотки в голосе торговки.

Но намечавшийся было рассказ о незадачливых целителях неожиданно прервал стук в дверь.

— Должно быть, жена послала капитана за тканью! — встревожилась тетушка Галатея. Гаузен как можно тише устремился к люку, но тетушка шепотом предупредила:

— Нет времени туда лезть, будет слышно, как хлопнет крышка.

Гаузен сразу же сообразил спрятаться за прилавок. Галатея схватила нужный кусок ткани и спешно отодвинула засов, но на пороге стояла вовсе не стража.

— Дорогая моя, а ты здесь какими судьбами? — донесся до юноши изумленный возглас торговки.

— Ох, не спрашивай, тетушка Галатея, — произнес чуть сиплый от усталости, но все еще знакомый голос. — Я и так ненадолго — мне скоро на корабль в Альдорию. Я была так близка к цели, но за время путешествия я потеряла не только то, что искала, но и то, что имела. Друга...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

При этих словах сердце Гаузена затрепетало от радости. Лин жива! И еще она назвала его другом, а значит, больше не злится на него.

— Ты это про меня?! — вынырнул Гаузен из-под прилавка, и Лин, уже успевши подойти поближе, чуть не рухнула на пол от неожиданности.

— Гаузен, а ты откуда взялся? — удивилась девушка.

— Ну, ты же вспомнила про меня, и вот я здесь. Совсем даже и не терялся! — обрадовался произведенному эффекту юноша. — Признайся, ты часто меня вспоминала?

— Дурак, я не о тебе говорила, — обиделась девушка. — Мой друг Тален погиб еще до того, как я добралась до руин. Он пожертвовал своей жизнью, защищая меня от рук бандитов.

— Извини, я как-то позабыл об этом, — смешалось раскаяние с раздражением в голосе юноши, так как он ожидал более радостную встречу. — Но ведь и мы вместе немало пережили! Да что вместе, я один из-за тебя столько пережил! И вообще, где тебя носило? Сколько тебя можно было ждать?! Я так волновался!

— Кто бы говорил! Вы только посмотрите, люди добрые! Свинья призывает к чистоте! Это меня-то носило? Да я тебя ищу везде, а ты, оказывается, сам в розыске! Меня и дня не было, а этот проходимец уже успел во что-то впутаться! — начала громко возмущаться девушка, но вспомнила о чем-то и посерьезнела. — Извини, я не хотела тебя обидеть. Просто разволновалась немного. Надеюсь, книга все еще у тебя?

— Ой, какие мы стали вежливые! А что если я скажу, что потерял ее? Или у меня ее отобрали? Твое отношение ко мне снова изменится? Ты опять разозлишься? — обиделся юноша, что девушке книга дороже, чем он.

— Какой ты противный, Гаузен! Правильно про таких, как ты, говорят: сколько покойника не бальзамируй — от него все равно вонь идет! Если ты скажешь, что ты ее потерял, то я скажу, что ты врешь, так как ты ее наверняка продал! Какой же дурой я была, когда доверила книгу первому встречному! Если бы я тогда только знала, что мне удастся добраться до города!

— Да я сам недавно чуть не расшибся! И ничего, не жалуясь! Не ору об этом на каждом шагу! — продолжил возмущаться Гаузен.

— Молодые люди, не ссорьтесь. От вас столько шума, а я уже имела сегодня контакты со стражей, — безуспешно пыталась мирно урегулировать ситуацию тетушка Галатея.

— Надеюсь, книга не пострадала из-за падения? — встревожилась Лин, пропустив слова торговки мимо ушей.

— Да сдалась тебе эта книга! — воскликнул юноша. — Смотри же! Вот она! Целая и невредимая!

Гаузен сунул руку в сумку и показал реликвию девушке. Лин попыталась схватиться за нее, но Гаузен ловко выдернул книгу прямо из-под ее носа.

— А кто же мне оплатит за мои старания? — решил немного подразнить юноша девушку. — Ты представить не можешь, каким опасностям я подвергался, чтобы сохранить ее.

— Прекратите ссориться! Вы же приличные молодые люди! — все еще пыталась вмешаться Галатея.

— Если ты сам не отдашь, то я отберу ее силой! — пригрозила девушка и с новыми силами вцепилась за предмет, посеявший раздор в галантерейной лавке.

— Пусти! Порвешь! — закричал Гаузен, когда услышал подозрительный скрип в уже выдавшей виды реликвии, и победно заулыбался, когда девушка отпустила потускневшие от времени корки. Но радость его была недолгой, так как девушка тут же стукнула ему по носу, отчего Гаузен моментально выпустил книгу из рук и схватился за ушибленное место.

— Вот этого делать не стоило! — прогундосил юноша, все еще держась за нос.

— Не стоило?! — торжествуя возразила девушка. — А кто тут голову морочил, кто издевался, кто книгу не отдавал? Ущипните меня! Мне, наверное, все это приснилось!

«Ну, никто тебя за язык не тянул» — подумал Гаузен и быстро протянул руку девушке за спину. Взвизгнув, что ее случайное желание сбылось, Лин попыталась отвесить ему пощечину. Но, уворачиваясь от удара, юноша пригнул голову, которая немедленно очутилась у девушки на груди. Она попыталась лягнуть его коленом, но Гаузен не отшатнулся, а подпрыгнул, окончательно повалив девушку на пол.

— Прекратите безобразия или я... — тут Галатея, похоже, вспомнила, что стражу она звать точно не будет. — Или я задам вам такую взбучку, что ваши нынешние разбирательства покажутся вам детскими забавами!

Услышав эти слова, Лин и Гаузен прекратили драку и пристыжено замолчали.

— Гаузен, тебе не стыдно обижать беззащитную девушку? — упрекнула юношу лавочница.

— Это она-то беззащитная!? И за что мне вдруг должно быть стыдно? Может, я сделал это из-за любви, — вырвалось вдруг у него.

— Из-за любви к золоту, наверное, — язвительно пояснила девушка, совершенно не обратив внимания на последние слова. Оттолкнув юношу, она поднялась на ноги.

— Тетушка Галатея, с таким нечестным человеком в лавке ты бы лучше выручку пересчитала и проверила, не пропало ли что ценное! — указала на юношу Лин.

— Тетя Галатея, не верь ей! Ты сама все видела — я тут главный пострадавший, — попытался разжалобить присутствующих Гаузен, поднимаясь с пола. И, чтобы хоть как-то утешиться, взял с прилавка платок и прижал его к носу.

— Не верь этому мошеннику, тетушка Галатея, — отряхиваясь от пыли, возразила Лин. — Ты смотри — вот он и платок у тебя уже умыкнул!

— Что было, то прошло, — попыталась успокоить присутствующих лавочница. — Ничего серьезного не случилось. Конфликт исчерпан и закончился благополучно.

— Она мне нос разбила... — вновь пожаловался Гаузен. — И плащ, похоже, окончательно порвала.

— Твой хозяин Лекант и не так тебе вдарит, когда узнает, что ты шляешься, где попало, — наставительно заметила торговка. — И не надо клеветать на бедную девушку — ты ко мне вернулся уже с разодранным плащом.

— Это правда? — изумилась девушка, от неожиданности вновь чуть не выпустив книгу из рук.

— Ну да, я порвал плащ после того, как вывалился из окна, — замялся Гаузен.

— Нет, я не об этом. Правда, что Лекант — его хозяин?! — повторила вопрос девушка.

— Конечно, Лекант, принц Велитии, — доверительно подтвердила тетушка Галатея, несмотря на знаки отрицания, отчаянно подаваемые ей Гаузенем.

— Ты с ними заодно, с этими бандитами! — срываясь на крик, обвинила юношу Лин и схватила свой посох, который оставила в углу. Гаузен, увидев это, вновь юркнул за прилавок. Девушка собралась было достать его, но между ними встала тетушка Галатея.

— Я не допущу никаких больше драк в своей лавке! — громогласно заявила торговка. — Не для того я весь день проливаю здесь свой пот, чтобы кто-то на этом же месте проливал чью-то кровь.

— Я так и знала, что ты негодяй! — не унималась девушка. — И ведь, наверное, никакие бандиты на тебя не нападали, так? Ты сам был один из них!

— Линочка, убери свою палку, а не то тебе придется отведать моей метлы! — пригрозила лавочница. — Вы могли бы мне оба объяснить, что между вами произошло?

И Лин, перебиваемая время от времени выглядывающим из-под прилавка Гаузенем, стала рассказывать об их совместном приключении. Иногда функцию рассказчика брал на себя Гаузен, и теперь уже девушка дополняла или оспаривала произошедшие события. Наконец, когда предположения и разъяснения закончились, тетушка Галатея попыталась свести обе версии воедино:

— Итак, значит ты, Гаузен, искал подходящее место для замка Леканта, но тебе, Линочка, он об этом не сказал? — уточнила лавочница.

— Я же говорю, он по натуре подлый лжец! — пояснила Лин.

— А что я мог сказать? Задание же тайное! А проболтайся я кому, не миновать мне беды. Принц на расправу скор! Живьем сварит, порежет на куски и скормит своему ручному стервятнику, — оправдывался, как мог Гаузен.

— Линочка, я тебя, конечно, знаю давно и только с хорошей стороны, но зачем Гаузену разбалтывать все первой же встречной? — поинтересовалась Галатея.

— Да он просто верный пес своего господина и лижет ему пятки! Как такому доверять? — не сдавалась девушка.

Гаузен чуть было не захлебнулся от возмущения и хотел все объяснить, как на духу, но и в этот раз тетушка Галатея его опередила:

— И это неправда. Еще до того, как ты пришла, он костерил принца на чем свет! Никакой любовью и преданностью тут не пахнет.

— От этой сволочи у меня одни беды! — подтвердил Гаузен. — Да и если бы я был на стороне бандитов, разве сберег бы книгу? Разве предупредил бы тебя об их появлении? Да и вообще, при чем здесь Лекант? Мало что ли мерзавцев, жаждущих завладеть чужим сокровищем?

— Он принц Велитии. А книга должна находиться в Альдории, — продолжала настаивать девушка.

— Ну, я тоже велит, но мне эта штукавина даром не сдалась. Я же отдал ее тебе обратно! А ведь из-за нее меня хотят в тюрьму посадить. Может, даже казнить. На чьей совести будет моя смерть, Лин? Разве ты не будешь жалеть обо мне? — решил сыграть на чувственной стороне девушки Гаузен.

— А почему тебя ищет стража? — не поддалась Лин. — Зачем ты носил книгу в монастырь? Ты хотел продать ее!

— Ничего подобного! Я просто хотел узнать, как разыскать орден Всемзнания, — объяснил Гаузен. — Кто же знал, что Арсин за прошедшие годы так оскотинится? Но мне удалось спастись вместе с книгой!

— Линочка, может быть, он поступил глупо, но не злонамеренно, — заступилась за Гаузена лавочница.

— Хорошо, я сохраню ему жизнь! — снисходительно согласилась Лин.

— Сохранишь мне жизнь? Ничего не скажешь! Это как утопающему дать воздуха на плоток перед тем, как захлебнуться. Да сдалось мне твое сохранение! Не нужна мне твоя благотворительность!!! Я и сам без тебя прекрасно сохранюсь!!! — вспыхнул Гаузен.

— Ой, нашел кого смешить! Да стоит тебя оставить одного, как ты снова обделаешься, как маленький! — огрызнулась девушка и осеклась. Гаузен же потерял дар речи на несколько мгновений, потому что не ожидал от спутницы столь болезненного удара.

— Хорошо! Просто отлично! Если уж я такая мерзость и вонючка, то чего со мной тогда и возиться?! Если уж собралась в плавание, то лишний груз ни к чему! Вот только когда меня наконец поймают и начнут пытаться, где книга, я всю правду скажу! Что она у самой жестокой и бессердечной девушки, которую я встречал! Из кожи вон рвешься, чтобы сберечь самую большую для нее ценность, и делишься с ней сокровенным, лишь только затем, чтобы она потом издевалась!!! За последнюю пару дней мне встретилось много подлецов, но чтобы от тебя, Лин! Чтобы от тебя!!!

В лавке повисло неловкое молчание.

— Я понимаю тебя, Лин, — тяжелым голосом произнесла наконец Галатея. — Ты несешь ответственность перед орденом в не меньшей степени, чем я — перед Салочкой. И я вижу, как этот юноша искренне хотел помочь ей и тебе. Я не могу вечно держать его в подвале. А на выходе из города его уже могут поджидать для расправы. Но если ты заберешь его на корабль, то это спасет его от поимки.

Лин серьезно посмотрела сначала на тетюшку Галатею, потом на Гаузена, чья судьба зависела от решения девушки, и, наконец, сообщила:

— Хорошо, я тебя не оставлю, Гаузен. Но не рассчитывай сесть мне на шею до конца жизни. Моя благосклонность небезгранична, — выдвинула свои условия Лин.

— Не волнуйся, Лин. Я тебя не обременю. Тебе больше не придется жалеть, что ты связалась со мной, — сбивчиво пообещал Гаузен.

— Скажи еще что-нибудь вроде того, что сделаешь все, чтобы это плавание осталось для меня исключительно приятным воспоминанием, — скептически отнеслась к его словам девушка.

Гаузен понял, что настало время прощаться с доброй торговкой Галатеей.

— Плащ жалко, — вздохнул Гаузен, посмотрев на то, во что он был одет для путешествия. — Не плащ, а обрывки бывшего великолепия.

Тут в голову Гаузена пришла бессовестная мысль:

— Я, конечно, понимаю, что у покупки не совсем товарный вид. Но раз порвалось почти что надвое, так может, возьмете его назад... За полцены? Ну, или можно просто отремонтировать, — уступил юноша, нарвавшись на осуждающий взгляд портнихи.

— Корабль скоро отплывает, и я не успею его зашить, — заявила Галатея. — Но у меня есть кое-что взамен, — торговка немного порылась в закромах и достала кожаную куртку с

металлическими заклепками. — Ну-ка, примерь.

— Такая хорошая курточка! Но мне нечем расплатиться за нее, — смутился Гаузен, на котором новое одеяние сидело просто великолепно.

— И речи быть не может. Это подарок! — отрезала лавочница, и Гаузен горячо поблагодарил ее на прощание. Та, в свою очередь, пожелала счастливого плавания, и он вместе с Лин отправился в порт.

Глава 9

То, что порт близко, Гаузен понял задолго до него. Пристанский воздух напоминал тухлую селедку, которую ему клали в кашу в монастыре. Однажды он целый день чистил на кухне рыбу, и его нос надыхался настолько, что ничего кроме этого запаха он не ощущал целых два дня. Впрочем, в воздухе витало кое-что еще. Веселая песня, разудало распеваемая слаженным хором.

Уже на корабле стало ясно, что голоса принадлежат матросам, лихо отплясывавшим на палубе и мачтах:

Мэри давно хочет
В плавание уйти.
Днем или темной ночью -
Мэри как всегда в пути.

Сможешь ли возвратиться
И прекратить мечтать
О золоте, что искрится?
Мэри, не хочу я ждать!

Постучавшись в дверь, дождался.
Постучавшись в дверь, пытался.
Постучавшись в дверь, вернулся.
Мэри, выйдешь за меня?

Став пиратом Мэри,
Грезит клад найти.
В море сильный ветер -
Мэри как всегда в пути.

Чуешь ли ты сирену
И волн седую прядь,
Мрачный дождь вдали и пену?
Мэри, не хочу я ждать!

Мэри, став морячкой,
В шторм не смогла спастись -
Впала средь рыбы в спячку,
Мэри на своем пути.

Встретить ее я так ждал,
Видеть лица овал.
Моя любовь на дне -
Не вернется уж ко мне!

Неизвестно, были ли в запасе у матросов еще куплеты или новая песня, так как из рубки на палубу вышел длинноволосый крепко сложенный мужчина в зеленом камзоле. Его лицо покраснелось от гнева и он, сиюсь перекричать хор, схватил ближайшего матроса за рубашку и заорал ему в лицо: Кто такая Мэри, и где она живет — плевал я на самом деле, безголовый идиот! А ну все заткнулись!

— Это капитан Настар, — шепотом представила девушка морского волка.

— Вижу, что ему больше тридцати пяти не дашь, — согласился юноша, не до конца разобравшись с именем хозяина корабля.

— Ты опять не слушаешь? — возмутилась девушка.

— Я просто вспомнил одну поговорку: Если хаслин говорит что у него нет денег, значит, либо он врет, либо недоговаривает, потому что припрятал у себя драгоценные камни, — поделился народной мудростью Гаузен и пояснил:

— В смысле, не стоит сильно доверять хаслинам.

— Он что, не нравится тебе, потому что хаслин? — пристыдила его Лин.

— Да нет же, почему? — не согласился юноша. — У меня был один знакомый торговец на ярмарке. Он был родом из Хаслинии и очень хорошо ко мне относился. Почти не замечал, что я беру у него фрукты, а когда замечал, то далеко не гнался. Так, только для вида.

— Ты же говорил, что ничего не крал... — напомнила ему девушка.

— Ничего крупнее яблока! — уточнил Гаузен. — Если тебе удавалось продержаться на монастырской похлебке, значит, вас в Альдории кормят лучше нашего.

В это время Настар прекратил распекать свою команду и, все еще недовольный, приблизился.

— Вот что значит — долго стоять в порту! — сердито пожаловался капитан. — Одна часть команды распустилась, другая — разбежалась, а на замену ничего лучше шайки бродячих артистов подыскать не удалось!

— Мы тут говорили о тебе, Настар, — обратилась к капитану девушка настолько приветливо, что Гаузен сразу невлюбил его. — Ты напоминаешь моему спутнику его одного хорошего знакомого. Это Тален, мой наставник, — быстро произнесла девушка, не дав Гаузену представиться.

Гаузен сначала хотел было возмутиться, что ему присвоили чужое имя, но потом вспомнил, что под его собственным именем могут разыскивать, и молча поблагодарил девушку за находчивость.

«Вчера я был в гостях у мертвеца, сегодня ношу имя покойника, страшно подумать, что

же произойдет со мной завтра?» — невесело подумалось юноше.

— Не слишком ли он молод, чтобы учить тебя? — поднял бровь капитан.

— Нет, просто с самого раннего детства мы обучались разным наукам, — объяснила Лин. — Я разбирала древние летописи, а он познавал историю Велитии. Таким образом, он знает много того, чего не знаю я. И постепенно делится всеми своими знаниями со мной.

— Да я просто из вежливости поинтересовался, — успокоил хаслин, поймав настороженный взгляд Гаузена. — Ваш орден уже оплатил путешествие, а как говорится в одной нашей поговорке — после сделки не торгуются. Мы скоро отчаливаем, так что займите свою каюту, — предупредил капитан и удалился для выполнения своих непосредственных обязанностей.

Гаузен неодобрительно проводил капитана взглядом, а потом, придав своему внешнему виду должную непринужденность, обратился к Лин:

— Если я тебя стесняю, то могу заночевать в трюме.

— Ну уж нет! Ты там украдешь что-нибудь, а мне опять отвечать, — насмешливо возразила Лин, и юноша понял, что она уже почти перестала сердиться на него. — Пошли, — махнула рукой девушка по направлению к каюте.

— Что ты ему там наговорила? — уже внутри спросил Гаузен.

— Тален был моим наставником долгие годы. В последнее время он искал Книгу Знаний, а потом меня послали в Велитию ему на помощь. Мы были близки... Близки к находке, но нас напали разбойники. Мне удалось чудом спастись, — тут девушка замолчала. Было заметно, будто она снова, как наяву, переживает гибель друга.

— Тем же чудом, что ты ушла от них во второй раз? — попытался отвлечь девушку от тяжелых воспоминаний Гаузен.

— Нет, это совсем другая история, — вернулась к разговору Лин. Похоже, что девушка не очень горела желанием вспоминать и об этом случае. — Настар не мог быть знаком с Таленом. А то, что я взяла с собой неизвестно кого на корабль, могло бы привести к ненужным подозрениям или даже пересмотру договора.

— Это я-то неизвестно кто? Да меня каждая собака в Вейносте знает! — притворно возмутился Гаузен, решив поднять девушке настроение.

— Наверное, каждая собака знает тебя на вкус, потому что ты облазил все соседские огороды, — отвлекшись, шутя предположила девушка. — В любом случае, держись от меня подальше, мальчиш-блужиш!

— Да как ты можешь так говорить! — снова разыграл недовольство Гаузен. — Тем более стыдно тебе, такой ученой девице, не знать, что блох на кораблях не бывает. Они просто не выносят морской болезни!

— Меня никогда не интересовали чужие блохи, — заметила девушка.

— Но это не значит, что нам на корабле ничего не грозит! — продолжил свою лекцию юноша. Он решил, что раз он играет роль наставника девушки, то должен ей соответствовать. — Есть куда более опасный паразит — морской червь. Всего лишь одна маленькая личинка прилипает к борту и вгрызается в дерево. Но там она выпускает щупальца, которые разрастаются во все стороны, как кровеносная система в человеческом теле. Ужасные нити ползут внутри переборок, палуб и практически во всех деревянных частях судна. После этого корабль обречен гнить заживо, пока не даст течь во всех местах.

— Прямо как ненависть, поселившаяся в сердце человека, расплзается все сильнее и сильнее, пока не завладеет его разумом. И человека уже не спасти, — помрачнела девушка,

вновь задумавшись о чем-то своем.

— Но не бойся. Пока я с тобой, я сумею тебя защитить! — попытался успокоить ее Гаузен.

— Видала я, какой ты воин, — усмехнулась Лин, намекнув на недавнее происшествие в лавке тетушки Галатеи.

— Просто никто не учил меня сражаться с женщинами, — попытался оправдаться юноша, подсаживаясь поближе.

— Если ты сейчас же не уберешь свои руки, то у тебя резко прибавится опыта в этом деле! — угрожающе зашипела девушка.

— Прости... просто каюта тесная, — начал извиняться юноша. — Вот я и хотел сказать... Что же я хотел? — позабыл вдруг юноша. — Хотел спросить, как же ты все-таки спаслась от бандитов?

Лин сначала помотала головой, будто бы пыталась рассеять дурные воспоминания, но все же решила поделиться ими с юношей, так как он тоже был частью этой истории:

— Когда мы расстались с тобой на развилке, я уже не надеялась, что мы с тобой встретимся еще раз. Я подозревала, что снова столкнусь с этими бандитами, и поэтому, на всякий случай, подсунула тебе книгу, ведь была уверена, что они погонятся в первую очередь за мной. Понимаешь, Гаузен, я не хотела сбегать от них. Я хотела расквитаться с ними. Они убили моего наставника Талена на моих глазах. Гаузен, мне так стыдно, что я тогда позволила ему умереть. Хоть он пытался защитить меня и кричал убежать. И я должна подчиняться приказам старших... Но он был так дорог мне, а я бросила его в беде... И я решила все переиграть! Я сделала бы то, на что не решилась в тот роковой день! Пусть бы мне не удалось прикончить их всех, но я бы отомстила хотя бы одному-двум из них! Просто выждала бы момент, развернулась и атаковала! Но потом я вспомнила, что Тален всегда учил меня, что месть и убийство — это страшное преступление, и его надо избегать любой ценой. Поэтому я отказалась от своих первоначальных намерений. Ведь если бы я поступила по-своему, то вышло бы, что все эти годы Тален учил меня зря. Я бы просто надругалась над его памятью! Но когда я поняла это, бандиты на лошадях уже начали настигать меня. Когда двое из них поравнялись с моей лошадью, я резко вытащила посох и ударила. От этого они чуть не свалились с лошадей, и я здорово вырвалась вперед. А третий разбойник как будто вообще ничего не видел. Он сильно петлял и скакал больше за своими товарищами, нежели сам по себе. Так что мне даже не пришлось разбираться с ним.

— Это я ослепил его! — обрадовался Гаузен тому, что облегчил девушке жизнь.

— Это как? — удивилась Лин, не ожидая от юноши подобной жестокости.

— Ну, я тогда в таверне задал ему перцу, — коротко уточнил он, давая девушке возможность продолжить:

— А потом я скрылась в лесу. У меня на пути был очень широкий овраг, а моя лошадь обучена перепрыгивать самые длинные препятствия.

— Думаю, бандиты, вряд ли решились на подобное. С таким весом и вооружением для них это непосильная задача, — кратко отозвался Гаузен и передал повествование девушке:

— Так что я оторвалась от погони и направилась в Арту, чтобы отыскать тебя. Кстати, ты есть хочешь?

— Нет, спасибо, еще укачает, — вежливо отказался Гаузен, опасаясь приступов морской болезни.

Но, похоже, это было не все, что собиралась предложить девушка:

— Гаузен, я хочу кое-что подарить тебе за твою помощь... За то, что ты сберег книгу, ну и за все... — немного смутилась девушка. — Я думала преподнести тебе это, когда мы доберемся до Альдории, но решила не откладывать.

При этих словах девушка достала небольшой рожок.

— Рожок? Но у меня нет стада! — удивился Гаузен, мечтавший о новой сабле. — И я и так свистеть умею.

Он хотел даже продемонстрировать, но решил, что в закрытой каюте шум будет просто оглушительным.

— Это не пастуший рожок. В Альдории такие используют для передачи сигналов. Он даже может стать маяком для кораблей в сильный туман. Смотри.

Девушка легонько подула в рожок, и стены каюты под протяжные звуки осветились самыми разными цветами радуги.

— Чем сильнее дуешь, тем ярче он светится, — объяснила девушка и передала Гаузену подарок, который он немедленно испробовал в действии, сыграв случайную мелодию.

— Пусть это будет сигналом для нашей встречи, — радостно предложил юноша. — Как ты его заметишь, то сразу ко мне прибежишь!

— Размечтался! — рассмеялась девушка.

— Послушай, Лин. Может, тогда расскажешь, что было дальше в истории про Демиана, — вспомнил Гаузен. — А то я боялся, что никогда не узнаю, чем там все закончилось.

— А тебе интересно? — оживилась девушка.

— Ну, все равно скоро спать ложиться, но если мне станет скучно, то я дам тебе вот такой сигнал: Хр-р-р! — закатив глаза и откинув назад голову, громко зарокотал Гаузен.

— Будешь храпеть — выкину тебя за борт, — шутливо пригрозила Лин.

— Тогданими с меня перед этим сапоги, — не растерялся Гаузен.

— Это еще зачем? — немного смутилась девушка.

— А у меня там монеты спрятаны. В сапогах я точно камнем пойду ко дну, — пояснил он.

— Наверное, у тебя там целое состояние! — рассмеялась девушка. — Я уже начинаю жалеть, что не взяла с тебя платы за путешествие.

— Ну, я в любом случае отплачу тебе за то, что ты протянула мне руку в нелегкое время. Ты больше никогда не пожалеешь, что взяла меня с собой! — ответственно заявил юноша.

— Ты уже в который раз мне это обещаешь. Чем ты можешь доказать состоятельность твоих слов? — с вкрадчивой улыбкой возразила Лин.

— Клянусь всеми своими богатствами! — торжественно произнес Гаузен и вывернул наружу оба кармана своих штанов.

И Лин с Гаузенем беззаботно засмеялись, наслаждаясь обществом друг друга и, впервые за длительное время, долгожданным чувством безопасности, которое давало надежду, что все беды остались позади.

— Может быть, Лекант не такой и негодяй, если рядом с ним есть такие люди, как ты? — предположила вдруг девушка, поставив юношу в тупик. Снова начать рассказывать, какой из себя принц мерзавец, после такого сравнения могло бы поставить Гаузена в один ряд с ним. А защитником Леканта ему быть совсем не хотелось.

— Ладно, шутник, — все еще улыбаясь, произнесла Лин. — Теперь моя очередь развлекать. На чем я вчера остановилась?

— На том, что тот парень ушел искать какого-то бессмертного всезнайку, — вспомнил юноша, которому сильно хотелось уйти подальше от предыдущего вопроса.

— Деми ушел из деревни от неблагодарных, как ему казалось, сельчан с короткой памятью вместе с бродячим цирком и помогал престарелому дрессировщику, но вскоре тот умер и Деми уже стал работать подмастерьем у пьяницы-волшебника, показывающего фокусы на ярмарках. В целом, Деми был очень способным мальчуганом и чему-нибудь да научился у каждого из членов труппы, — продолжила историю девушка.

— И метать ножи? — оживился Гаузен.

— И обращению с холодным оружием тоже, — подтвердила она. Там даже был один ловкач, который умудрялся одновременно жонглировать ножами и бриться.

— Должно быть, быстро у него волосы отрастали, — предположил Гаузен. — А лазить по канату его тоже научили?

— И акробатическим трюкам, и езде на лошади, и вообще всему, что могло бы пригодиться в его дальнейшем путешествии, — поведала девушка, не дожидаясь новых вопросов на эту тему.

— Так он покинул цирк?! — воскликнул Гаузен, обрадованный своей догадке.

— Не перебивай! — одернула юношу девушка. — Он действительно покинул бродячих артистов, когда настал свой срок, и отправился на поиски всезнающего вечножителя. В долгом пути его ждало множество приключений. Разные спутники присоединялись и покидали Демиана в его странствии, но последнюю часть ему пришлось пройти в одиночку. Когда же Демиан наконец повстречал мыслителя, он обратился к нему со следующей просьбой: Мыслитель! Ты Владыка Знаний и Повелитель Мудрости. Ты добр и благоразумен. И хотя мне не хочется пользоваться в корыстных целях твоей добротой и благоразумием, не можешь ли ты мне помочь с моей скромной относительно масштабов бескрайних просторов твоего сознания просьбой?

— Неужели он не мог сказать по-человечески чего ему надо? — начал было возмущаться Гаузен, но быстро замолк под грозным взглядом Лин, и девушка стала рассказывать дальше:

— Твоя просьба не останется без ответа, — молвил мыслитель, и Демиан начал:

— Есть ли смысл человеку жить на свете и совершать деяния, за которые его будут знать и почитать толпы людей, когда, несмотря на огромные усилия и свершения, с течением времени все позабудут о нем и о всем, что он сделал? И даже в истлевших книгах не останется следа о его присутствии. Не мог бы ты, Владыка, запомнить одно лишь только мое имя, ведь ты вечен? Тогда я буду существовать всегда, а значит, буду существовать и сейчас, и это есть самое главное.

— Твоя просьба не лишена смысла, — ответил мыслитель. — Я, может быть и вечен, но это не значит, что я всегда буду оставаться в этом мире. В конечном итоге, знание о тебе все равно уйдет. Узнав твое имя, я сотворю знание, но знание меряется не тем, как долго оно хранится, а тем, сколько людей им воспользуется. Исполнив твою просьбу, я выполню твое пожелание, но твой порыв будет израсходован впустую. Разве не большую пользу ты бы принес, передав не одно знание другому, а разные знания многим, не помышляя о том, как долго они просуществуют? Этим ты бы мог продлить знания на века, а то и продлить саму вечность. Ведь знания — это великая сила, и благие знания могут спасти мир.

Услышав эти слова, Демиан сначала пришел в ужас оттого, что его прежние убеждения ничего не стоят, и он прожил свою жизнь зря. Но потом ему удалось раскрыть сердце

новому знанию, и он переродился.

— Ты пришел сюда не напрасно, — услышал Демиан от мыслителя. — Я дарю тебе книгу. Сейчас она пуста, но тебе предстоит ее заполнить, отделив добрые знания от пустых. Это не просто книга — это слиток моего сердца, — сказал Владыка Демиану. — Но как бы не была она дорога мне, я должен ею поделиться. И это мой подарок не вечности, но человечеству. И только ты можешь передать его людям.

Демиана будто осенило светлым знамением. Он поблагодарил мыслителя за подарок, так и не сказав ему своего имени. А затем он собрал учеников и основал наш орден, который несет знания всем людям и по сей день. Тогда был создан и наш символ. Смотри, я тебе покажу, — произнесла Лин и достала перо, бумагу и чернила. Затем она начала тонкими линиями наносить какой-то знак:

— Вот это — сердце. Оно будто бы отлито из золота, хотя и кажется хрупким. А с краю видно, как оно открывается, ведь сердце должно быть открытым. И открываясь, оно показывает страницы, которые не терпят лжи, — продолжала старательно выводить девушка своей изящною рукой, а Гаузен неотрывно следил и запоминал. — Книга — она как живая. Чернила ее кровь, а страницы — мышцы. На них можно узнать многое — и прошедшее и будущее, если очистить свои помыслы. В прошлом и грядущем суть любого знания. Это и есть символ нашего ордена. Сердце открыто еще и потому, что знание открывает многие двери, — объяснила Лин. — Но самое ценное знание в жизни — это любовь и дружба.

Гаузен, стараясь запомнить увиденное и услышанное, не заметил, как шепотом повторил последние слова. Взгляд Гаузена скользнул по лицу Лин, но она не заметила этого, так как, подув на листок, чтобы чернила засохли, сложила набросок и спрятала его между страниц.

— Страницы не запачкаешь? — предупредил Гаузен девушку.

— Не чернила, а темные дела пятнают страницы истории, — ответила Лин. Похоже, что она все еще находилась в задумчиво-мечтательном настроении.

— В монастыре мне рассказывали много чего поучительного, — поделился Гаузен. — Но та скучная ерунда не идет ни в какое сравнение с этой замечательной историей. Если бы мне раньше рассказывали такие истории, то я, наверное, сейчас бы лучше относился к окружающим, — грустно добавил про себя юноша.

— На этом история не закончилась, — разъяснила девушка. — Демиану предстояло основать орден, а для этого понадобилось приложить немало усилий. Но перед этим он отправился в новые странствия, чтобы собирать и делиться добрыми знаниями. На своем пути он совершил немало хороших поступков. Но он все еще стыдился своего прошлого. Он боялся, что к нему не будут прислушиваться, по-прежнему принимая за циркача, поэтому он обмотал лицо тканью. Когда же его просили показаться, он отвечал так: Зачем мне открывать вам мое лицо, когда я могу открыть вам свое сердце? Но однажды одна маленькая девочка поднесла ему воды, но он не мог принять это подношение, несмотря на то, что ему очень хотелось пить. В этот момент он понял, что скрывать свое истинное лицо так же неправильно, как и отказываться от благодарности, и он снял повязку... И никогда больше не надевал ее.

Тут девочка увидела, что лицо Демиана покрыто шрамами, и испугалась.

— Что с твоим лицом? — спросила девочка, но в ее голосе звучало не отвращение, а жалость.

— Раньше мне казалось, что я хозяин своего сердца, и могу подарить его кому угодно. И

некоторые прекрасные девушки брали его, не спрашивая, и вместо того, чтобы разделить его, они ставили его на полку, и постепенно оно начинало покрываться черной коркой пыли. Они не забирали мое сердце себе, но и не отдавали обратно. Потом приходили другие, но мне уже нечего было им предложить. И они называли меня злым и жестоким, но мне нечего было возразить им. Ведь сердце, вырванное из груди, превращалось в кровоточащий кусок мяса, а сам я — в бесчувственного мертвеца. Но ведь сердце человека создано, чтобы перегонять кровь, а не истекать ею?

Я не мог объяснить им того, что мое сердце больше не принадлежит мне, равно как и того, что не могу его кому-то подарить, потому что оно полно страха и отчаяния. Я просто не мог говорить плохих вещей о тех, кто забрал его у меня. Кто был так дорог мне, несмотря ни на что. И у меня не хватало смелости попросить свое сердце обратно или предложить что-то взамен.

А потом мое сердце рано или поздно падало с полки вниз и разбивалось на мелкие части. И я смотрел на них, пытаюсь разобрать собственное отражение. И я видел в этих осколках сотни ртов и тысячи глаз. И я понимал, что это чудовище и есть на самом деле я. А потом налетел ветер и разметал осколки моего сердца по всему миру. И я не могу собрать их до сих пор.

На моем сердце столько шрамов, — признался Демиан, — что на нем не осталось живого места, и они стали выступать наружу. Но больше я не строю иллюзий. Я сам себе палач и главная причина собственных страданий. И я благодарен, что ты облегчила их мне.

Напившись, он вернул девочке кувшин, но она и не думала отходить от него. Он решил, что она хочет ему что-то сказать, и наклонился к ней поближе, и тогда она поцеловала его... Хотела бы я быть на месте той девочки, — прошептала Лин, прервав историю.

«Хотел бы я быть на месте Демиана, если бы ты была на месте той девочки» — подумал Гаузен и произнес:

— Повезло же ему.

— Вообще-то не очень, — не согласилась девушка. — За этот поцелуй его бросили в тюрьму.

— Неужели у них там такие строгие законы? — возмутился Гаузен.

— Нет, просто она оказалась дочерью царя Хаслинии, — пояснила Лин. — Безродным чужеземцам было запрещено не то, что прикасаться — разговаривать с нею. Но она помогла ему выбраться из тюрьмы и спастись от казни. Его ждало еще много подобных приключений, прежде чем он основал орден Всемзнания.

— Думаю, он старался не зря, — подытожил Гаузен, про себя подумав: «Ведь не заложил он его, мы бы с тобой никогда не встретились».

— А эта книга — та самая, что получил в подарок Демиан? — вдруг спросил Гаузен.

— Кто знает? — неопределенно пожала плечами девушка. — Все может быть. А почему ты спрашиваешь?

— Если эта та самая книга, то с ее помощью можно узнать, как излечить Салочку, — предложил Гаузен.

— А ты действительно хотел бы помочь ей? — переспросила девушка.

— Ну, как же, жаль все-таки, — замялся юноша. — Такое несчастье и на всю жизнь.

На самом деле у Гаузена не укладывалось в голове, что такие болезни вообще могут существовать. Он привычно относился к нормальным «человеческим» заболеваниям, вроде простуды, но эта просто-таки ломала у него все представления об устройстве мира.

— Наш орден длительное время покупает товары у Галатеи, так что мне давно известно о несчастье Салочки. Я перерыла все возможные источники в библиотеке и опросила всех прислужников и мастеров. Но мне не удалось найти хоть какого-то решения. А если в этой книге и есть ответ на этот вопрос, то даже если бы я, несмотря на запрет, заглянула в нее, еще неизвестно, удалось ли бы мне найти правильное решение. Я ведь всего лишь ученица... — печально закончила девушка. — Но я обязательно попрошу их разобраться, если книга подлинная.

Тут Гаузен, который вообще в последнее время спал не очень много, не выдержал и зевнул.

— Я все-таки утомила тебя своими рассказами? — встревожилась девушка. — Уже темно, порауже укладываться...

— Я просто широко открыл рот... — пояснил Гаузен. — Открыл, чтобы сказать... А почему бы нам не выйти наверх и подышать свежим воздухом? А заодно и полюбоваться на звезды.

— Можно, — согласилась девушка. — Днем-то их все равно не увидишь.

Лин и Гаузен поднялись на палубу и стали смотреть на ночное небо. Гаузену хотелось сказать что-то красивое про звезды и очаровать девушку, но ничего путного в голову не приходило.

— А ведь иногда они и на голову могут упасть, — наконец, решился юноша, не придумав ничего получше.

— С чего ты взял? — удивленно посмотрела на него девушка.

— Ну вот, теперь она думает, что я ушибленный звездой на голову, — расстроился Гаузен и попытался оправдаться:

— Мне рассказала тетушка Галатея, что причиной болезни Салочки стало подобное падение. А виноват во всем бог Гардиш, который кидался с небес смертоносными камнями.

— Есть и другие версии этой истории, — даже не повернувшись, возразила девушка. Она вдруг начала разглядывать звезды настолько пристально, что совсем нельзя было подумать, что она ими любит.

— Легенды не врут! — не поверил Гаузен.

— Может быть, и не врут, но преувеличивают частенько, — не сдавалась Лин. Но их спор прервала птица, вылетевшая из капитанской рубки куда-то вдаль. Эта птица показалась очень знакомой юноше. Хотя было темно, но ему почудилось, что у нее не хватает перьев на хвосте, отчего птица немного вихляла в воздухе. К лапе пернатого было что-то привязано.

— Когтервач! — изумленно прошептал Гаузен.

Когтервачем звал Лекант своего ручного ястреба. Он брал его на охоту, а когда было нечем писать, принц вырывал у него перья.

Еще у Леканта был пес по кличке Брюхогрей, который очень любит дремать у камина. Придворная чернь даже сложила песенку на эту тему:

У Леканта тьма друзей,
Когтервач да Брюхогрей.

Впрочем, однажды Брюхогрей исчез. Трудно понять, сбежал он, потерялся или был украден, хотя кому бы мог понадобиться старый толстый пес? Но принц, во всем чуя измену, заочно приговорил четырехлапого блохоносца к смерти. Чтоб другим неповадно было. Вот

так у Леканта из любимцев остался один только ястреб. Юноша вспомнил, что пернатый спутник принца всегда мог найти дорогу в замок, поэтому Лекант использовал птицу как почтальона. Просто отдавал кому-то ястреба в клетке, а потом, когда срочно нужно было отправить письмо, Когтервача выпускали, и он возвращался обратно к принцу.

«Я ведь забыл отправить ему отчет о месте для замка» — пришло в голову юноше, но он решил больше не думать об этом.

— Лин, — повернулся к девушке Гаузен. — Похоже, что капитан Настар только что отправил письмо Леканту при помощи ручного ястреба принца.

Девушка посмотрела на него в ужасе.

— А я еще сомневалась, что наш корабль идет по верному курсу, — удручено поведала она. — Звезды совсем не совпадают с теми, что встречаются на пути в Альдорию.

— А еще, похоже, что Настар работает на Леканта, — вновь напомнил юноша, которому показалось, что девушка не совсем его расслышала.

— Послушай, Гаузен, — серьезно спросила Лин. — Лекант действительно такой мерзавец, что с ним ни в коем случае нельзя связываться?

У Гаузена промелькнула мысль, что, может быть, не все еще потеряно. Что сейчас он может представиться капитану подручным принца Леканта, а потом и самому принцу все объяснить. Что да, он подзадержался и ввязался в неприятности, но первоначальное задание он, как мог, но выполнил. Зато ведь получается, что девушку и книгу он спровадил прямо ему в руки. Проявил дальновидность, так сказать. Но все эти мысли показались Гаузену настолько противными, особенно в сочетании с представившейся ему мерзкой самодовольной улыбкой Леканта, что юноше стало стыдно даже помыслить о подобном предательстве. Нет, Лекант — это не тот человек, в котором можно найти хоть одну положительную черту. Гаузен понял, что его заслуг перед Лекантом никак не хватит, чтобы вытащить девушку из беды. Да и даже если он спасет ее, она не простит ему потери книги.

— Лин, если ты меня спрашиваешь, — начал Гаузен. — То избегай его любой ценой! Хорошо в нем только то, что его сейчас нет поблизости.

Они услышали шаги и обернулись. Капитан судна уже успел появиться на палубе.

— Ну что, голубки, вышли полюбоваться на звезды или опять обо мне вспоминаете? — с наигранным дружелюбием поинтересовался Настар.

— Не голубки — тут птицы покрупней будут, — прошептал Гаузен, не рискнув прямо выразить свое негодование, но Лин была куда более категорична:

— Настар, куда мы плывем? Это совсем не похоже на путь в Альдорию! — в открытую обвинила девушка.

— Говорят, близ Альдории бушуют бури, поэтому я решил сделать небольшой крюк. Но не волнуйся, дорогуша, ты наверняка рано или поздно вернешься к себе домой, если будешь послушной... Ведь в монастыре тебя учили послушанию? — криво ухмыльнулся капитан и прищелкнул языком.

— Что это значит, Настар? — дерзко перебила девушка.

— Это вам объяснит принц Лекант при встрече, — все еще злорадно улыбаясь, ответил капитан.

— Как ты мог так поступить с нами после стольких лет сотрудничества с орденом? — не отступалась Лин. — Как ты мог нас обмануть?

— Ты называешь меня обманщиком?! А кого ты протащила на борт? — гневно указал на Гаузена Настар. — Он совсем не похож на храмовника, лживая ты стерва!

Увидев, как хаслин размахнулся, Гаузен рванулся навстречу, но опоздал. Настар отвесил девушке такую оплеуху, что она, отлетев, ударилась о мачту.

Пожалев об оставленном в каюте ноже, Гаузен изо всех сил пнул капитана под колено, а когда у того подогнулись ноги, прибавил кулаком в челюсть. От подобной арифметики рот капитана исказился от боли, и наружу вырвались слова о помощи:

— Матросы! Недоумки заспанные! Да чтоб вас! Кто-нибудь!

— Кто-о... Кто надавал тумачков капитану? — сонно прогудел заспанный хор из кубрика.

Гаузен, даже не досмотрев до конца недолгий полет Настара, не стал дожидаться подмоги и сразу подбежал к Лин.

— Скорее в каюту, — слабо попросила девушка. Гаузен, подхватив Лин, добрался до места и запер дверь.

Ученицу ордена Всемзнания шатало от боли в голове, но у нее еще были силы говорить:

— Прости меня, Гаузен... Я подозревала тебя в предательстве, но не смогла разглядеть настоящего изменника. А я еще пыталась переубедить его...

— Это ты прости меня... — с горечью ответил юноша. — Прости, что я не смог защитить тебя.

— Бери свои вещи и слушай меня внимательно, — посерьезнела девушка. — Похоже, что книга подлинная, раз Лекант ищет ее. И от нее можно получить многие ответы, — сконцентрировавшись, девушка углубилась в книгу. В этот момент в дверь стали громко стучать, требуя открыть дверь. Гаузен подумал, что если дверь начнут выламывать, то засов долго не протянет.

— Мне удалось разузнать, как исцелить Салочку. Она больна синдромом Протея, и единственное лекарство держит у себя ученый, которого зовут Савушкин. Но это очень далеко. Зато мы оба знаем о ее недуге, и это нас объединяет. Оба мы хотим, чтобы Салочка излечилась.

Гаузен напряженно кивнул, все еще не понимая, как это поможет им в нынешней ситуации.

— Если все получится, нам удастся не только спасти книгу от рук Леканта, но и помочь Салочке. Мне было запрещено использовать Книгу Знаний, но у нас нет выбора. Мы можем скрыться только в ином мире, так как книга позволяет перемещаться между мирами, но не внутри них.

— А мы не потеряем друг друга? — испугался Гаузен, который от волшебных перемещений не ожидал ничего хорошего.

— Разве ты еще не понял? Эта книга помогает найти любовь и дружбу. Мы отыскиали друг друга в Арте, найдемся и в другом мире. Пусть даже на это уйдет время...

Лин стала судорожно листать книгу, нашла одно место и долго вчитывалась в него, затем слабым голосом велела Гаузена заглянуть туда вместе с ней. Гаузен так и сделал.

— Надеюсь, хоть на этот раз у меня все получится, — прошептала девушка.

— Я верю в тебя, Лин, — попытался успокоить девушку Гаузен, и она ответила ему благодарным взглядом. — Послушай, Лин, мне кое-что нужно сказать... — вдруг вспомнил юноша.

— Нашел время! — не дала договорить девушка. — Потом скажешь...

Тут Гаузен услышал гром, а в голове у него померкло.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Лин, — было последней мыслью юноши. — Ведь в твоих руках наши жизни.

Но в тот момент о своей жизни он почти не думал.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Часть вторая

Дремучий лес утопал в тишине, и даже внезапное появление человека, не относившегося к его постоянным обитателям, не побеспокоило его безмятежности.

«Зря я так подкрепился» — подумал Гаузен, после того, как его желудок наконец опустел.

— Ну и мерзкое же чувство... Как будто книжку за один присест прочитал!

Лин нигде не было! Воспоминания накатывали будто бы волнами — одно безумнее другого. Обитатели чужого мира — череда мерзавцев, подлецов и истеричек промелькнули перед его глазами. Впрочем, не обошлось и без приличных людей. И даже знакомых не понаслышке с родными для велита просторами. Гаузен с грустью вспомнил, что так и не нашел Лин... Зато отыскал лекарство для Салочки не без помощи новообретенного друга по имени Ленон. Он же и вернул его обратно.

Оглянувшись, Гаузен с радостью узнал знакомые леса Велитии. Как-никак выдавала растительность, да и воздух тоже привычно освежал дыхание. Мысленно поблагодарив Ленона, юноша немного взгрустнул о своем застенчивом и не вполне жизнеспособном спутнике. Велит утешил себя мыслью о том, что помог ему устроиться в жизни, а в здешних условиях ему вряд ли удалось бы долго протянуть. Некоторое время подержавшись за ствол дерева, Гаузен сосчитал до десяти и решил, что голова не кружится так сильно, чтобы нельзя было сделать хотя бы пару шагов.

— Лекарство на месте? — спохватился Гаузен. — На месте! — обрадовался он после того, как в конце концов нащупал в сумке ампулу. — Теперь надо найти книгу.

По крайней мере, нитку он нашел почти сразу. Гаузен надеялся, что поиски не отнимут много времени. Неуверенно поднявшись на ноги, юноша, крепко держась за так и не порвавшуюся нить, начал оборот за оборотом отматывать ее. Когда нить стала натягиваться, Гаузен понял, что книга уже близко, и ускорил шаг.

Книга действительно лежала неподалеку. Она мирно покоилась в руках у Ленона. Гаузен, ужаснувшись своей догадке, что что-то пошло не так, аж подпрыгнул на месте. Тем временем Ленон начал потихоньку приходить в себя.

— Что, ничего не вышло? — недоуменно поинтересовался Ленон, заметив книгу в своих руках и Гаузена, стоящего напротив. Велит, удивленный ничуть не меньше, выхватил книгу из ослабевших пальцев спутника в надежде, что Ленон всего лишь иллюзия, но тот и не думал растворяться в воздухе.

— Не получилось? — снова спросил Ленон и покачнулся. — Нехило меня вконтачило — как будто машина сшибла. Далеко же меня за обочину выкинуло, — пожаловался Ленон и начал оглядываться на окружающий его лес.

— Ну, я пойду? — по-прежнему мало чего понимая спросил Ленон. Гаузен рефлекторно кивнул головой и тоже собрался по своим делам, но, опомнившись, обернулся. Ленон сделал всего несколько шагов и упал.

«Что-то пошло не так» — подумал Гаузен. — «Его не должно здесь быть! Но ведь Лин тоже заглянула в книгу, и я отправился один?»

Страшная догадка озарила юношу. Наверное, из-за удара девушка потеряла сознание и

не смогла переместиться вместе с ним. А все из-за того, что он не смог защитить ее от капитана Настара. Размышляя, Гаузен ходил кругами и чуть не запнулся о тело Ленона. Поймав себя на мысли, что судьба девушки волнует его больше, чем состояние его спутника, Гаузен решил, что следует позаботиться о том, кто сейчас будет ему поближе. Гаузен снял куртку и сунул Ленону под голову.

— Что же я буду с ним делать? — вслух подумал Гаузен. Лин, наверное, смогла бы вернуть его обратно, но ее еще предстояло отыскать. Также Гаузен не забыл, что у лекарства от синдрома Протея ограниченный срок, а значит его надо, кровь из носу, доставить побыстрее к тетушке Галатее и ее племяннице.

— Не бросать же его здесь? — пожалел лежавшего без чувств юношу велит. Он уже решил было растолкать невольного путешественника, но, снова пожалев, достал из сумки флягу и налил ему в рот немного воды. Впрочем, это была не вода. От крепленого вина Ленон сразу же пришел в себя и закашлялся.

— Ленон, с тобой все в порядке? — заботливо поинтересовался Гаузен.

— Ну, от таблетки цитрамона я бы сейчас не отказался, — пожаловался Ленон.

— Других лекарств у меня с собой нет, — показал спутнику на ампулу Гаузен,

— Меня как будто всего перелистало, — болезненно поделился Ленон.

— У меня похожие чувства, — подтвердил Гаузен.

— Гаузен, у меня странные ощущения во рту, когда я произношу слова, — сделал новое открытие Ленон.

— Могу только поздравить! Теперь ты знаешь на один иностранный язык больше, — сообщил приятную новость Гаузен, но Ленон по-прежнему не находил повода для радости.

— Ты понял? Мы с тобой разговариваем на одном языке. Он стал тебе как родной! А твой родной ты тоже знаешь, но он неродной! Ты просто будто выучил его в совершенстве, — пытался объяснить Гаузен, вспоминая свой первый опыт перемещения.

— Что-то я не помню эту часть парка, — насторожился Ленон, все еще не понимая, что произошло.

— Видишь ли, Ленон, — начал издали велит, решивший, что долго обманывать спутника не удастся. — Изначальный план моего возвращения оказался несколько перевыполненным...

— Это как? — не понял Ленон. — Ты что, уже слетал в свой мир, излечил девушку и вернулся обратно?

— Если бы, — опроверг догадку спутника Гаузен. — Просто ты перенесся в Велитию вместе со мной... и книгой.

— Но мне сюда не надо! — перепугался Ленон. — Я никогда не просил об этом!

— Что поделаешь, — пожал плечами Гаузен. — Видимо Савушкин чего-то недоговорил или не совсем в этом разобрался...

При упоминании об известном космонавте Ленону пришло в голову, что завтра ему нужно идти на работу в НИИ. Но тут он вспомнил о ком-то поважнее Савушкина и рефлекторно вытащил расческу из захваченного с собой раскладного ножа.

— Меня ведь ждет Руфи! — спохватился Ленон, приводя себя в порядок.

— Понимаешь, Руфи твоя никуда не денется, а без моей помощи пропадут две девушки! — возразил Гаузен. — Если ты ей дорог — подождет еще немного.

— Немного — это сколько? — не сдавался Ленон.

— Неделю, не меньше, — сболтнул первое, что взбрело в голову, велит. На самом деле,

Гаузен понятия не имел, как скоро они найдут девушку из ордена Всемзнания, но обещать своему спутнику скорого возвращения он тоже не решался.

— Но ведь мне надо как можно быстрее! — заспорил Ленон. — Ведь как я сюда попал — так же можно и вернуться!

Он рванулся за книгой к Гаузену, но тот отскочил, и Ленон снова повалился на траву.

— Понимаешь, Ленон, — попытался успокоить его велит. — Если ты попробуешь переместиться обратно, то наверняка исчезнешь вместе с Книгой Знаний. И книга-то не моя — она принадлежит Лин! А она не любит, когда трогают ее вещи. Если узнает, что я давал тебе почитать Книгу Знаний, то она ведь не только меня взгреет. Тебе тоже достанется! Но ты не бойся, когда мы ее встретим, я всю вину возьму на себя. А когда она устанет меня колотить, то обязательно вернет тебя домой.

Тут юношу осенило, что теперь, находясь в Велитии, Книга Знаний может точнее ответить, куда пропала девушка. Но перед тем как доверить Ленону книгу, Гаузен решил обговорить с ним несколько вопросов. Ленон же, услышав столь слабое утешение, тем не менее, при словах, что Гаузен заступится за него, начал понемногу успокаиваться.

— Надеюсь, Леонид Васильевич не сильно рассердится, если я опоздаю, — понадеялся на доброту директора института Ленон.

— Ты ему расскажешь — и он все поймет. Он ведь здесь уже побывал однажды! — убеждал его Гаузен.

— А Руфи? — вспомнил Ленон.

— А твоя Руфи тоже поймет... Поймет, что ты сошел с ума, — расстроил Гаузен.

— Что же делать? — в отчаянии схватился за голову Ленон.

— Скажи ей, что я тебя похитил, держал в подвале и подвергал страшным пыткам, кормя плохо прожаренным мясом. От подобного питания ты набрался сил, порвал оковы, отметелил меня и вернулся обратно, — пожав плечами, предложил Гаузен первое, что пришло ему на ум.

Услышав эту версию, Ленона передернуло от отвращения. Он не мог представить ни то, как он ест мясо, ни того, что Гаузен решился бы на подобное злодеяние, равно как и того, что он поведал бы Руфи столь откровенную небылицу.

— Ну, или просто скажи ей, что тебе отшибло память, и ты мало чего помнишь, — подкинул другую идею Гаузен, видя колебания своего друга. — Но это потом. А назад сейчас тебе точно нельзя при любом раскладе. Сам подумай, Ленон! Ты вообще понял, как она работает? Это может быть опасно! Ты оказался здесь совершенно случайно. Тебя тут не должно быть! Сам-то уверен, что вернешься туда, где был? Ты можешь вообще попасть не пойми куда!

— В Кокосовые прерии? Или на юга в Антарктиду? — испугался Ленон, вспомнив невероятные злоключения Валентина Петровича.

— Может, даже хуже! — припугнул велит. — И кто тебя тогда будет спасать?

Ленон, расстроившись окончательно, замолк и опустил голову.

— Да не бойся ты. Вот найдем того, кто в этом разбирается, и мигом тебя вернем, — подбадривал его Гаузен.

— Обещаешь? — с надеждой всхлипнул носом Ленон.

— Приложу все усилия! — заверил велит. — Но ты мне пообещай, что не будешь заглядывать в Книгу Знаний и соваться в другой мир.

— Я не буду, — кивнул Ленон.

— Тогда возьми книгу. Она не самая легкая, — переложил реликвию Гаузен на плечи Ленона, зная, что без него тот никуда не денется. Ленон хотел взять ее под мышку, но Гаузен снова вспомнил про девушку и остановил его:

— Надо в нее разок посмотреть. Это очень важно и касается Лин. Книга ведь говорила, что ее не было в твоём мире, значит она здесь. Можешь уточнить, где она сейчас?

— Я попытаюсь, — нерешительно произнес Ленон. У него кружилась голова, но дело было важное и затрагивало в том числе и его, так что он не мог отказать Гаузену. Ленон раскрыл книгу и зарылся в страницы. Он долго не мог сосредоточиться, но наконец у него начало что-то получаться.

— Послушай, Гаузен, я не могу точно сказать, где она... — испуганно вымолвил юноша.

— Что ты имеешь в виду под словом «точно»? — насторожился Гаузен. Он надеялся услышать название города, храма или хотя бы страны.

— Гаузен, я не знаю... Там все темно. Она будто бы в глубине. И я не могу заглянуть дальше...

При этих словах голову Гаузена посетили мрачные подозрения, но он постарался отмести их. Юноша подумал, что лично разужнает судьбу корабля, и, если придется, найдет капитана Настара и выпытает, куда тот подевал его спутницу.

— Похоже, что Книга Знаний охотнее дает информацию о местах, нежели о людях, но я все равно не могу понять, где она. Может быть, оттого, что я никогда не встречал ее? — предположил Ленон.

— Понятия не имею, Ленон. Хватит на сегодня с книгами, — все еще обеспокоено отозвался Гаузен и добавил:

— А ты здорово постарался! Я ведь даже не расшибся. А в прошлый раз прямо в воду канул.

— Это все не я... Это книга, — скромно поблагодарил юноша, радуясь похвале.

— Наверное, Лин будет интересно, что кто-то кроме нее умеет читать Книгу Знаний. Да она тебе понравится. Она классная девчонка! Когда мы встретимся, может, тебя даже в орден свой посвятит! — обнадеживал скорее себя, нежели Ленона, Гаузен. Увлечшись, велит начал рассказывать не только про свою недавнюю спутницу, но и орден Всемзнания, где она состояла. Но через некоторое время он понял, что поторапливаться ему надо совсем не с историей.

— Ладно, дружище, поговорили и хватит. Надо выбираться отсюда. Я знаю леса Велитии, как пять пальцев. Так что скоро мы выберемся в город и там отдохнем.

Гаузен прикинул, сколько у него осталось монет, и решил, что на завалящую ночлежку должно хватить.

— А можно ли переместиться сразу к Салочке, чтобы не тратить зря время и силы на путешествие? — предположил Ленон.

— Нет, не выйдет, — покачал головой Гаузен, вспомнив, что об этом ему говорила Лин.

— Похоже, что Книга Знаний как ракета, при помощи которой можно летать на другие планеты, но не с места на место, — сообразил Ленон.

К сожалению, лес оказался шире обычного. А, может, просто юный велит переоценил свои способности к ориентированию на местности.

«Ну и как нам отсюда выбраться?» — размышлял Гаузен. Хотя чаща казалась знакомой, но она была похожа на любые другие леса Велитии.

— Ленон, загляни в книгу. В конце концов, познавать — не колдовать, — решил

немного нарушить технику безопасности Гаузен.

— Нам нужно идти на север, — немного поискав, отозвался юноша. — Там ближайшее поселение.

Услышав указания, Гаузен спешно двинулся дальше, так что его спутник стал еле поспевать за ним.

— Гаузен, а ты уверен, что мы идем на север? — спросил через некоторое время Ленон.

— Ну, как же. Юг — это там, где теплее, то есть с той стороны, где светит солнце, — немного подумав, выдал Гаузен. — Север — это спиной к солнцу. Запад — слева, восток — справа.

— Был бы в моем ножике компас, — вздохнул Ленон, усомнившись в ориентирах своего проводника. — Но он перочинный, а не нож для выживания.

— Конечно, Ленон! С ножом для выживания ты бы, наверное, выжил из леса всех здешних обитателей, — усмехнулся Гаузен. — А с таким ножом, как у тебя, только конверты вскрывать, и, как я понимаю, писем тебе ждать не от кого.

— Может, получится определить стороны света по мху? — предложил Ленон и подошел к дубу. Под ним в большом количестве была разбросана листва и желуди, а местами была содрана кора, но никаких зеленых пористых наростов на нем не наблюдалось.

— Это кто же так дерево обобрал? — изумленно протянул Ленон.

— При чем здесь бобер? Это не зубы, а когти! — втолковал Гаузен Ленону и в доказательство приложил ладонь к отметинам. Ленон представил себе размеры зверя, и удивление на его лице сменилось неприкрытым ужасом.

— Не волнуйся — следы старые. А вообще, держись меня и не пропадешь, — успокоил Гаузен, и они пошли дальше.

Через некоторое время начало темнеть, и Гаузен решил, что пора на время прекратить их совместные блуждания по лесу. Юноша скомандовал привал, развел костер и начал доставать еду. Ему удалось прихватить буханку хлеба и кусок ветчины. Больше ему достать не удалось, да и он просто не хотел набивать сумку, дабы не осложнять и без того непростое перемещение.

— Ты взял чужие продукты! — возмутился Ленон, заметив съестные припасы из холодильника Антонины Казимировны.

— Извиняй, я думал, что это все твое, — пожал плечами Гаузен, слегка покорив себя за то, что не набрал про запас угощений со свадебного стола.

— Нет, не мое. Было бы мое, я бы ничего не сказал, — заверил Ленон.

— Ну, ничего, — успокоил Гаузен. — Вернешься — все возместишь с полочки. Если Савушкин и впрямь такой добряк, он тебе зарплату мешками платить будет!

Гаузен достал нож и разрезал хлеб.

— Поделим по-братски — половину тебе, половину мне, — предложил он.

— Почему мне только половину? Тебе ведь еще и мясо будет! — возмутился Ленон, к которому, после недавнего опустошения желудка, вновь вернулось чувство голода.

— Ну, тогда половина моего куска тоже твоя, — предложил Гаузен.

— Мне не надо! — воспротивился юноша. — И вообще, я же говорил, что не ем мясо!

— Нашел, чем удивить! — усмехнулся Гаузен. — Знавал я одного старика, который вообще триста лет на одной библиотечарской пыли протянул!

— Но это же... нездоровое питание! — изумился Ленон.

— Оно и верно! — согласился велит. — Ты бы его видел! Выглядел он просто ужасно —

прямо насквозь просвечивал!

— Давай так, — предложил Ленон. — Мне весь хлеб, а тебе все мясо.

— Без хлеба мясо плохо жуется. Я так и язык прикусить могу! — запротестовал Гаузен.

— А ты не захватил еще чего-нибудь не мясного? — с надеждой поинтересовался Ленон.

— Соль... и спички! — только и мог, что ответить Гаузен.

— Ну, может, хотя бы пару корочек надбавишь? — предложил Ленон.

— Чего мне вообще с тобой делится? Сам же сказал, что хлеб не твой! — возразил

Гаузен, которого скудное питание в монастырях и замке приучило любить разнообразие в еде.

— Но ты ведь его... украл, — смущенно напомнил Ленон.

— Если отказываешься есть ворованное, то верни свою долю! И вообще, меньше ешь — вкусней еда! Мне это часто в монастыре повторяли! — рассердился Гаузен.

— Жадина-говядина, — не выдержав, обиженно пробурчал Ленон, вгрызаясь в краюху.

— Вообще-то говядины мне совсем не жаль, — не согласился Гаузен. — К тому же, мне нужны силы для возможного сражения. А кто съест половину ужина, тот и воевать будет вполсилы.

Ленон, напуганный подобной перспективой, замолк. А Гаузен подумал, что если Ленон будет постоянно с ним спорить и не слушаться, то это затруднит путешествие им обоим. Похоже, что пришелец из другого мира попросту не представлял всех опасностей, с которыми, возможно, им обоим предстоит столкнуться.

«Не хочется разбивать парнишке сердце и портить ему отдых, но иначе он просто здесь не выживет» — подумал Гаузен, но решил пока отложить этот нелегкий разговор и спокойно поесть.

— Что же у вас хлеб квадратный? — поинтересовался вдруг Гаузен.

— Не квадратный, а прямоугольный, — пояснил Ленон, который любил точность в деталях.

— Чего-чего? — не понял Гаузен. — Какой угольный? Прямо из угля что ли делается? Вот почему он весь из себя черный, а не белый.

— Если тебе не нравится — можешь не есть, — с надеждой предложил Ленон.

— Если бы у меня только был выбор! — сокрушенно покачал головой Гаузен.

— Все лучше, чем есть мертвечину, — попытался успокоить себя Ленон, пережевывая свой скудный ужин.

— Чего-чего? — ошарашено переспросил Гаузен, не поверив своим ушам.

— Это я так про себя называю любое мясо — колбасу, ветчину, котлеты, — пояснил юноша. — Да и «ветчина», собственно, это и есть сокращение от «мертвечины».

— Ну, спасибо, Ленон, у тебя талант портить людям аппетит, — недовольно пробормотал Гаузен, но от еды отказываться не стал. Наевшись, он решил, что время серьезного разговора с Ленином настало:

— Послушай, Ленон. Тебе, наверное, пришла в голову идея, что я тебе это все подстроил. Это не так! Я вообще не любитель доставлять кому-либо неприятности! Особенно Леканту, — добавил про себя Гаузен и внутренне содрогнулся. — Я думал, что ты отправишь меня и книгу в родной мир, а сам останешься у себя, счастливо маша рукой тому пустому месту, где я только что был. Но все пошло наперекосяк! И я не собираюсь оставлять тебя в лесу, как в одной известной сказке. Но нам придется преодолеть предстоящий путь

вместе. А после этого ты отправишься обратно к себе домой. Я даже напишу твоему Савушкину объяснительную записку, почему ты задержался. Ты согласен?

Ленон неуверенно кивнул. Выбирать ему было не из чего, и он чувствовал себя заложником обстоятельств.

— Но чтобы слаженно работать вместе, — продолжил Гаузен. — Надо сначала распределить обязанности. Это плохая новость. А хорошая в том, что никакого списка тебе запоминать не придется. Просто делай все, что я скажу, и не спорь. И вообще, если кто тебя спросит, говори всем, что ты мой слуга.

— Почему это слуга? — возмутился Ленон. — Я работник интеллектуального труда!

— Ну, никто не мешает тебе быть ... Умным слугой! — поправился Гаузен, не видя в своем предложении ничего оскорбительного.

— Это не меняет сути дела! — настаивал Ленон.

— Но ведь ты и раньше помогал! — напомнил Гаузен.

— Но это была другая помощь, — уточнил Ленон.

— Так это же не навсегда! И вообще, ты так визжишь, будто тебя дрессированной обезьянкой назначили! Как будто я буду тебя заставлять ковырять у меня в носу! — убеждал, как мог, Гаузен.

— Все равно это унижительно! — упрямылся Ленон.

— Ты говоришь — унижительно, а я говорю... спасительно! — изобразил Гаузен эффектный жест руками, приподняв их вверх, будто обращаясь к какому-то божеству. — Если я сам буду тащить свои вещи, у меня руки устанут. А чем я, по-твоему, буду обороняться? Может, ты не слугой, а моим телохранителем хочешь стать?

— В случае беды можно будет позвать на помощь... — неуверенно протянул Ленон.

— Да о чем ты говоришь! В лесу никто не услышит твой крик! А в городе, если позвать стражу, еще неизвестно, кого схватят, — прибавил про себя Гаузен.

— Разве нельзя придумать что-то еще... — пытался найти для себя другие возможности Ленон.

— Ты знаешь, Ленон, мне в голову приходили разные мысли по этому поводу. Но рабство я не одобряю, а для лошади у тебя зубы мелковаты... И вообще, — не выдержал Гаузен. — Разве ты не понимаешь, что здесь тебя вообще как бы не существует! И никогда не было! Единственный, кто знает, кто ты таков и откуда будешь, это я! Но поверь, это признание может принести тебе большие неприятности! Мне на собственном опыте известно, что чужакам всегда приходится туго!

— Ты ведь никому не расскажешь? — испугался Ленон.

— Нет, даже если будут пытаться, — успокоил его Гаузен. — Меня никакая пытка не проймет. Видишь? — Гаузен взял уголек из костра, подержал его в руке и бросил обратно. — Я даже не почувствовал!

— Но у тебя рука в перчатке! — возразил Ленон.

— Правда? А я и не почувствовал, что она у меня на руке! — наигранно удивился Гаузен. Он надеялся, что Ленон купится на этот трюк.

— А почему у тебя только одна? Потерял? — поинтересовался Ленон. Хотя Ленон и не любил изделия из натуральной кожи, перчатка Гаузена действительно выглядела весьма качественно и элегантно.

— Потерял. Но не я. Принц Лекант обронил ее, а я подобрал и надеялся, что когда он обнаружит пропажу, вторая окажется ему без надобности. Но он, негодяй эдакий, ее не

выкинул, а швырнул своему псу, который изжевал ее так, что она начала походить скорее на сушеного кальмара.

— А он не заметил потом, что перчатка у тебя? — спросил Ленон.

— Ну, ты же не думаешь, что я носил ее у него на глазах? У него, конечно, тряпья разного хватает, но мало ли чего бы он заподозрил? Но все равно штука хорошая. Кожа такая прочная и почти не стесняет пальцев. В такой перчатке можно хоть колючих ежей, хоть шипастых ершей из пруда вытаскивать. А хочешь, я тебе ее подарю? — неожиданно расщедрился Гаузен.

— А тебе не жалко? — растроганно переспросил Ленон.

— Добрый хозяин для своего слуги ничего не пожалеет, — ответственно заявил велит.

— Нет, на таких условиях я брать подарки отказываюсь! — воспротивился юноша.

— Ну, как хочешь, одну бы я тебе подарил, а вторую ты бы, может, нашел где-то. И было бы у тебя две перчатки, а так ни одной.

Тут Гаузен заметил, что костер начинает потихоньку гаснуть.

— Смотри, Ленон. Ночь предстоит длинная, а костер может скоро потухнуть. Сиди тут и не уходи далеко. Если чего-то испугаешься — кричи. Ладно, сейчас я схожу за хворостом, но когда вернусь — еще поговорим, — предупредил Гаузен и ушел в лес.

После ухода Гаузена Ленону приспичило отлучиться, и он решил отойти без спросу. Ведь дождись он Гаузена и отпросись, это еще больше подчеркнуло бы его несостоятельность в сложившейся обстановке. Возвратившись, Гаузен вновь застал Ленона спокойно сидящим на своем месте.

— Так вот, я насчет того, чтобы ты... — вернулся к разговору Гаузен, подумав, что если сказать «выполнял», то это будет звучать слишком обременительно, и перефразировал, — играл роль слуги.

«Так и не тяжело вовсе получается» — подумал Гаузен.

— Я согласен, — ответил Ленон, равнодушно уставившись на Гаузена. — А что надо делать?

— Ну, натаскай еще хвороста. Там недалеко, — неуверенно попросил Гаузен, не ожидавший столь быстрого согласия.

Ленон же поднялся и исчез в чаще. Но вскоре вернулся с пустыми руками.

— Ленон, я разве тебе не говорил сходить за ветками для костра? — повторил Гаузен.

— Нет, не говорил, — произнес Ленон как ни в чем не бывало.

«Ну вот, иноземцы» — раздраженно подумал Гаузен. — «Только договоришься с ними, и они тут же расторгнут соглашение в одностороннем порядке».

— Ты же сам вызвался! — возмущенно напомнил Гаузен.

— Не припоминаю такого, — немного поразмыслив, удивился Ленон.

«Ненавижу, когда надо мной издеваются» — подумал Гаузен, вспомнив свою работу на Леканта. И наполовину осознанно, наполовину рефлекторно схватил одну из притащенных палок и закричал:

— Я тут надрылся, а ты из меня дурака делаешь?! А ну бегом в лес за хворостом!!!

Ленон, напуганный вспышкой Гаузена, незамедлительно юркнул в чащу.

Гаузену стало немного стыдно за эту сцену, но он быстро справился с этим чувством.

— Ничего, на людях придется часто изображать что-то подобное. А не то возникнут вопросы. И все-таки... Наконец-то слуга не я, а кто-то другой, — от этой мысли у Гаузена появилось чувство, будто он чего-то достиг в своей жизни. Но его приятные мысли прервал

Ленон, который притащил хворост и вывалил рядом с костром.

— Так быстро? — удивился Гаузен. — А ты молодец! Извини, что накричал.

— Ничего страшного, — безразлично произнес Ленон, будто ничего не произошло. — А куда мы направляемся?

Гаузен, подивившись забывчивости своего спутника, снова начал объяснять, что им надо добраться до ближайшего селения, где они и останутся.

— Тогда я схожу разведу дорогу, — предложил Ленон.

— Ладно, — удивился неожиданно открывшимся способностям и самостоятельности своего попутчика Гаузен. — Только не уходи далеко, не видно же ни зги.

Согласившись, Ленон ушел в чащу, но скоро вернулся. Снова с дровами.

— Ну, спасибо, — поблагодарил Гаузен, ошарашенный расторопностью Ленона. — Вообще-то и тех, что есть, пока хватает...

— Да? А кто кричал? Кто угрожал? Кто ругался? — снова обиделся Ленон.

— Ну, когда это было, — отмахнулся Гаузен. — А ты вроде хотел нам путь разведать?

— Да нет, не хотел, — озадаченно проговорил Ленон. Гаузен удивился очередному провалу в памяти напарника, но тут в его голову закралось нехорошее подозрение.

— Сиди здесь, — бросил Гаузен и ушел в чащу в том направлении, куда в последний раз отправлялся Ленон.

Не найдя ничего подозрительного, Гаузен вскорости вернулся, но то, что он увидел, встревожило его не на шутку. У костра стояли два Ленона и смотрели друг на друга. Один из них тыкал в двойника пальцем и, заикаясь от испуга, бормотал что-то невнятное. Или не от испуга, а на своем непонятном языке. Гаузен, долго не думая, дал одному из Ленонов в ухо.

— За что?! — громко обиделся Ленон.

— Ага, — удовлетворенно откликнулся Гаузен. До этого он успел бросить в огонь монетку, а теперь, взяв ее перчаткой, вклеил ее в лоб другого Ленона. Самозванец от боли зашипел и у него стало расползаться лицо. Не выдержав, двойник убежал куда-то в лес.

— Гаузен, почему ты меня ударил? — чуть не плача продолжал возмущаться Ленон.

— Ну, ты же спросил: «За что?» А если бы я ударил другого тебя, то он бы так не сказал, потому что знал бы, за что я его бью, — успокаивающе объяснил Гаузен.

— А если бы ты ударил его, и он спросил бы «За что?» — не отступал Ленон.

— Тогда я засветил бы тебе в лоб горячей монетой. И ты бы закричал, но не начал плавиться. Тебе какой из вариантов больше по душе?

Ленон хотел сказать, что ему оба не нравятся, но выбора после всех событий ему уже не оставалось.

— А монета серебряная? — уточнил Ленон.

— А то как же, — соврал Гаузен. — Кстати, ты мне ее должен.

— За что? — снова спросил Ленон, но в его тоне была уже не отчаянная обида, а недоумение.

— За спасение жизни, — пояснил Гаузен и обратил внимание, что Ленон начал судорожно что-то пересчитывать.

— А сколько это в рублях? — попытался прикинуть сумму задолженности Ленон.

— Да ладно, расслабься. Отдашь, когда сможешь. Я ж тебе не хаслинский ростовщик, — успокоил его спутник.

— Гаузен, а кто это был? — помянул незваного гостя юноша.

— Это, Ленон, шиворотень, — коротко объяснил Гаузен.

— Оборотень? — переспросил юноша.

— Я что, невнятно выразился? Ши-во-ро-тень. Он умеет буквально выворачиваться шиворот-навыворот и быстро принимать различные формы, — поделился подробностями Гаузен.

— А разве такое вообще возможно? — изумился Ленон.

Гаузен вздохнул и подумал, что его спутнику еще многому предстоит удивляться.

— А почему ты думаешь, что он был опасен? Может, ему было просто одиноко, и он хотел поболтать? — не отставал Ленон.

— Тем, кому одиноко, Ленон, заводят семью и детей, а не шляют ночами по лесу. Кстати, ты ведь недавно сказал, что согласен стать моим слугой? — вспомнил Гаузен.

— Я такого не говорил! — запротестовал Ленон. — Наверное, это был мой двойник!

— Почем я знаю, кто из вас кем был? Вы так часто менялись местами! И вообще — нельзя перекладывать свои обещания на других! — продолжил настаивать Гаузен.

— Но это же не мое обещание, — отнекивался, как мог, Ленон.

— Я думаю, что шиворотень недалеко убежал. Поищи в зарослях и пусть он подтвердит твою правоту. Заодно и монету вернешь, — ухмыльнувшись, предложил велит.

При этих словах Ленон понял, что спорить сейчас не только бесполезно, но еще и небезопасно, и замолчал. Имея достаточный запас дров, путешественники устроились на ночь. И хотя Гаузен убеждал Ленона, что шиворотень хоть и коварен, но по натуре труслив и вряд ли вернется, юноша заснул далеко не сразу. Впрочем, угроза съедения заживо была не единственной вещью, которая его беспокоила. Ему вспомнилось, что кусочек медной проволоки, брошенный в аквариум, может убить всех улиток, но он решил, что уже поздно тревожить своего спутника по этому поводу.

Наутро небо просветлело и спутники отправились в дальнейший путь. Вскоре они выбрались из леса и увидели впереди небольшой город. Ленон, разглядев старомодные постройки, снова засомневался в уместности собственного пребывания в здешнем мире:

— Куда я попал? В эпоху резонанса ... ренессанса?

— Турнепса что ль? — не понял Гаузен, которому подобные слова известны не были. — Не беспокойся, редисок всяких на тебя хватит. Но меня сейчас волнует больше, достаточно ли у нас денег на постоянный двор?

Уже в городе друзья, недолго побродив по пыльным улочкам, отыскивали подходящую им таверну. Усевшись поесть, Гаузен, вспомнив наклонности Ленона, заказал ему особое блюдо:

— Похлебку из корешков моему другу.

— А там точно нет мяса? — подозрительно уставился в миску Ленон. При этих словах Гаузен, не спрашивая разрешения, руками вытащил из миски кусочек, пожевал и сплюнул на пол:

— Даже не пахнет, — авторитетно заявил велит и уже занялся было своей тарелкой, но тут он услышал обрывки разговора неподалеку:

— Говорят, недавно разбился хаслинский корабль... Как там имя капитана? Вилрад? Ристан?

— Уцелевшие есть?

— Пара ящичков да бочонок. Он не успел зайти в порт. Наверное, попал в шторм посреди океана.

Гаузен вспомнил слова Ленона про то, что Лин в глубине.

— Моя любовь на дне, не вернется уж ко мне... — горестно прошептал он строчки песни, которую залихватски распевали матросы Настара.

«Этого не может быть!» — ужаснулся юноша. — «Наверное, это другой корабль. Да и у всех хаслинов имена похожие».

Очнувшись от тяжелых мыслей, юноша оглянулся на столик, с которого доносился разговор, но тот пустовал. Похоже, что пока юноша размышлял, обсуждавшие кораблекрушение посетители успели исчезнуть.

— Нам нужно двигаться дальше. Лин так хотела вернуть книгу своему ордену и помочь Салочке, — задумавшись, мрачно произнес Гаузен.

— Что-то не так? — насторожился Ленон, заметив тревогу друга.

— Да, есть небольшие проблемы, — подтвердил велит. — У нас кончаются деньги, а без них мы далеко не уйдем.

— Можно устроиться на работу, — неуверенно предложил Ленон, которому проблема нехватки материальных средств была знакома не понаслышке. — В конце месяца нам выдадут деньги.

— Ленон, не мели ерунды, мы ей не прокормимся! Героям работа не нужна! Да через месяц у ампулы может срок кончиться! Тем более нам и так трудностей хватает, — возмутился Гаузен.

Не в силах глядеть на кислое выражение лица Ленона, здорово раздосадованного

прямолинейной грубостью, он отвернулся и уперся головой в ладонь. От мрачных раздумий Гаузена потянуло на безрассудные поступки. Неожиданно ему пришла в голову совершенно беспроницаемая, по его мнению, мысль. Юноша резко обернулся, заставив Ленона вздрогнуть от неожиданности:

— Ленон! Я принял решение! Но требуется твое участие.

— Так скоро? — обрадовался Ленон. Он надеялся, что Гаузен оценит его умственные способности по достоинству.

— Чем быстрее, тем лучше! Ты должен открыть книгу... — начал было велит.

— Постой-ка! Разве ты не говорил, что это может быть опасно? — напомнил юноша.

— Опасно будет перемещаться между мирами, а тут надо просто разузнать. Посмотри, есть ли где поблизости клады или сокровища, — попросил Гаузен.

— Но ведь сокровища кому-то принадлежат! К тому же, это тоже может быть небезопасно! Ловушки, проклятия... — Ленон верил в сверхъестественные вещи еще в мире, где прожил всю свою жизнь. А на земле, где мифы реальны, он считал, что они опасней вдвойне.

— Тебе что, побираться захотелось? — резко оборвал Гаузен.

— Это конечно страшно неудобно и постыдно, но безопаснее... — засомневался Ленон, не зная, из чего выбрать.

— Какая там безопасность? Знавал я одного нищего. Он так настойчиво попрошайничал, что его выкинули в пруд, — рассказал страшную историю велит.

— Надеюсь, он выкарабкался, — посочувствовал Ленон.

— Да кто его знает! В том месте он точно больше не клянчил, — подвел черту Гаузен.

— Нету в мире милосердия, — сокрушенно вздохнул Ленон и предпринял еще одну попытку призвать Гаузена к здравомыслию. — Стоит ли так рисковать ради денег?

— Риск, Ленон, это когда нужно получить излишнее, а тут у нас сплошная суровая необходимость, — назидательным тоном произнес Гаузен, но тирада получилась довольно путанной. Осознав это, новоявленный кладоискатель решил подкрепить ее более внятными аргументами:

— Да ладно, дружище. Тут ведь не в чьей-то жадности дело, — продолжил уговаривать Гаузен. — Разживемся деньгами — купим лошадей и ускоримся!

— А разве на лошадях ездить не рискованно? — боязливо поинтересовался Ленон. В его памяти была еще жива лекция Христофора Михайловича.

— Было бы опасно — всех бы лошадей давно на колбасу перевели! — настаивал Гаузен. — Если боишься свалиться — купим тебе осла.

— Осел, наверное, будет упрячиться и лягаться? — взбрело вдруг в голову юноше.

— Ну вот, и я о том же! — обрадовано подтвердил Гаузен. — Лошадью куда удобнее! И вообще, если так трясешься за свою шкуру, то знай — я тебя в пекло или в омут головой бросать не собираюсь. За сокровищами могу пойти и один, но не надейся потом на равную дележку!

— Ты ведь сказал, что деньги пойдут на нужды путешествия? — напомнил Ленон.

— Ну, мало ли, сколько мы найдем? Могут и излишки остаться, — поправился Гаузен и продолжил упрашивать. — Давай, дружище! Тебе, наверное, самому интересно, что здесь может быть запрятано?

Последней фразой он наступил на больное место Ленона — его любознательность.

— Ну, хорошо, — в конце концов согласился Ленон и раскрыл книгу. — Каково

название этого городка?

— Кевин, — сообщил велит.

Ленон углубился в Книгу Знаний с головой. Он все еще мало понимал, как эта штука работает, но все же некоторые результаты она приносила. Перед Ленином замелькали различные места и предметы, которых он ранее не видел, но, тем не менее, у него постепенно складывалось о них кое-какое представление. Отмечая нужные места, Ленон сходу перечислял их, причем он не мог толком понять, читает ли он слова или они просто приходят ему в голову. Первое предложение — закопанный клад в лесу на расстоянии пары дней пути — Гаузен отмел, когда узнал, что копать придется на глубину десяти человеческих ростов. Над другим вариантом — сокровищем на дне озера, Гаузен призадумался подольше, но не мог решить, сможет ли веревка с крюком нащупать и вытащить столь необходимые ему драгоценности. Тем более придется покупать лодку или строить плот, на что не было ни денег, ни времени. Ленон уже отчаялся выудить хоть сколько-то полезную информацию, но тут его взгляд наткнулся на предложение, ранее ускользнувшее от его глаз:

— Гаузен... Здесь еще есть одно место... Это гора...

— Ты что, предлагаешь мне раскроить скалу по кусочку, чтобы вытащить золотой самородок? — нетерпеливо перебил Гаузен, который уже почти разочаровался в собственной затее.

— Нет... Сокровище наверху... На высоте около сорока человеческих ростов, причем местами можно просто идти вверх по тропам, а не карабкаться. Это на Облачной горе.

Гаузен уже слышал это название, но пока не мог вспомнить о нем ничего путного.

— А еще есть какие-то препятствия? — предчувствуя недоброе, спросил он.

— Можно натолкнуться... на камедведя, — отыскал ответ Ленон.

— Камедведь... — медленно повторил Гаузен. В этом странном слове ему почудилось что-то знакомое. Он вспомнил старинную легенду, которую слышал еще в монастыре от престарелого факельщика, чья обязанность была следить за освещением и при этом не спалить весь монастырь. Будто бы огромный зверь живет на горе и охраняет еще большую гору сокровищ. Гаузен всегда безуспешно пытался разузнать, как это на горе может поместиться еще большая гора сокровищ, да еще и не осыпаться вниз. Этот вопрос ставил в тупик старого факельщика, он долго чесал макушку, потом забывал, о чем думал и начинал говорить совсем о другом или даже засыпал.

— Может, это обычный медведь? — размышлял Гаузен, — Вот только от него глохнут что ли?

Детали в легенде старика так часто менялись, что юноша толком не помнил, что там вообще было на самом деле.

— Что это за зверь такой? — уточнил Гаузен, вспомнив, как Демиан хитростью одолел медведя.

— Он огромен... и от его рычания люди превращаются в камень, — только и смог, что разузнать Ленон. Всматриваться в такое чудовище было занятием не для слабых духом.

— Ну, спасибо! Ну, насоветовал! Я, конечно, может быть и не против, чтобы когда-нибудь в будущем за мои подвиги и прочие благородные свершения получить себе изваяние в камне, но не таким вот насильственным способом! Да и сам подумай, кто там на горе увидит мою фигуру?

— Ну, так это же не я, это книга, — оправдывался Ленон, втайне радуясь тому, что

Гаузен, похоже, решился отказаться от опасной вылазки. — Можно, наверное, и без денег как-нибудь протянуть... — прибавил он и осекся, подумав, что лучше бы он вместо этих слов поискал в книге другие способы заработка. Упоминание плачевного финансового состояния на фоне важной и нелегкой миссии подтолкнули мысли Гаузена пойти на попятную.

— Пстой-ка, Ленон, — воодушевленно ткнул Гаузен пальцем в своего напарника. — Но ведь помимо этой неприятности, камедведь — это же обыкновенный лесной зверь!

Ленон пожал плечами. Он не так сильно разбирался в Книге Знаний, чтобы с абсолютной точностью подтвердить догадку Гаузена. Тем более даже со страниц этот монстр пугал не на шутку, и находиться вблизи него, пусть и не на самом деле, юноше было совсем не по душе.

— Ленон, лучше поищи, как нам решить проблему с камедведем.

Услышав вопрос Гаузена, Ленон вздохнул с облегчением, потому что это спасало его от дальнейшего знакомства с горным чудовищем.

— Жил был один мальчик, который очень не любил мыться, — начал чтение Ленон.

— Он что, был хаслином? — переспросил Гаузен.

— Подожди, это еще не все... Он обратился к одному мудрецу, чтобы тот помог решить его проблему неприязни гигиены. Тот послал его в пещеру...

— Вообще, при чем тут это? — нетерпеливо перебил Гаузен.

— В пещере оказался камедведь, и мальчику никогда больше не пришлось мыться. Так он с камедведем решил свою проблему, — ужаснулся прочитанному Ленон.

— Это же совсем не то! Ищи внимательней! Есть ли какой-то способ противостоять его окаменяющей привычке? Да я уже и сам кое-что припомнил. Я слышал легенду об одном воине, который не только остановил нашествие камедведей, но и выстроил себе целый замок из их омертвевших тел. Но он был таким глубоким иностранцем, что ничего по-нашему не понимал и изъяснялся знаками.

Ленон всеми силами старался увильнуть от этой затеи, так как ему не хотелось подвергать риску их жизни, но по взгляду Гаузен понял, что его спутник что-то нашел.

— Ну, так можно спастись или нет? — надавил Гаузен.

— Можно, — вынужден был согласиться Ленон. — Но ведь это еще не значит...

— То есть существует надежный способ? — перебил Гаузен.

— Есть, — произнес Ленон и углубился в книгу. — Окаменение вызывает его рычание. И еще, тот воин не был иностранцем... Он был глухонемым.

— Глухонемым, значит? Какая досада! — слегка опечалился Гаузен и предложил собственный вариант давнишних событий. — А ведь в противном случае он мог бы перед битвой сказать что-то воодушевляющее, например: Если потом вы найдете кучу трупов, и меня среди них не будет, значит, я победил. Так история была бы куда более эпичной! То есть глухой может уйти живым? — вернулся к насущным проблемам юноша. — Есть ли способ, чтобы перестать слышать, естественно, не калеча себя?

— А если пальцами заткнуть посильней? — предложил Ленон.

— Мне ведь уши просто так не заткнешь — у меня слух просто замечательный, — не согласился Гаузен. Он вспомнил, как принц Лекант в своем присутствии заставлял его иногда затыкать уши, но юноша все равно мог расслышать его болтовню.

— Да и вообще, ты представляешь меня? Пальцы в ушах и верчусь вокруг медведя, пытаюсь до смерти запинать... Или укусить! На кого я тогда буду похож?

— Ты будешь похож на чебурашку, — пожал плечами Ленон, не догадавшись, что

некоторые вопросы ответа не требуют.

— Ага, а если он сверху зарычит, как я тогда залезу? С заткнутыми-то ушами? Я так чебурахнусь, так чебурахнусь! Ушей не соберешь!

Ленон, понимая, что Гаузен настроен серьезно, и ему не уйти от ответа, продолжил свои поиски в книге и, наконец, выдал решение:

— Надо смешать немного смолы сосны и пуха одуванчика с соком гриба-силовика, а затем заткнуть этим оба уха. Если проделать это как следует, то камедведь не сможет тебя окаменить... то есть превратить в камень. А через некоторое время затычка затвердеет, и ты сможешь ее вытащить, не напрягаясь.

— Ну, этого добра в лесу навалом, — обрадовался Гаузен. — Можно достать на пути к горе. Смолы в лесу тоже полно. Надеюсь, что древни среди сосен не попадают.

— Насколько древни? — не понял Ленон.

— Совсем древни! Вон как... — Гаузен оглянулся вокруг в поисках чего-нибудь деревянного, остановил взгляд на столе и утвердительно постучал по нему. — Только живые. Этих лесных великанов порой не отличишь от дерева, пока они не схватят тебя за шкуру и не засунут к себе в дупло. Вот уж не думаю, чтобы такая громадина с радостью поделилась своей смолой.

— Нет, сосновых древней не существует, — ответил Ленон, который уже успел вывести это из книги.

— Отлично, тогда мне не придется делать подношения богу природы. Кстати, — неожиданно сверкнула догадка в голове у Гаузена. — А ты не можешь узнать, получится ли у меня забрать сокровища и вернуться?

Ленон попытался углубиться в книгу, но вскоре отрицательно замотал головой:

— Нет, книга дает ответы на то, что может случиться, но я не могу узнать будущего. Иначе, я задал бы вопрос, когда же я наконец вернусь к себе домой, — прибавил про себя Ленон.

— Хорошо, тогда давай так, — перефразировал Гаузен. — Мне под силам такое проверить?

— Книга говорит, что вполне возможно, — не совсем уверенно согласился Ленон.

Гаузен, конечно, ожидал более обнадеживающего ответа, но вскоре широкая улыбка вновь вернулась к нему на лицо:

— Возможно? Ты понимаешь, Ленон? Значит, я МОГУ! А если я могу, выходит, у меня все получится! Ведь если бы я спросил самый быстрый и безопасный путь вниз с горы, то книга вряд ли предложила мне прыгнуть с разбегу. Потому что у меня после такого едва ли получилось бы выжить! Жалко, конечно, что ты со мной не пойдешь — было бы кому нести мешки с драгоценностями. Но ничего, и того, что найдется, нам хватит на ближайшее время, а остальное я, в случае чего, перепрячу. Или оставлю там же. Вряд ли кто-то, кроме нас, отважится в ближайшее время забраться на Облачную гору.

— Постой! — вновь испугался Ленон. — Но ведь тебе предстоит сразиться с чудовищем!

— И не таких уламывали! Да и на охоту я тоже отправлялся, и не раз. Мишка уже, наверное, старый, а я его саблей раз — и все, — махнул рукой Гаузен. — Тем более она у меня... пластмасская!

— Дамасская, — поправил Ленон, лишний раз взглянув на подарок семейства Кунашвили. — У меня была в детстве сабля из пластмассы, но я выменял ее на машинку.

— Ну что же ты так, — насмешливо изобразил обиду Гаузен. — Если бы ты ее сберег — вместе бы пошли. Да и, в конце концов, никто не заставляет тебя идти со мной. А мало ли ты заблудишься — как я тебя звать стану? Более того, если у нас обоих будут заткнуты уши, то как мы будем общаться? Ты умеешь читать по губам? Вот что я сейчас «скажу»? — тут Гаузен беззвучно произнес какое-то слово. — Нет, не подглядывай в книгу! Видишь?

— Подожди-ка! — воскликнул Ленон, порывшись в своих знаниях об анатомии, в которых, впрочем, был уверен не на все сто, но все же достаточно, чтобы не проверять их по книге. — Тебе нельзя будет открывать рот! Иначе звук попадет в среднее ухо!

— Чего это ты городишь? У меня только два уха — левое и правое, — возмутился Гаузен тем, что ему приписали лишние органы.

— Не только! — настаивал Ленон. — В черепе еще есть внутреннее ухо.

— Ну конечно! Без него я бы, наверное, не расслышал собственных мыслей.

— Ну, можно сказать и так, — не распознал сарказма Ленон. — Но рот все равно лучше держать на замке.

— Как скажешь, — подумав, согласился Гаузен. — Все равно я не имею привычки карабкаясь по скалам насвистывать песенки. Уши я заткну задолго до горы, от греха подальше. А тебе придется отсидеться в таверне. К тому же, несмотря на то, что парень ты... — Гаузен внимательно осмотрел Ленона с ног до головы, подбирая подходящее слово. — Парень, в целом, неглупый, но не местный. Нужно прожить в Велитии многие годы, чтобы не заплутать в здешних местах. Но так как дельце у нас не самое легкое, без поддержки мне точно не обойтись. Обращусь-ка я за помощью к Тардишу.

— А кто этот Тардиш? — удивился незнакомому имени Ленон.

— Вроде умную книжку читал, а самого простого не знаешь, — пожурил Гаузен. — Тардиш — это бог гор.

— Гор? — не понял Ленон. — Но Гор — это ведь египетский бог с птичьей головой.

— Какой Египет? Почему с птичьей? — раздраженно воскликнул Гаузен. — Это не у Тардиша птичья голова, а кое у кого птичьи мозги! Он ведь бог, а значит, может выбрать любую голову, какая ему заблагорассудится.

— Тогда у него, наверное, каменная голова, — выдвинул другую версию Ленон.

— Это у тебя голова деревянная! — нетерпеливо огрызнулся Гаузен. — Ленон, если ты сейчас не заткнешься, клянусь Тардишем, моя молитва не обойдется без жертвоприношения, — и Гаузен, за неимением камня, положил обе руки на глиняную миску, и, как требовала традиция, начал свое обращение:

— Тардиш, прости этого глупца, а если не простишь, то гневайся только на него. Я его вообще практически второй раз в жизни вижу.

— Но Гор в Древнем Египте — это действительно бог знаний, — продолжил оправдываться Ленон, обиженный тем, что Гаузен кому-то наговаривает на него.

— Да у вас умников одни знания на уме! — раздраженно перебил Гаузен. — Знал я одну служительницу... — снова вспомнил юноша Лин, и его непробиваемое недовольство сменилось незаживающей грустью. — Она была такая же... Такая... Милая... — печально протянул юноша.

— Хочешь сказать, что я тоже милый? — смутился Ленон.

— Нет, я хочу сказать, что у таких, как вы, в голове творится не разбери что! — перебил Гаузен. — Вот Тардиш тоже довольно непонятный бог. Поди догадайся, как к нему правильно обращаться. Все свои секреты он хранит как за каменной стеной!

— А покровительство Гардиша... оно поможет? — попробовал разузнать Ленон. Хотя местные боги были для него абсолютно чужими, он сильно волновался за своего напарника.

— Ну, должна же от богов быть какая-то польза! — не зная точно, настаивал Гаузен. Он подумал о том, что за свою жизнь встретил, пожалуй, только одного абсолютно бесполезного человека. И это был его хозяин Лекант.

Посмотрев на Гаузена и подумав о том, что ему предстоит, Ленон решил, что еще одна молитва если и не поможет, то точно не помешает.

— И избавь нас от лукавого... — уже заканчивал Ленон, но Гаузен снова перебил его:

— Лукавый это кто? Луковый суп? Уж воистину, избавь меня от лукового супа, который я ел в монастыре Катапака. Он был настолько ужасен, что я всегда запасал сухариков, чтобы при случае покрошить их. Без них он был не более съедобен, чем глина, из которой сделана эта миска.

— Да как ты можешь так говорить! — возмутился Ленон. — Лукавый это... — не мог найти подходящее объяснение юноша. — Это как бог, только наоборот.

— Да они все наоборот друг к другу, — заверил собеседника Гаузен. — Бог огня и бог воды. Бог камня и воздуха... Ну, ты понял, не маленький. Буду я еще тебе проповеди об устройстве мира читать!

— Я всегда считал, что бог может быть только в единственном числе, — смущенно заметил Ленон.

— Как это один? — переспросил Гаузен. — В мире творится столько дел, что одному просто не справиться! Да даже принц Лекант не всеми делами в одиночку занимается. У него есть куча советников, помощников и... слуг, — едва заметно споткнулся Гаузен, вспомнив, что еще недавно он был одним из них. — У него бы голова лопнула все сразу делать. Впрочем, случись такое, я не стал бы сильно плакать по нему. И вообще, как ты его себе представляешь?

— Принца Леканта? — уточнил Ленон.

— Да нет! Твое единственное божество! — раздраженно опроверг Гаузен. Он вообще не любил упоминаний о принце лишней раз, хотя сам вспоминал о нем постоянно.

— Ну, — замаялся Ленон. — Такой высокий дедушка с седой длинной бородой в белых одеждах. И он следит за всем, что происходит в нашем мире...

— Встречал я одного, кто попадает под твоё описание. Тоже бородатый старец, в длинных одеждах, невесомый, можно сказать, бессмертный...

При этих словах Ленон широко раскрыл рот и в изумлении уставился на Гаузена. Видя, что его спутник не шутит, юноша вообразил себе, что Гаузен действительно встречался со всевышним. А, может быть, он был послан им на землю с целью спасения больной девушки? Получается, что сам Ленон теперь... Апостол?

— Вот только он был ни разу не бог! Ни в одном месте! Ни на капельку! И повелевал он только библиотечной пылью! Это был призрак, Ленон. Понимаешь? Не пряники-коврижки, не цветочки-лепесточки, а долбаное привидение! И вообще, если твой бог — благообразный старец с длинной седой бородой, то неудивительно, что ваш мир в таком состоянии. Просто дедушка, как это у вас говорится, вышел на пенсию и давно уже отошел от дел... — не преминул поиздеваться над чужой религией велит.

— Да как ты смеешь говорить такое? — обиделся Ленон, который не любил, когда его лишали надежды.

— Дедушка старый — ему все равно, — продолжал глумиться Гаузен. — И вообще, что

он сделал для тебя хорошего, чтобы ты за него заступался?

— Ну... он познакомил меня с Руфи... — вспомнил Ленон, хотя и не был уверен, чья это заслуга.

— И как ты теперь чувствуешь, когда лишился ее? — поддел друга Гаузен, но тут же осекся и погрузился. Ему тоже очень не хватало Лин.

— Что поделаешь... Путь к счастью не бывает коротким, — неуверенно протянул Ленон и замолчал. Было видно, что он совсем расстроился.

— Вот я и говорю, Ленон, — решил разогнать грустные мысли Гаузен. — Невозможно уследить за всем сразу в одиночку. Должно быть, как это у вас называется, разделение обязанностей. Вот бог Велитии Катапак отвечает за воду, Шальварк — за огонь, Фиут — за воздух, а про Тардиша — сам знаешь. Есть и еще боги, всех не упомнишь. Можешь сам потом глянуть в Книге Знаний, кто чем занимается. И каждый из последователей считает, что именно их божество создало человека. Служители Катапака приписывают ему эту сомнительную честь, потому что в человеке текут реки крови, которые струятся как вода. В Королевстве Красных Скал уверены, что Тардиш сотворил всех нас, потому что основа человека — это скелет, который есть твердыня, на которой зиждется все остальное. Служители Фиута считают, что их бог не только создал, но и вдохнул в человека жизнь. Ну, ты понял суть. Что я, всех перечислять обязан?

— Я слышал, что человек произошел от обезьяны, — поделился своими научными познаниями Ленон.

— Интересная догадка, но я не уверен, что у обезьян есть свой бог, который возблагодарит тебя за приверженность этой идее, — съязвил Гаузен.

— Еще говорят, что от свиней, — не сдавался Ленон.

— Учитывая натуру большинства людей — это уже больше похоже на правду, — не стал спорить Гаузен.

— Ну, нельзя же видеть во всем только плохое. Можно и прощать иногда, — заступился за человечество Ленон.

— Если бы боги не хотели, чтобы люди помнили зло, они бы просто не наделили их памятью, — пожал плечами Гаузен, которому стали надоедать все эти теологические прения. Они начинали понемногу снижать его боевой настрой, так что Гаузен решил отправиться в путь немедленно. Как следует разузнав у Ленона при помощи Книги Знаний, как добраться до Облачной горы, юноша решил, что настала пора прощаться.

— Хватит уже болтать — пришло мне время отправляться в путь, Ленон, — заявил Гаузен, порылся в кошельке и сунул ему несколько медяков. — Ни в чем себе не отказывай! — пошутил он.

Также он решил оставить спутнику сумку с вещами, включая книгу и ампулу. Ему совсем не хотелось, забираясь на скалы, разбить последнюю надежду Салочки. Тут он вспомнил про рожок.

— Если будет скучно — можешь подудеть, — доверил он подарок Лин своему напарнику. — Только не выходи за пределы гостиницы, пока я не вернусь.

— А когда ты вернешься? — с надеждой поинтересовался Ленон.

— Постараюсь к вечеру, — пообещал напоследок Гаузен.

— А если ты не вернешься к вечеру? — переспросил Ленон, беспокоившийся за судьбу своего друга.

— Если я не вернусь к вечеру... То подожди еще немного, — не растерялся Гаузен.

Ленон, оставшись один, поначалу решил последовать совету Гаузена и не покидать пределы комнаты, разглядывая Книгу Знаний и размышляя о том, что творится вокруг. Но потом ему захотелось пить, и юноша, сунув книгу в сумку, спустился вниз.

— У вас есть чего-нибудь попить? — спросил Ленон, нашаривая те три монетки, что оставил ему Гаузен.

— Сладкое вино и кислое молоко, — выдал короткий список напитков трактирщик.

— А нельзя ли наоборот? Кислое вино и сладкое молоко, — взмолился Ленон. Ему не хотелось испытывать свой желудок на прочность.

— Нет. Но можно смешать, — равнодушно предложил хозяин.

Представив себе полученный коктейль, Ленон брезгливо скривился.

— Даже и не знаю... Я слышал, что после трех лет пить молоко вообще вредно для организма, — засомневался Ленон в отсутствие нормальных продуктов.

— Оно и недели не простояло, — возразил трактирщик, но Ленона это никак не переубедило.

— А простой водички нету? — жалобно попросил мучимый жаждой юноша.

— Я же сказал — есть только вино и молоко, — огрызнулся трактирщик и презрительно посмотрел на Ленона. Брюки и некогда белая рубашка юноши из-за отсутствия опыта прогулок по лесу стали настолько грязными, что, по крайней мере, внешне он не походил на прищельца. Видимо, Ленон казался ему одним из тех крохоборов, которым хочется напиться забесплатно, и трактирщик торопился избавиться от него как можно скорее.

— А нельзя ли узнать, где я смогу попить воды? — сделал еще одну попытку юноша.

Трактирщик, не желая больше тратить свое время, ткнул пальцем по направлению к выходу и отвернулся от Ленона. Тот уж было засобирался обратно в комнату, но подумал, что свершится большая несправедливость, если он не получит в этом городе воды хотя бы на стаканчик.

Ленон, несмотря на просьбу Гаузена, отважился покинуть гостиницу, тщательно запоминая окрестности, чтобы без проблем вернуться обратно.

— Вода должна быть где-то неподалеку. Все-таки, предмет первой необходимости. Если потеряюсь — то просто спрошу у людей, как пройти к гостинице. Как там ее название? «Стальной желудь». Хотя так уместнее назвать скорее кузницу, — размышлял Ленон, уходя все дальше и дальше. Через некоторое время Ленон увидел торговые ряды, но, к сожалению, нигде не было видно ни воды, ни прохладительных напитков.

— Неужели мне придется пить из лужи? — отчаялся Ленон. К счастью, ему на глаза попался лоток с фруктами. Взгляд юноши привлекли гранаты, настолько сочные, что они буквально взрывались от спелости.

— Мне, пожалуйста, один гранат, — слюнявая слюну, попросил Ленон и потянулся к лакомству.

— Два медяка, — протянув ладонь, остановил порыв Ленона угрюмый торговец. Судя по выражению, он сомневался, что у Ленона в карманах наскребется хоть что-то кроме звенящей пустоты.

— А за одну можно? — с надеждой спросил Ленон, которому не хотелось тратить все

деньги, выданные ему Гаузенном.

Хозяин прилавка, лишь бы только избавиться от покупателя, стоящего на той грани, что отделяет платежеспособность от нищеты, в раздражении выхватил из вороха фруктов самый маленький и протянул его Ленону.

Расплатившись, юноша отошел от прилавка подальше. Спешно пытаясь содрать кожуру, а затем добраться до сладкой мякоти, он не только забрызгал себе соком все лицо, но и не заметил, как несколько багровых капель упало на балахон проходящего мимо служителя какого-то культа.

— Что ты натворил, мерзавец! — закричал храмовник. — Ты мне своей гнилью весь халат заляпал!

И он со злости ударил посохом по рукам Ленона так сильно, что выпавший фрукт немедленно расплющился о камни, смешавшись с пылью и грязью.

— Я мог бы помочь вам почиститься, — ужаснулся последствиям своей невнимательности Ленон и протянул храмовнику носовой платок.

— Он чистый. Вы можете протереть им пятна, — настаивал Ленон, видя, с каким отвращением смотрит на него прохожий.

— Вот еще, голодранец! — высокомерно возразил храмовник. Он слегка взмахнул рукой, и пятна на одежде испарились, будто лужи во время засухи.

— Вы волшебник? — оправившись от потрясения, удивился Ленон.

— Я не какой-нибудь там волшебник, а жрец повелителя огня Шальварка, да пылает в вечности его имя, — гордо ответил служитель. — Он самый главный бог, ведь он создал человека, пустив в его жилах кровь. А кровь, как известно, красная и горячая, как пламя. И он подарил своему творению огонь — ту силу, что дает обжигать кирпичи для жилья, поджаривать пищу и ковать оружие. Если бы не это, то люди мало бы чем отличались от зверей и чудовищ!

Решив, что инцидент исчерпан, юноша выдвинул собственные претензии.

— Если у вас никакого ущерба не наблюдается, то возместите мне мой гранат. Он стоил мне монетку, — набравшись храбрости, запросил Ленон. Он понадеялся, что торговец фруктами будет ему свидетелем, но тот смотрел в другую сторону, предпочитая не вмешиваться.

— Да чтоб ты сгнил в чертогах загробного мира! — возмутился от подобной наглости жрец огня.

— Может, сгорел? — не удержался, чтобы не поправить, юноша.

— От воды — только гниение и разложение, которое постигает нечестивцев после смерти, а вот огонь — это благословение небес. И магия огня способна творить самые невероятные чудеса, которые только существуют в природе! — возражал храмовник, снова начиная закипать.

— Тогда наколдуйте мне хотя бы флягу воды, — не отступал Ленон, на полном серьезе считая, что справедливость на его стороне.

— Я тебе сейчас такого наколдую! — зарычал жрец огня и, что-то пробормотав, запустил под ноги Ленону алую сферу, которая, столкнувшись с землей, шумно разорвалась и окатила юношу ворохом искр. От страха Ленон побежал со всех ног, толком не понимая, есть ли за ним погоня или нет. Тут Ленон увидел огромное здание, на гербе которого была изображена капля синего цвета.

«Значит, горячей воды нет» — подумал юноша и стремительно скрылся в дверях,

оказавшихся незапертыми. Зайдя внутрь, он угодил в какое-то помещение и захотел внимательно осмотреться, но его остановил тихий спокойный голос:

— Приветствую тебя, сын мой.

— Вы ошиблись, — смущенно поправил юноша. — Мой папа вообще в церкви не появлялся.

— Приветствую тебя в храме Катапака, странник, — повторил голос, и из темноты навстречу Ленону вышел пожилой служитель в синем балахоне.

— А откуда вам знать, что я неместный? — поразился этой догадке Ленон.

— У чужаков часто бывают неприятности в нашем городе, — пояснил священник, и Ленон вспомнил о своем плачевном виде. — Что это у тебя на лице? Кровь?

— Я действительно недавно попал в переделку, — согласился юноша.

— По крайней мере, твои раны больше не кровоточат, — взгляделся храмовник в лицо юноши, покрытое багровыми пятнами гранатового сока.

— У меня скоро не только кровь, но и горло совсем пересохнет, — пожаловался юноша.

— Если бы не Катапак, не только все бы земли высохли от рек и озер, но и небеса не проронили бы ни единой капли! — громогласно заявил священник.

Юноша не знал, что возразить на это, и служитель принял его молчание как знак абсолютного невежества.

— Ты что, не знаком с учением воды? Да без него люди бы перемерли от голода! Вода для человека — это все!

— Пойдите! — не согласился Ленон. Он точно помнил, что вода — это еще не весь человек. Не выдержав, юноша достал Книгу Знаний и сверился с ней. — Человек состоит из воды только на две трети... в среднем.

— Что это за книга? Кто написал в ней такую ерунду? — всполошился храмовник и подошел к юноше поближе. Ленон спешно спрятал реликвию обратно в сумку, боясь, как бы ее не отобрали.

— Не обращайтесь внимания... — извиняющимся тоном пробормотал юноша. — Это так... Ничего особенного.

— Это не может быть правдой! — продолжил стоять на своем служитель бога воды. — Кто, как не Катапак дает всходам жизнь, обильно орошая их своим благословением? Дождь — это его слезы, а реки — его кровеносные сосуды. А без них не было бы и рыбы!

— Я рыбу не ем... От нее рыбой пахнет, — скривился Ленон.

— Неблагодарный! Ты отвергаешь дары Катапака! — вновь прогневался храмовник.

— Я не отвергаю... Вообще-то я не против пары глотков водички, — смущенно попросил Ленон, решив воспользоваться моментом.

— К сожалению, это невозможно, — покачал головой пожилой собеседник.

— Неужели в храме воды нет воды? — искренне удивился юноша.

— Если в храме нет воды... — сказал жрец Катапака и, не скрывая подозрения, пристально уставился на Ленона, отчего юноше стало не по себе. — То это и не храм, а какая-нибудь ерунда, вроде культа огня или воздуха.

При этих словах Ленон заметил в глубине зала источник, из которого тонкой струйкой стекала вода.

— Так вот же она, — ткнул пальцем юноша и повторил попытку. — Не возражаете, если я немного отхлебну?

— Да кто дал тебе право напиться из священного источника своими грязными

руками! — снова заспорил храмовник.

— Ну почему же грязные? — попытался заступиться за себя Ленон. Он начал осматривать обе своих ладони, но, не найдя, кроме гранатовых пятен, явных следов грязи, все же для надежности вытер их о штаны.

— О какой чистоте ты можешь говорить? Побойся Катапака хотя бы в его стенах! — не прекращал негодовать слугитель.

— Если мои руки недостаточно чистые, — догадался Ленон. — Я их помою тут же, в источнике, а потом наберу горсть и выпью.

— Никому просто так не позволено пить из источника Катапака! — возмутился последователь водного ордена.

— А, так вы об этом, — спохватился Ленон и решил, что словами «просто так» храмовник намекал на плату. Он порылся у себя в карманах и вытащил монетку. — Этого хватит?

Храмовник сгреб деньги, и его голос стал звучать куда более размеренно и уравновешенно:

— Благодарю тебя за подношение, странник. И хотя твоя дань довольно скромна, но Катапак возблагодарит тебя в будущем... — тут храмовник опомнился и вновь перегородил дорогу Ленону, который уже хотел пристроиться к источнику.

— Да что ты себе позволяешь, нечестивец?! Ты понимаешь, что вода — это кровь Катапака? Непосвященным чужакам запрещается пить из этого благословенного источника!

— Тогда верните деньги, — потребовал Ленон.

— Нет, подношение уже ушло на нужды Катапака, — возразил храмовник, который успел незаметно спрятать монету в складках своего одеяния.

— Это что же за бог такой?! — не выдержал Ленон. — Ни водички у него не допросишься, ни денег!

— Уж какой есть! — горячо возразил прислужник культа. — Но если ты признаешь его самым главным богом над собой и отринешь свою чужеземную веру, то он, так и быть, сжадется и даст испить тебе...

— Мне такого божества не надо! — решительно отказался от смены вероисповедания Ленон. — Я никогда не просил об этом! Верните мои деньги! — вцепился в одеяние прислужника Ленон, осознав, что его мольбы тщетны.

— На помощь! Грабят! — завопил храмовник.

— Эй! Да кого тут ограбили! — возмутился Ленон. Но тут он подумал, что если стража прибежит, то еще неизвестно, кому она поверит. А юноша убедился, что чужаков здесь совсем не жалуют. И Ленон, напоследок отпив из источника, выбежал из храма.

— Да что же это творится вокруг! — донеслось ему в спину. — Храм оскверняют и слугителя обворовывают! Бей нечестивца, кто Катапаку верен!

Тем временем, пока Ленон мучался жаждой, Гаузена волновали ценности по сути куда более материальные. Еще в городе на последние деньги он купил мешок, веревку и прочие необходимые скалолазу принадлежности.

Выбравшись в лес, юноша подметил, что стволы сосен были такими высокими, что на глаз сложно было определить, тянутся ли деревья из земли или из неба. Окруженный их недостижимыми кронами, он подкрепился взятыми в дорогу припасами и принялся за сбор спасительных ингредиентов. Сначала он набрал немного пуха и сунул в его мешок, где лежал уже найденный гриб-силовик. Потом он подошел к сосне, надрезал кору и набрал смолы, которую тут же смешал с пухом, смоченным грибным соком. После чего он слепил себе две затычки и засунул их в каждое из ушей. Руки он вымыл в найденном неподалеку ручье. Он нагнулся к источнику поближе и подметил, что не слышит шума, с которым вода пробивается наружу. Впрочем, остальных лесных звуков юноша тоже не улавливал. Для верности Гаузен поймал пчелу и прижал кулак к уху, пытаясь расслышать жужжание, пока она его не укусила, и он не раскрыл пальцы. Юноша вскрикнул от резкой боли, но своего крика в воздухе и, тем более, эха почти не заметил. Удовлетворившись этим, юноша отправился дальше.

В отсутствие слуха Гаузену стало сложнее ориентироваться в пространстве, потому он чаще обычного крутил головой. К счастью, он не заблудился и нашел Облачную гору там, где и рассчитывал. Медленно, но уверенно, с мешком и саблей за спиной, он начал карабкаться наверх.

— Хорошо слизняку, у него ни... Ух! — выдохнул Гаузен, цепляясь за очередной уступ. — Ни ух, ни ног, да и липкий до ужаса — ползти вверх легче.

Вспомнив что-то про внутреннее ухо, Гаузен решил лишний раз не раскрывать больше рта.

Наконец, добравшись до вершины, он оказался на просторном плато. На площадке были странные продолговатые валуны, в беспорядке разбросанные неподалеку друг от друга. Пройдя пару шагов, Гаузен почувствовал, как каменная площадка затряслась у него под ногами. Но это был не камнепад. Из-за гигантского валуна, который сам по себе мог сойти за скалу, неспешно переставляя лапы вышло огромное существо. С широкими боками и немного вытянутой мордой, высотой в человеческий рост от передних лап до макушки, чудовище лишь отдаленно походило на медведя. Все туловище, а также голова, нос и короткий хвост камедведя были усеяны мелкими серыми чешуйками, прочность которых еще предстояло испытать. Камедведь широко раскрыл пасть и Гаузен увидел, что чудовище зарычало. Спустя мгновение юноша с облегчением почувствовал, что он по-прежнему способен двигаться и выхватил из-за спины саблю. Камедведь будто бы удивился тому, что Гаузен остался невредим, хотя его хищная морда кроме свирепости мало чего выражала. Тут камедведь, как будто играя в мяч, подкатил лапой камень в сторону Гаузена, но скорость и размер снаряда не говорили ни о какой дружелюбности. Юноша, едва успев отпрыгнуть в сторону, понял, что время акробатики кончилось и пора отправить камедведя в вечную спячку, а не то косолапый переломит его как спичку.

Гаузен подбежал к зверю не слишком близко, чтобы в случае удара успеть отскочить, но

достаточно, чтобы дотянуться до него клинком. Юноша начал наносить удары по уродливой морде, метя в глаза. К несчастью, сабля, несмотря на хваленую сталь, не оставляла видимых повреждений. Камедведь сначала медленно попятился, по-видимому, ослепленный мерцанием клинка, но вскоре к нему вернулся былой напор, и он ударил Гаузена лапой. Юноша отшатнулся, и удар пришелся по лезвию. Сила удара была настолько велика, что клинок не выдержал и разломился, а рукоять вырвало из рук. Гаузен понял, что пути к отступлению нет. Если он попытается слезть с горы, то зверь догонит его и сцапает. Мельком он заметил небольшой вход в пещеру, куда хищнику было не пролезть, и отчаянно рванулся в сторону укрытия. Пока камедведь разворачивался, юноша успел нырнуть в пещеру, избежав когтей чудовища. Как он и надеялся, во вход пролезла только морда косолапой бестии. Раскрыв пасть, камедведь тщетно пытался схватить зубами юношу. Гаузен же успел скрыться в туннеле и, пробежав немного, вскоре оказался в скалистом расширении.

Оставшись один, юноша оглянулся. Вокруг было просторное помещение... и ничего больше! Никаких сокровищ, сундуков и гор золота.

— Быть может, это его берлога? — предположил Гаузен и тут же сердито оборвал и эту мысль. — Какая же это берлога, если сюда едва влазит его нос!

Гаузен увидел под ногами несколько монеток. Он нагнулся и собрал их в кулак, оглядываясь, не притаилась ли где еще кучка-другая. Но даже после недолгих поисков найденных монет все равно оказалось предательски мало.

— И это клад? И это сокровище? Да этих монет даже на самую заваливающую лошадь не хватит! Пстой-ка, — спохватился юноша и судорожно пересчитал свою добычу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Два золотых, семь серебряных и двенадцать медных. Нет! Все равно не хватит! — окончательно расстроился Гаузен.

Будучи зажатым между монстром и скалой, юноше пришло в голову, что, ко всему прочему, эти скудные монеты вскоре могут оказаться платой за его жизнь. В отсутствии человеческого общества он сделал несколько глотков из фляги. Спустя некоторое время Гаузен впал в отчаяние:

— Треклятые Кунашвили! Они ничем не лучше хаслинов! Всунули мне негодную железяку! — неистовствовал Гаузен, совсем позабыв про клятву, которую он давал, принимая подарок.

Он вообразил, что валяющиеся вокруг камни — это на самом деле те люди, с которыми он вынужден был общаться в последние дни.

— Да у них там все мерзавцы без исключения — одна истеричка, другой негодяй, третий идиот. Иные просто притворяются добряками до поры до времени, а другие, когда к стенке припрут, начинают корчить из себя невинных овечек! Подобрел всем назло! Ага, счас!

И юноша проклял тот миг, когда доверился Книге Знаний, припомнив недобрыми словами и того, кто вычитал ему повод отправиться сюда.

— Будь ты проклят, чужеземец! Чтоб тебе четырежды провалиться, Ленон! Ты втянул меня в это, и вот я здесь один, обреченный на растерзание или голодную смерть!

Гаузен настолько вышел из себя, что успел позабыть, что его неприятности начались гораздо раньше встречи с Ленином. А вдруг его спутник намеренно увязался за ним в Велитию, потому что ему наскучило в своем мире? Или, хуже того, Ленон переместился вместе с Гаузеном, чтобы только и делать, что мешать ему во всех делах? Кто знает? Может,

у костра они оба были шиворотнями! Надо было ему тоже в лоб монетой залепить! Что он там бормотал себе под нос? Избавить от лукавого? Лук? LUCK! Вспомнилось Гаузену незнакомое слово из еще более непонятного языка, чем тот, на котором он разговаривал в чужом мире. Ленон молился о том, чтобы избавить Гаузена от удачи!

— Захотел неудачника из меня сделать, приятель?! Да если бы ты был здесь, я бы тебе такого пинка залепил, что ты бы слетел с горы быстрее ветра! Это был твой замысел! Не зря ты так не хотел идти сюда! Да и то, что я могу справиться с камедведем — тоже сам придумал!

Отчасти из-за того, что Гаузен по-прежнему ничего не слышал, кроме собственных мыслей, его отчаяние стало переходить все пределы здравомыслия:

— Ну, ничего, ничего, Ленон, — обращался Гаузен к своему спутнику, будто бы тот наблюдал за ним через Книгу Знаний. — Ты меня сюда заманил, но один ты долго не протянешь. Пускай у тебя в руках книга — не видать тебе всемогущества! Такого слабака, как ты, либо звери съедят, либо люди зашибут! На те гроши, что я тебе дал, ты долго не проживешь. Кто знает, может быть, они фальшивые, и тебя укут гнить в тюрьму! А в тюрьме чужеземцам даже хуже, чем флейтистам и прочим менестрелям.

— А вдруг он выживет! — начал возвращаться рассудок к Гаузену. — Вдруг он эти медяки пустит в оборот и станет богатым, как тот удачливый проходимец Филимон Зеленых. А потом он наймет армию, которую пустит мне на подмогу. А я пока буду питаться залетными птицами.

Гаузен посмотрел на свод пещеры и увидел в нем отверстие, через которое приветливо пробивался солнечный свет. На этом дружелюбность реального мира для юноши закончилась, похоронив забрезжившую надежду под новым приступом отчаяния.

— Тардиш! Почему ты меня оставил! Я ведь всегда относился к тебе хорошо. Да я с детства ни единого камушка не обидел, даже не пинал по ходу лишний раз! Неужели ты меня караешь за то, что я потревожил руины монастыря ордена Охранителей Книг? Сжался над мной! Я как-то не подумал, что когда каменные здания превращаются в обломки, то они снова переходят в твое владение!

Но загадочный бог оставил без ответа мольбы юноши, и он вновь переключился на своего спутника:

— Вот же подлец, Тардиша прогневил! Смотрит в книгу, а что он там видит — непонятно. Может, он мне дурил голову с самого начала, и она только и делает, что перемещает в другой мир. Да точно же — он так хитро улыбался, отводил глаза. Проклятый лжец!!! Вот же я, ослиная шкура, сам не догадался! Он наврал мне про Лин! Про все наврал! Но капитан Настар еще больший мерзавец! Он ударил Лин, и она не смогла выбраться! Но кто его послал?! Принц Лекант! Если бы не все эти негодяи вместе взятые, меня бы здесь не было! Но... если бы я не встретил Лин, меня бы тоже здесь не было? — засомневался Гаузен, но отголоски отчаяния продолжали кричать в нем:

— И теперь никому нельзя помочь! Ни ей, ни мне, ни Салочке! А как я старался, как унижался из-за этой ампулы! И все напрасно! Да что я! Одна девушка пропала, теперь и другой пропадать! И все по вине... По чьей вине, Гаузен?

Обессилев, Гаузен уже хотел было вытащить и разбить о камни ныне бесполезное лекарство, но вспомнил, что его он тоже оставил на хранение своему верному спутнику. Вместо этого Гаузен пнул камень, позабыв о том, в чем еще недавно уверял Тардиша. Быть может, расшибленный большой палец ноги, а, может и то, что он ранее не замечал под этим

камнем, протрезвили его и успокоили. Юноша пригляделся. Но на земле блестел не тайный выход наружу, как он надеялся, а сабля.

— Бесполезная железяка! Получите истуканы каменные! — все еще не придя в себя до конца, решил сорвать злость на находке Гаузен. Он схватил оружие за рукоять и кинул его в огромный камень, который он уже нарек «Кловиадом». От удара валун расколело на две части. Гаузен насторожился. Он снова подобрал клинок и уже захотел проверить пальцем остроту клинка, но все же воздержался. Вместо этого он со всей дури шваркнул его о своды пещеры и чуть не выбил себе глаза полетевшими в лицо искрами и осколками камня. Утирая кровь с лица, юноша понял, что лезвие клинка не просто прочно — оно легендарно прочно!

Настроение Гаузена потихоньку начало меняться. Поразмыслив, он отменил план пробить себе путь наружу и спуститься со скалы. С другой стороны скала была слишком гладкой, и, даже втыкая он саблю для опоры, ему никак не получилось бы добраться до самого низа.

Тут юноша вспомнил свое отчаяние, когда попал в чужой мир и не мог выбраться оттуда. Но тогда в опасное путешествие его послала Лин, а не Ленон. Он вспомнил слова Ленона, что книга предлагает то, что исполнителю по силам сделать.

— Не просто можно сделать, — прошептал Гаузен. — То, что я могу сделать. То, что мне по силам. Чьи выходки доводили до белого каления даже самых заматеревших монахов? Кто ставил шишки даже самым прожженным учителям на уроках боевых искусств? Кто умел дурить голову самому принцу Леканту? Быть может, я не был самым умным, самым сильным или самым ловким, но кое-что у меня получалось. Еще недавно мне казалось, что мой удел — навсегда подчиняться чужим приказам, следовать за кем-то. Я отправился вслед за Лин, но в итоге сделал все сам! Я отыскал лекарство для Салочки, а если я смогу помочь ей, то почему бы и не себе? Нельзя во всем быть лучшим. Но в чем-то лучшим я точно был. Я был лучшим! — уверенно произнес Гаузен. — И я им остался!

Укрепившись в собственных мыслях, Гаузен снова достал флягу и слегка освежился.

— Пора подстричь камишке когти! — решил наконец юноша.

Гаузен, перехватив поудобней рукоять находки, помчался к выходу и с разбегу, но при этом, стараясь, чтобы клинок не застрял, всадил саблю прямо в нос псевдо-медведю. Зверь поднялся на дыбы и отшатнулся, так что Гаузен успел выскочить на каменное плато и захватить большее пространство для маневров. Кружась вокруг неповоротливого хищника, юноша будто в танце теснил камедведя, пока, в конце концов, тот не приблизился к самому краю пропасти. Гаузен собрал все силы и резким ударом в пол-оборота рассек чудовищу лоб. От боли камедведь поднялся на дыбы, и, не сумев удержать равновесие, рухнул вниз.

«Прямо камень с души свалился» — растерянно подумал Гаузен, наблюдая, как чудовище, ударяясь о скалу и теряя по дороге конечности, летело вниз. Посмотрев вслед еще немного и, позволив в награду еще один глоток из фляжки, юноша засобирился обратно в город.

Испугавшись ожесточенной погони, Ленон долго бежал по улицам, не разбирая пути, и остановился только тогда, когда понял, что вконец заплутал. Юноша, расстроенный местным недружелюбием, совсем пал духом. За свою жизнь ему, конечно, приходилось встречаться с подобным, но не так часто и не в столь угрожающей форме.

Вскоре он обнаружил, что заблудился, и не помнит, как вернуться к гостинице. К счастью, он все еще помнил ее название. Он попробовал поспрашивать у прохожих, но те предпочитали проходить мимо, игнорируя его. Наверное, вид у него после всего был и вправду непривлекательный.

— Стальной желудь? — услышал Ленон писклявый голос. — Я там работаю.

Ленон обернулся.

— Что-то не припоминаю, что бы я вас там видел... — пригляделся юноша к пренеприятного вида носатому коротышке в капюшоне.

— Просто я работаю в подвале. Я кладовщик. Слежу, чтобы крысы припасы не испортили, — блеснул на него встречный глазами цвета толченой голубики.

Ленону этот тип показался подозрительным, но он рассудил, что нельзя судить людей исключительно по наружности.

— Наверное, этот человек сам несчастен от своей внешности, — мысленно посочувствовал Ленон.

— Я дам вам монетку, если вы отведете меня в таверну, — пообещал юноша, которому нужно было, кровь из носу, успеть обратно раньше Гаузена.

— Не надо. Скоро моя смена и я как раз туда спешу. Но если вам захочется вознаградить меня, то яс радостью... с радостью получу награду, когда мы придем на место.

Подобная бескорыстность подкупила Ленона, и он отбросил мысль достать книгу и подсмотреть в ней обратный путь. Тем более он боялся раскрывать ее на улице. Ему казалось, что после конфликта со священнослужителем — каждый встречный на улице будет норовить отобрать ее. Да и уже начинало темнеть, а факелов пока не зажигали, так что рассмотреть что-то в книге могло оказаться делом весьма затруднительным.

Карлик шел быстро, и Ленон, изрядно подуставший от беготни за день, едва успевал за ним.

«Вот ведь как на работу торопится» — подумал Ленон, и на него нахлынули воспоминания о том, что еще недавно он так же торопился в редакцию. Хотя опаздывал он далеко не всегда. Погрузившись в прошлое, Ленон не заметил, как они уже пришли.

— Что-то не похоже на гостиницу... И на черный вход гостиницы тоже непохоже, — все больше и больше засомневался Ленон. Юноша оглянулся. Кругом был пустырь, полный огромных ворохов мусора и всякого барахла.

— Это не то место, куда я хотел прийти, — настороженно поведал своему провожатому юноша. Но тот, судя по виду, и не собирался извиняться.

— Сейчас ты отправишься в куда худшее место! — угрожающе завизжал недавний проводник Ленона, и со всех сторон на него посыпались одетые в похожее рваньё невысокие разбойники. От страха Ленон, сам не ожидая от себя такой прыти, вскарабкался на кучу барахла, высотой в несколько человеческих ростов. Залезая, он обвалил уступы, за которые можно было бы зацепиться, так что нападавшие просто бегали с угрожающими воплями

вокруг мусорной кучи, уповая на то, что в скором времени юноша сам свалится к ним в лапы.

— Вы не знаете, с кем связались! Прекратите немедленно, а не то я... Я напишу про вас плохую статью! — срывающимся тоном заявил бывший газетчик, но быстро понял тщетность подобных угроз.

— Люди добрые, помогите! — взмолился Ленон, и, поразмыслив, прибавил:

— Может, и не совсем добрые, но все равно спасите! — надрывался юноша, который был готов принять сейчас любую помощь.

— Даю монетку за мое спасение, — чуть не плача пообещал Ленон, но то ли поблизости не было желающих, то ли никто не хотел рисковать жизнью за столь скромное вознаграждение. От жажды и истошных воплей горло юноши начало постепенно хрипеть. Тут он вспомнил, что у него осталась одна вещь. Та, которая уже однажды выручила его с Гаузенем, позволив им проникнуть в НИИ.

В этот момент, Гаузен, наверное, был последним человеком, который мог услышать мольбы своего спутника о спасении. Он вообще почти ничего не мог расслышать и шел мимо пустыря по другой причине. Гаузен возвращался через него, так как еще до вылазки в трактире до него дошел слух, что ближе к вечеру на входе через главные ворота берут пошлину, чтобы в город под покровом ночи лишний раз не проникал всякий сброд. Юноша не знал, правда это или нет, но ему точно не хотелось платить совсем не лишние деньги за всякие пустяки. Проходя мимо помойки, Гаузен пожалел, что у него заткнуты уши, а не нос. На обратном пути он уже пытался вытащить затычки, но у него толком ничего не вышло, так что теперь он хоть и не был совсем глухим, но все равно мало чего разбирал.

Брезгливо поведя носом, Гаузен увидел, как на огромной куче вдалеке какой-то тип в грязной одежде размахивает руками. Вокруг него же бегала и подпрыгивала кучка еще больших оборванцев.

— Устроил представление, — предположил Гаузен в отсутствие слуха. — Но некогда мне на всяких шутов смотреть, — и уже хотел отойти подальше, но заметил, что человек перестал размахивать руками и поднес что-то ко рту.

— Проголодался, что ли? — подумал Гаузен и от этих мыслей стал еще больше торопиться обратно в таверну. Но на вершине мусорной кучи засверкали какие-то разноцветные всполохи. Гаузен подошел поближе и пригляделся повнимательней. Юноша понял, что фигурка наверху ему кого-то напоминает.

— Ленон! А он-то как там оказался?! — неприятно удивился юноша и решил подобраться еще ближе, но вскоре кровожадная свора отвлеклась от своей недавней жертвы и перекинулась на Гаузена. Он увернулся от первого нападающего и выхватил клинок. Срезав левому противнику ухо и раскроив плечо второму, он уже хотел рвануться к тому, что подальше, но увидел, что Ленон встал в полный рост и что-то кричит.

— Сзади! — ткнул сверху Ленон пальцем за спину своему спасителю. Слабослышащий воин на лету схватил этот жест и обернулся, но клинок его был быстрее и располосовал атакующего от морды до пуза. Но банда мерзких существ, несмотря на потери, все еще не оставляла попыток окружить Гаузена. Он отчаянно рубился и поглядывал на Ленона, который, подсвечивая фонарем, указывал пальцем, если ему с тылов угрожала опасность. При таком содействии глухота Гаузена почти перестала быть недостатком в бою. Вскоре юному велиту удалось одержать верх, и враги начали беспорядочно разбегаться.

— По-видимому, поверженные крупно задолжали уцелевшим, — устало пробормотал Гаузен, видя как ловко убегающие выносят павших товарищей.

— Или они тащат их к себе на обед... — добавил юноша, припомнив натуру тех, с кем он только что сражался, и переключился на своего спутника:

— Ленон, Катапак подери, тебя что, из гостиницы выкинули? Слезай отсюда!

— Я бы слез, но боюсь разбиться! — никак не решался юноша.

— Я же говорил тебе никуда не выходить! Сколько ты там просидел? — вновь закричал Гаузен, по-прежнему плохо слыша. Чтобы компенсировать этот недостаток, он пытался читать слова по губам.

— Я не считал, — закричал в ответ Ленон.

— Что не читал? — не разобрал Гаузен. — Ты почитать туда залез? Слезай, говорю. Ты что, захотел, чтобы я заночевал под этой кучей? А вдруг эти поганцы вернутся?! Если сейчас же не спустишься, я сам заберусь наверх и скину тебя вниз! — разозлился Гаузен, уже порядком утомившись за день.

Последние слова ободряюще подействовали на Ленона, и он начал осторожно спускаться, отчаянно цепляясь за все, что попадалось под руку.

— Давай, давай! — подбадривал Гаузен. — Я сегодня на такую скалу влез, что эта горка все равно, что плевок по сравнению с озером.

Ленон уже преодолел половину пути, но, позабыв, что Гаузен не слышит, повернул голову, чтобы ответить, и сорвался. Падая, Ленон повалил Гаузена на землю. Тут что-то громко хрустнуло. Сначала Ленон испугался, подумав, что это его или Гаузена кости, но потом он понял, что это был рожок, который ему доверил его напарник, и перепугался еще больше.

— Убить меня захотел?! Я же тебя спас только что! — возмутился придавленный Гаузен.

— Извини, я такой неловкий, — пробормотал Ленон, отряхивая одежду, которая тоже плохо пережила падение.

— Легкий? — снова не расслышал Гаузен. — Какой же ты легкий? Даром, что мяса не ешь, а весишь как теленок!

— Почему это я тяжелый? Да я весь день на голодный желудок, — оправдывался Ленон.

— Сам ты ублюдок! Я тебя спас, а ты меня поносишь как вшивого пса! — опять не разобрал Гаузени вышел из себя. Он встал в боевую стойку, выставив кулаки на уровне лица и начал ими размахивать.

— Да с кем ты разговариваешь? Я такого не говорил! — затравленно начал озираться Ленон. Тут он понял, что его спутник по-прежнему ничего не слышит. — Гаузен, у тебя в ушах преграды! — попытался напомнить юноша.

— Пощады? Ты просишь пощады? То-то же! — смягчился Гаузен, раскатав пальцы из кулаков обратно. — Вообще-то иногда вызволенные из беды целуют в знак благодарности своим спасителям ноги, но что я, изверг какой? Я вообще не люблю, чтобы мужчины у других мужчин чего-то там целовали, пусть даже и сапоги, — после этих слов Гаузен рефлексивно посмотрел под ноги и увидел, что на земле белеют какие-то осколки, которые он поначалу принял за кости поганца. Но Ленон успел припрятать их под своей ступней, в надежде потом собрать их и как-нибудь склеить вместе.

— Гаузен, ты, похоже, плохо слышишь! — попытался отвлечь своего спасителя Ленон и показал указательными пальцами на свои уши.

— Я вообще ни свистка не слышу. Даже и не знаю, кем хуже быть, глухим или глупцом? — сердито пожаловался Гаузен.

— Надо как-то вытащить эти затычки из ушей, — сочувственно посоветовал Ленон, не обратив внимания на намек, и сделал знак, будто выдергивает что-то из ушей. — Быть может, надо сходить ко врачу? — Ленон хотел изобразить последние слова жестом, но ничего не смог выдумать и просто потряс кулаком в воздухе.

— Ты чего это тут удумал? — возмущился предложением Гаузен, снова приняв слова за что-то неподобающее. — Сейчас совсем не время! В гостинице этим займешься, когда совсем стемнеет!

И Гаузен зашагал прочь со свалки. Ленон поплелся следом, радуясь, что его сегодняшние неприятности подошли к концу. Он заметил, что у его спутника новый клинок, и ему не терпелось обо всем разузнать, но в силу глухоты Гаузена это представлялось весьма затруднительным. Но все же он решил попросить друга об одном одолжении и постучал его по плечу. Гаузен обернулся.

— У тебя есть с собой попить? — сделал Ленон губы трубочкой и приложился кулаком ко рту.

— Да что с тобой стряслось сегодня? — не понял Гаузен, снова подумав не пойми что. — Это на тебя поганцы так повлияли? Ну и нелюди же они!

Но, приглядевшись к пересохшим губам напарника, он понял, в чем дело.

— А, водички захотелось... — протянул Гаузен флягу. Ленон же начал выкачивать содержимое сосуда так жадно, что, казалось, даже у удава, заглатывающего кролика, не получилось бы лучше.

— Эй-эй, мне-то оставь! — попытался охладить пыл спутника Гаузен, который сделал небольшой крюк на обратном пути, чтобы наполнить фляжку из ручья. — Ладно, — махнул рукой Гаузен. — В таверне за ужином напьюсь чем получше.

Уже в гостинице Ленону с Гаузенем пришлось изрядно повозиться — затычки, казалось, встали намертво и не поддавались. Наконец, заглянув в Книгу Знаний, Ленон нашел самый простой способ. Нужно было просто чихнуть, но в самый последний момент заткнуть рот и нос.

— Гаузен, а кто это был? — спросил про нападавших Ленон, воспользовавшись тем, что его спутник вернул себе слух.

— А это, Ленон... местная интеллигенция, — вспомнил мудреное слово Гаузен.

— В каком смысле? — испугался юноша и подумал, что если уж здесь такие интеллигенты, то что же говорить про совсем одичавших представителей.

— В смысле, их тоже все презирают, и они плохо друг с другом ладят, — пояснил Гаузен. Он вспомнил, что этим словом его бывший сокамерник Волжанин называл тех, кого постоянно ругал и винил во всех бедах. Видя, что Ленон все равно не понимает, Гаузен перешел на местную терминологию:

— Это поганцы, Ленон. По-ган-цы.

Ленон раньше, конечно и подозревал, что название не всегда соответствует тому, что предмет представляет собой в действительности, но в этом случае он убедился скорее в обратном.

— Это мутанты? — все же решил уточнить он.

— Я бы на твоём месте так резко не выражался, но своему названию они соответствуют, — ответил Гаузен. — Да ты сам же видел. Мелкий, подлый, с серовой

кожей... Одно слово — поганец! Зубы некрупные, но острые — у одних как иглы, у других — будто кинжалы. Да и когти у них тоже не попадись лишний раз!

Услышав столь полезную информацию о неизвестном ранее человечеству биологическом виде, Ленон достал блокнот и захотел записать услышанное.

— На твоём месте я бы сэкономил бумагу, — посоветовал Гаузен. — Она у нас на вес золота.

— Но ведь золото тяжелее бумаги! — ляпнул Ленон, не зная, что на это возразить.

— Ленон, ты не мог бы не умничать хотя бы пару мгновений! Тем более поганцы умных любят. От мыслей мозг вкуснее становится, — пояснил Гаузен и будто рупор приложил ладонь ко рту. — Эй, поганцы, возвращайтесь! У моего друга мозги вкусные, как бесплатный торт!

— Ты хотел сказать «бисквитный»? — несмотря на испуг, вновь не удержался и поправил Ленон.

— Да откуда тебе знать, что я хотел? Что ты вообще знаешь о поганцах? Ты их один раз в жизни видел, и то свысока, — возмутился Гаузен и припомнил кое-что еще:

— Самое главное — они покрыты слизью, которая приманивает мух. А у пещерных поганцев слизь еще и светится в темноте, привлекая мотыльков. Но воняет она ужасно в обоих случаях. Да как ты сам не почувял?!

— Принюхиваться некультурно, — попытался оправдаться Ленон, который после отсидки на помойной куче тоже отнюдь не благоухал. Гаузен, решив рассказать о поганцах все, что ему известно, припомнил еще одну историю:

— Вообще, поганцев сложно попутать с чем бы то ни было. Они сероватого цвета, низкорослы и воняют. Но бывают случаи, когда поганцы сходят за людей. Так, один из них забрался ночью в лагерь торговцев и, пока они спали, украл у них благовония и краски. И с их помощью стал пахнуть совсем и по-другому, да и цвет кожи тоже поменял. А потом этот поганец отправился в Вейносту. Но так как говорить он толком не умел, то его приняли за идиота. И когда королю стало скучно, он отправил слуг, чтобы они нашли кого-нибудь для развлечения его благородной особы. И поганца повезли во дворец и сделали шутом. А так как придворные вообще народ поганый, то разницы никто не заметил... Ну, все что знал — рассказал, — подытожил Гаузен.

Тут юноша, закончив демонстрировать свой богатый запас сведений о здешней фауне, переключил внимание на спутника. Одежда Ленона пришла в полную негодность. Он и так порвал ее, продираясь сквозь лес. А быстрые подъем и спуск с мусорной кучи окончательно испортили ее товарный вид. И это не считая того, что он упал в грязь, когда убегал от волшебника. Да что и говорить, одежда Ленона была пошита не на длительные переходы, а скорее для сидячего образа жизни.

— И на кого ты стал похож, Ленон, — брезгливо поморщился Гаузен. — Увидела бы тебя моя знакомая портниха тетя Галатейя — у нее бы сердце отказало. И в таком виде ты собрался предстать перед Салочкой? Завтра придется покупать тебе подходящую одежду. Так что твой долг передо мной еще больше увеличился.

— Но разве я не заслужил части денег от похода? — запротестовал юноша. — Я, конечно, не говорю про половину, но...

— Половину! Если бы ты пережил и половину того, что я испытал за сегодня! Хотя бы сотую часть! Забрался на какую-то навозную кучку, пока я на гору карабкался. Я расправился с чудовищем, а ты не смог одолеть даже парочку поганцев. И при том, кто тебя

от них спас? Да кто тебя вообще просил выходить? Слуги должны слушаться своих хозяев!

— Но ведь я не слуга, — все еще никак не соглашался Ленон. — И мне просто захотелось попить.

— Кто же тебе мешал сделать это в таверне? Я и денег тебе оставил, — напомнил Гаузен.

— Но в таверне было только кислое молоко и вино, — попытался объяснить Ленон.

— Слуги только и делают, что наполняют себе пузо вином в таверне, пока хозяев нет. Я и сам... — произнес Гаузен и оборвал себя на полуслове. Он не хотел терять уважение Ленона.

— Что? Ты сам тоже был слугой? — мелькнула догадка в голове у Ленона.

— Я и сам... прекрасно знаю, чем должны заниматься слуги в отсутствие хозяев, — выкрутился велит.

— А как у тебя сегодня прошел день? — поинтересовался Ленон, которому не терпелось узнать о приключениях Гаузена, а тема взаимоотношений начальства и подчиненных его угнетала.

И Гаузен, не без удовольствия в голосе и некоторого самовосхваления рассказал, как ему удалось победить камедведя. Правда, для большего героизма он решил упустить момент, когда отвага почти покинула его.

— Только знаешь что? — опомнился Гаузен. — Не знаю, что тебе наговорила эта книга, но никаких сокровищ там не было! Только жалкая кучка монеток!

И Гаузен высыпал на стол деньги из кошелька, но немедля собрал их в горсть и вернул на место. Все-таки не дело было светить деньги, пускай и не очень большие, в публичных местах.

— Но я ведь помню, что книга указала, где лежат сокровища. Ты хорошо искал? — спросил Ленон. Он никак не мог поверить, что книга ошиблась, ведь, как и многие читатели газет, он верил написанному больше, чем услышанному.

— Это я-то плохо искал? Да голодная мышь искала бы в подвале засохшую корку хлеба с меньшим упорством, чем я переглядел это проклятое место. Ну, разве что они были замурованы в толще каменной глыбы...

— Об этом речи не шло, — не без сомнения произнес Ленон и, вытащив из сумки книгу, положил ее себе на колени, решив, что на столе она будет слишком заметна для окружающих.

— Сокровища были на плато на видном месте. Вот только...

— Только что! — нетерпеливо переспросил Гаузен. Возвращаться обратно ему совсем не хотелось, но еще меньше он желал, чтобы сокровища достались кому-то другому.

— Только они... — начал Ленон, сосредоточенно придвинув голову поближе к книге, чтобы разобраться в написанном. — Их уже пытались вытащить, и когда драгоценности вынесли наружу из пещеры, на них напал проснувшийся камедведь, и воры обратились в камень... Вместе с сокровищами, — разочарованно выдохнул Ленон на последних словах.

— В камень! А как же я не догадался! А я все думал, что это за глыбы там стояли наверху?! Надо было мне их отколоть и притащить к ювелиру. Это ж я б ему объяснил, что то не простые камни, а драгоценные! — издевательски завозмущался Гаузен.

— Может, есть возможность их расколдовать? Я встречал сегодня одного волшебника, — припомнил Ленон и содрогнулся.

— И остался жив? — не прекращал глумиться Гаузен. — Только волшебника нам не

хватало в помощники. Он бы нас обоих превратил в камень и забрал все себе!

— Ну, по крайней мере, ты получил новый меч. Если он такой прочный — его можно продать за приличную сумму, — предложил Ленон.

— В таком паршивом городишке хорошую сумму за него не дадут... — недовольно пробормотал Гаузен. Он уже начал привыкать к этому клинку, и расставаться с ним ему не очень хотелось. — И кто знает, что еще нам встретится на пути. К тому же, собранных монет, хоть и не хватит на пару лошадей, но на запасы еды и прочие расходы сгодится до поры до времени.

— Как скажешь. Тебе видней, — не стал спорить Ленон. Хотя вид того, как Гаузен сражался с поганцами нагнал на него немало страха, тем не менее, он понимал, что дополнительная защита в этом путешествии не помешает им обоим.

— Странно, что оружие, которым можно было убить камедведя лежало рядом с ним, — задумался Гаузен. — Те, кто оставили саблю, похоже, знали, как избавиться от чудовища.

— Гаузен, похоже, эта сабля того самого легендарного воина, — вновь посмотрел Ленон в книгу. — Он сражался ею с полчищами камедведей еще в древние времена. А когда он собрался на покой, то забрался на Облачную гору и оставил там свое оружие, сокровища и яйцо камедведя. Оно вызревает только на солнечном свете и горном воздухе... Тут много чего и не очень разборчиво...

— Это, в общем-то, и не важно, Ленон. Передохни — чтение занятие утомительное, — прервал приятеля Гаузен и вновь начал любоваться мутноватой поверхностью металла. Сделав пару картинных замахов, Гаузен похвастался:

— В конце концов, это же не Книга Знаний. С этим клинком я свыкся буквально слету! Интересно, конечно, что у нас теперь не одна, а две древние могущественные реликвии.

— Так это же меч в камне, — вспомнил предания Ленон. — Эскалибур.

— Скалобур? — переврал на свой лад Гаузен. — Хорошее название! Но немножко длинное. Буду звать его просто «сабля». Я к этому привык. Хорошо, что против чудовища оставили саблю, а не двуручный меч.

— Или топор, — вспомнил Достоевского Ленон.

— Или катапульту, — решил не мелочиться Гаузен. — А что? Пригодилась бы нам катапульта! Ты бы толкал, а я бы стрелял, — пошутил Гаузен и посерьезнел:

— Послушай, Гаузен, — неуверенно произнес Ленон, не желая портить Гаузену радость от боевого настроения. — Мне пришло в голову, как нам еще может пригодиться книга.

— Ну и что ты предлагаешь? — заинтересовался юноша.

— Если не искать неприятностей на ее страницах, а, наоборот, найти безопасные пути... — начал объяснять его спутник.

— Интересная мысль! — перебил Гаузен. — Но это завтра. После вина и пережитого меня клонит в сон.

— Ах ты, мой маленький экономыш! — с насмешливым умилением воскликнул напоследок Гаузен, поднимаясь из-за стола.

— Я немышь какая-нибудь — я живой человек, — недовольно пробурчал в ответ Ленон, пряча в сумке недоеденную за ужином краюху хлеба. Грядущие трудности намекали на то, что определенная запасливость лишней не будет.

— Ленон, я подумал над твоим предложением. Ты абсолютно прав! — заявил наутро Гаузен и его спутник польщено заулыбался, давая юноше продолжить. — Нам нужно отыскать при помощи Книги Знаний короткий путь в Вейносту!

— Но я же предлагал безопасный, — воспротивился Ленон, но Гаузен его не слушал:

— А про то, что лекарство для Салочки может протухнуть, ты позабыл? Лошадей у нас нет, а поторопиться надо!

Он не знал, что думает о нем Лекант — считает ли его погибшим, совсем позабыл о нем на фоне грядущей свадьбы, или ему взбрело в голову, что слуга предал его, и он послал своих приспешников на розыски. Так или иначе, в людных местах ему светиться лишний раз не хотелось.

— У тебя есть карта? — сдался Ленон.

— А разве без нее нельзя? — возразил Гаузен.

— Ну, с ней было бы удобнее. Надо же на чем-то отмечать... — предложил Ленон.

— Ты, главное, смотри в книгу и говори мне. Я же, как никак, всю Велитию объездил, — похвастался Гаузен, еще недавно искавший место для замка по всей стране.

— Есть короткий путь через леса. Если на четверть-пути до развилки сойти с главной дороги, — откликнулся Ленон. — Но будет немного сыровато.

— Это ничего! — обрадовался Гаузен. — Велития — многоводная страна. Не то, что пустынная Хаслиния. Катапак нас не оставит.

Ленон снова попытался объяснить, как пройти более коротким путем в Вейносту, но у него это получалось плохо, так как он слабо разбирался в здешней географии, а книга давала довольно размытые ориентиры.

— В крайнем случае, обойдемся и без книги, — заявил Гаузен. — Я знаю Велитию, как свои пять пальцев, а эта штуковина сотни лет пролежала в руинах. Что она может знать о сегодняшнем дне? Вон, сокровища и те закаменели! А в этих болотах я и сам слегка разбираюсь, хотя они мне до смерти надоели. Знаю я там одно местечко, куда я ни за что не хочу попасть, и кого я не хочу там встретить...

Ленон, не разобрав о чем речь, лишь пожал плечами. Гаузен же по-прежнему был недоволен, что чуть не погиб, и при этом почти не заработал.

— В конце концов, я же не в обход иду, как трус, но наоборот пытаюсь сберечь время и усилия, — успокоил себя Гаузен мыслью, что не предпримет второй попытки обогатиться при помощи книги.

Расплатившись за гостиницу, друзья закупились всем необходимым и отправились в путь. Но, добравшись до болот, спутники немного растеряли былой энтузиазм, так как пробираться стало ощутимо трудней. А Ленон еще боялся, что в случае чего тяжелая сумка потянет его ко дну.

— Ну и дела, Ленон! Продавать саблю жалко и некому, а заработать при помощи ее пока не представилось возможности! — сокрушался Гаузен.

— Если она такая прочная, — предложил Ленон. — Можно устроиться на каменоломню.

— Да ты в своем уме?! — возмутился Гаузен неподобающим обращением с

легендарным клинком. — Работа на каменоломнях — это рабский труд! Ты что, предлагаешь нас в рабство продать?

— Но рабство — это же преступление! — испугался Ленон подобной участи.

— Да ладно, Ленон! Чего бояться? На обратном пути я тебя выкуплю. Да и вообще, кто ж тебя купит? — попытался разрядить обстановку Гаузен, решив, что шутка-другая в походе не помешает.

Ленон недовольно замычал, не в силах подобрать подходящих слов, чтобы выразить свое недовольство подобным предложением. Гаузен понял, что шутка не удалась, но дальнейших попыток развеять скуку не прекратил.

— Ленон, это не ты испортил воздух? — спросил он через некоторое время.

— Гаузен, ты это уже десятый раз спрашиваешь! — обиделся юноша.

— Да я же пошутил, — не признавал за собой вины Гаузен.

— Нет, это не шутка, это издевка! — настаивал Ленон. — А издевка — это злая шутка, повторенная много раз. И, тем более, это не я... это сероводород.

— Вот-вот! То-то меня от него меня так и воротит. Чего это ты там смеешься? Напердел втихомолку, и еще посмеивается! — никак не мог угомониться Гаузен.

— Я не смеюсь! Это лягушки квакают! — отчаянно объяснялся Ленон.

Гаузен заметил, что из-за посторонних шумов он хуже слышит шаги и голос своего напарника. Похоже, что Ленон, устав быть объектом насмешек, решил держаться от провожатого подальше.

— Слушай, Ленон, если отстанешь — ты дуй в рожок. Уж я-то его ни с чем не перепутаю, — обернулся Гаузен, вспомнив про подарок Лин. Ленон виновато потупил глаза.

— Только не говори, что ты его потерял! — рассердился Гаузен.

— Нет, не потерял, — еще больше смутился Ленон. — Вот... — порывшись в карманах, он обреченно протянул своему спутнику осколки.

— Ленон! Шкура ты ослиная! Это же подарок Лин! Это все, что от нее осталось! — продолжал злиться Гаузен. Он сгреб остатки музыкального инструмента и пошел вперед, не оглядываясь. Он не мог поверить, что рожок прекрасной Лин — последний предмет, что связывал их, кроме Книги Знаний — был безвозвратно уничтожен.

— Быть может, это знак, что девушки уже нет в живых? И следует забыть ее и идти дальше?

Эта мысль чуть не разорвала сердце Гаузена на такие же осколки, которые остались от подарка девушки. Как и вчера в момент отчаяния, юноша не знал, что ему делать дальше.

— Этот рожок был так дорог мне! Вечно с тобой одни неприятности! Вечно ты меня во что-то впутываешь... Во всякие топи... Со своими дурацкими советами! — возмущался Гаузен.

— Это не я! Это книга! — оправдывался Ленон. — Я вообще толком не разобрался, как ей пользоваться...

Но Гаузен не слушал спутника и продолжил тираду недовольства:

— О комарах мог бы и предупредить! Сколько я их уже перебил! И всю шею расчесал! — тут Гаузен немного задумался и спросил. — Вот, Ленон, если ты считаешь себя таким умным, то объясни мне, почему от их укусов прыщи вскакивают? Нет-нет, не подглядывай в книгу! Я тебя хочу проверить!

Ленон, принявший вызов, поднапрягся и выдал все, что знал на эту тему:

— Возникновение прыщей, — начал вспоминать Ленон. — всегда связано с кровью.

Комары, пососав кровь, впрыскивают обратно остатки. А если прыщи на ровном месте, значит с кровью что-то не в порядке, понимаешь? — поинтересовался Ленон, будучи сам не до конца уверен в подчерпнутых из памяти сведениях.

— Я все понял, Ленон, — сердито оборвал Гаузен, который запутался еще больше Ленона. — Ты сел мне на шею и сосешь мою кровь! И вот из-за этого у меня прыщи и повывлезали, как грибы после дождя!

— Может, это просто от сладкого? Я слышал, что... — оправдывался Ленон, до крайности обиженный подобной версией.

— Да плевать я хотел на то, что ты слышал! — взорвался Гаузен, настроение которого ухудшалось все сильнее вместе с окружающей обстановкой. — Когда я в последний раз ел что-то сладкое? Не я — ты у нас привереда! Того я не хочу, этого я есть не буду, слушать не собираюсь, делать не стану, потому что я самый умный... — начал передразнивать Ленона Гаузен.

— Ну, друзей не выбирают... — робко попытался заступиться за себя юноша.

— Ага, не выбирают, — подхватил Гаузен. — Ленон, ты просто поразительный человек!

— В каком смысле? — учуял подвох Ленон.

— В том смысле, что друзей не выбирают — в них живут и умирают! Сказал глист! Ты паразитируешь на мне, питаешься за мой счет и не отдавая ничего взамен! — не сдерживая эмоций, обвинил Гаузен. — Да ты вообще понимаешь, что если бы не я, то ты не прожил бы здесь и дня?!

— Я прекрасно понимаю! — расстроился Ленон. — Я понимаю то, что если бы не ты, то я не пробыл бы здесь и часа!

— Прекрасно! — сердито воскликнул Гаузен. — Хорошая стратегия — во всех своих бедах винить окружающих! А ведь если бы не я, ты остался бы у себя без жилья и работы. Да и вообще, не силой же я тебя заставил вернуть меня в свой мир! Кто же мог знать, что так выйдет?

Ленон промолчал. В чем-то Гаузен был прав. Ленон, наверное, мог бы поподробней разузнать у книги, как работают путешествия из одного мира в другой. Но тогда-то он доверился Гаузену.

— Кто, кроме меня, поможет тебе здесь?! Ты еще что-то мог в своем мире. А здесь ты последний голодранец! А то, что ты последний голодранец из голодранцев — это еще не делает тебя королем голодранцем. Это вообще никем тебя не делает! Слышишь? Никем! Думаешь, ты какой-то особенный или даже уникальный? Думаешь, ты самый умный?! — завалил вопросами Ленона Гаузен и, не дожидаясь ответа, снова начал передразнивать своего спутника. — Тех, кто пьет, курит и ест мясо, я вообще за людей не считаю!

— Неправда! Я такого не говорил! — возмутился Ленон.

— Не говорил, так подумал! — настаивал Гаузен.

— Да я и думать о таком не посмел бы! — защищался, как мог, Ленон.

— А чем докажешь? — не отставал Гаузен.

— У меня нет никаких доказательств, кроме правды! И вообще, почему ты подозреваешь окружающих во всем плохом? Прямо как параноик...

— Каких еще там ноек?! — рассердился незнакомому слову Гаузен, приняв его за ругательство. — Сам ты нойка! Это ты один только и делаешь, что ноешь и жалуешься, и я тебе в этом занятии напарником быть не собираюсь!

— Да нет, параноик, это тот, кто всех подозревает, а потом настаивает на своем, даже

если неправ, — попытался вспомнить Ленон нужную строчку из словаря, но точность оставляла желать лучшего.

— А ведь я мог бы и бросить тебя! — не сдавался разгорячившийся Гаузен.

— Неправда! — отчаянно запротестовал Ленон.

— Бросил бы, да еще пинка вдогонку дал, — припугнул его спутник.

— Да? А кто книгу бы тогда читал?! — возразил Ленон.

— Бросил бы ее вместе с тобой! Две ходячих энциклопедии! От вас обоих одни только беды! — подвел черту Гаузен.

Ленон, вконец расстроившийся из-за слов Гаузена, замедлил ход и погрузился в раздумья.

— Ходячая... Я тебе не книжки-бумажки — у меня чувства есть, — обиженно протянул Ленон, бредя, не разбирая пути. Ему показалось, что, может, действительно, от него одни только неприятности, и уныние начало еще сильнее укрепляться в его душе.

— И зачем я тогда поднял ее со скамейки в тот раз! — сокрушался Ленон. — Лучше бы она была заминирована! Мне же с детства говорили не трогать чужое!!!

Он уже начал вспоминать про слова Гаузена, что он с книгой ему не нужны, и подумал, а не попытаться ли вернуться обратно? Неизвестность его больше не пугала. Вряд ли на Земле найдется такой уголок, где он будет столь же бесполезен и неуместен, как здесь. Но Ленон вспомнил, что не имеет права воспользоваться книгой подобным образом, так как пообещал Гаузену этого не делать. Ленон поднял голову, но увидел, что его спутник уже скрылся из вида. Ленон захотел его окликнуть, но тут разразилась страшная гроза.

— Уж лучше воображаемые друзья, чем такие! Зла у меня на тебя нет, одно расстройство, — пробормотал Гаузен и поймал себя на мысли, что Ленон уже давно не отзывается. Велит обернуться и увидел, что вслед за ним уже давно никто не идет.

— Всемогущий Катапак! Что же я ему наговорил?! — спохватился Гаузен. Он всего лишь хотел призвать Ленона к ответственности, но понял, что зашел с аргументами слишком далеко. — Он же без меня пропадет! — испугался Гаузен. — Я хуже Леканта! Нельзя так издеваться над людьми!

Гаузен начал кричать Ленону, чтобы тот вернулся, но его голос заглушил шум грозы.

— Гаузен, куда ты пропал? — услышал юноша сквозь шум мольбу о помощи. Но это не был голос его спутника. Это кричала Лин!

— Лин? Как ты снова нашла меня?! — устремился навстречу Гаузен, на всякий случай обнажив саблю, если девушку придется защищать.

Но тут его ослепила вспышка, и он потерял сознание.

Очнулся Гаузен в незнакомом домике.

— Твое лицо мне кого-то напоминает... — донеслось до юноши. Ему в лицо смотрела неприятного вида старушенция.

— Мертведьма! — побелел от ужаса юноша и собрался уже рвануть к выходу, но конечности его не слушались.

— Некролдунья! — поправили Гаузена. — Я рангом повыше, чем обыкновенная ведьма. Просто мои жилищные условия и материальное положение не соответствуют уровню моего мастерства. Но ты угадал, я тоже поддерживаю свою жизнь, высасывая энергию из окружающего пространства.

— Какая разница! Ты все равно меня съешь! — в этот момент Гаузен впервые с симпатией подумал о привычках Ленона, принципиально не приемлющего мяса в пищу.

— И не подумаю. Чтобы подпитаться, я подожду твоего приятеля. Куда он от меня денется? А на тебя у меня другие планы. Знаешь, на этом болоте так одиноко...

Гаузен с ужасом представил, чего от него хочет ведьма.

— Поэтому я подумываю завести себе питомца... — закончила она.

— Я тут по пути видел одну прекрасную жабу. Под стать тебе, старая карга, — злобно добавил про себя юноша. — Она сидела на пеньке неподалеку. Может кому угодно составить отличную компанию. Тетенька, ты меня выпусти, я ее найду, поймаю и сразу принесу, — начал обещать Гаузен в тщетной попытке вымолить себе свободу.

— Жаба — это слишком скучно. Жабы только и умеют, что дуться, а я обидчивых не люблю. На обидчивых у меня управа скорая, — посмотрела на Гаузена страшными глазами колдунья. — Да и говорить жаба совсем не умеет. Я больше подумываю о вороне...

— Ворон — тоже животное полезное! — горячо поддержал Гаузен. — Его словить, конечно, потруднее будет, но к вечеру я точно вернусь вместе с пойманной птицей...

— Зачем же ловить? — усмехнулась ведьма, и ее позеленевшее от времени лицо покрылось еще большим количеством морщин. — Я собираюсь превратить в ворона тебя. Такое под силу только колдунье, а не какой-то там ведьме.

— Какой же из меня ворон?! — испугался Гаузен. — Меня этому не учили! Клювом не

вышел, да и летать не умею!

— Зачем тебе летать? Да кто ж тебя выпустит! А вообще ты и так милый... Если бы я была немного помоложе, глядишь, были бы на тебя другие планы. Поцелуемся, красавчик? — насмешливо предложила колдунья.

— Поцелуй-ка лучше дверной косяк своей калитки морозной ночью, — передернуло от отвращения Гаузена. Тут он вспомнил, как насильно поцеловал подружку Ленона в милиции, и его охватило запоздалое раскаяние.

— Фу, какой грубиян! Если я тебя в ворона превращу — ты будешь сыпать напропалую всякими неприличными словами, — засомневалась пленительница Гаузена, и он вновь начал мысленно молить Катапака о том, чтобы она передумала.

— Впрочем, я за свою жизнь столько всего в свой адрес услышала, что мне уже все равно, — отмахнулась колдунья, отняв у юноши последнюю надежду. — Да не расстраивайся ты так. Это к красивым привыкаешь быстро, а ко мне — тоже можно, просто чуть дольше. А после превращения ты даже и не вспомнишь, что когда-то был человеком. И будешь радоваться таким мелочам, как лишний сухарик или орешек.

Услыхав, что лишится не только тела, но и рассудка, Гаузен снова попытался дернуться, но все его старания по-прежнему были безуспешны.

Пока Гаузен тщетно пытался спастись от незавидной участи, Ленон блуждал без относительных затруднений, но так же, как и его спутник, не представлял, что делать дальше.

«Подумать только» — пришло в голову Ленону. — «Еще несколько дней назад я воображал, что возникнет стена дождя, которая разлучит меня с прошлой действительностью, и вот оно как вышло».

Ленон ясно представил себе, какое объявление появится в местной газете: «Пропал сотрудник. Нашедшему — просьба трудоустроить, так как от него слишком много неприятностей».

«По крайней мере, у меня будет работа» — с надеждой подумал Ленон и вспомнил о Руфи. Его волновало, чем она сейчас занята? Ищет ли его? Может быть, она первой дала объявление о его пропаже или обратилась в милицию? Или думает, что он, боясь ответственности в серьезных отношениях, трусливо сбежал, чтобы заделаться бандитом, и сейчас совершает преступления по всему земному шару?

«Надеюсь, Руфи позаботится о Ходике» — с грустью размышлял юноша. — «Но... кто позаботится о Руфи? И кто позаботится обо мне? Ведь я... пропавший заживо?» — очнулся он от раздумий, вспомнив, что он совсем один посреди болота.

— Ленон? Почему ты меня покинул? — услышал женский голос юноша.

— Руфи? — удивился он, но предпринимать чего-то не спешил. Здешние обитатели, включая лесных, изрядно пошатнули его доверие к окружающим.

— Чего ты ждешь, Ленон? — вновь отозвался знакомый голос.

— Руфи, как дела у Ходика? — переспросил Ленон, но внятного ответа не дождался.

— Руфи, ты меня, конечно, извини, но я знаю, что тебя нет, — осторожно добавил Ленон, и тут же, испугавшись сказанному, поправился. — То есть, не то чтобы вообще уже нет, но здесь точно быть не может. Ты осталась в доме Кунашвили, а он поблизости не приземлялся.

Вскоре неясные позывы прекратились вместе с бурей. Ленон, покликнув немного

Гаузена, понял, что в одиночку он заблудится на этом болоте окончательно, и воспользовался книгой. Блуждая по смутным направлениям, он каким-то чудом сумел добраться до одинокого домика. Ленон заглянул в щель между оконными ставнями и увидел лицо своего спутника, но от привычной жизнерадостной ухмылки на нем не осталось и следа.

Не зная, куда больше обратиться за помощью, юноша снова судорожно начал листать книгу. Отчаянное желание спасти друга дало ему сил сосредоточиться и что-то найти, но он не был уверен наверняка.

«Надеюсь, это сработает» — с надеждой подумал Ленон.

Ленон вломился в домик, держа впереди себя раскрытую книгу. Некролдунья удивленно обернулась и уже собиралась пригвоздить незваного гостя взглядом, но на это Ленон и рассчитывал. Свое лицо он заслонила раскрытой книгой, в которую уставились глаза отшельницы.

— Любовь и дружба — это благодарность! Их нельзя требовать силой! Все, что ты делаешь — неправильно! — громогласно, будто начитывая заклинание, прокричал Ленон. — А за ошибки придется платить!

— Демиан! Его рук дело! — пыталась прикрыть глаза хозяйка жилища, но, похоже, книга магнетическим образом приковала ее взгляд. Тогда колдунья, видимо зная, что книга притягивает человека, обернулась тонкой змейкой и накинулась на Ленона. Тот отшатнулся и выронил книгу, но змея успела обвить его руку и норовила укусить. Ленон схватил ее за шею и пытался сдерживать, но тварь была невероятно сильна для своих небольших размеров.

— Режь голову! — закричал Гаузен, вспомнив, что его спутник всегда носит с собой перочинный ножик.

— Как я могу ее отрезать, это же б... б... — от ужаса и волнения Ленон на миг позабыл как еще можно назвать пожилую женщину.

— Эта бабушка уже давно мертва! — угадал слово Гаузен и посоветовал. — Представь, будто режешь колбасу!

Услышав знакомое слово, Ленон выхватил ножик, и, зажмурившись, изо всех сил ударил. В этот момент к Гаузену вернулась способность двигаться.

— Молодец, Ленон! — обрадовано рванулся Гаузен навстречу другу.

— Боже мой! Я убил старушку! — испугался Ленон, раскрыв глаза и увидев бьющийся в конвульсиях хвост.

— Только не говори мне, что ты не мечтал сделать что-то подобное со своей домохозяйкою... — пошутил Гаузен, но осекся под осуждающим взглядом Ленона. Тут же чувство легкого стыда сменилось сильной тревогой. Он увидел змеиную голову, глаза у которой погасли, но челюсти успели сжаться на руке Ленона.

— Ленон, она ведь тебя цапнула, — показал Гаузен.

Ленон с отвращением, будто пиявку, отлепил останки змеи и увидел пару красных точек у себя на запястье.

— Надо отсосать кровь! — не на шутку встревожился Ленон. Он вспомнил, что с Валентином Петровичем произошел похожий случай в Кокосовых Прериях. Он приложился ртом к укушенному месту и сплюнул. Прodelав это несколько раз, Ленон обнаружил, что сплевывать уже больше нечего.

— Мне нужно прополоскать рот, — попросил Ленон, и Гаузен немедля подал ему флягу, не пожалев оставшегося в ней вина. Затем Ленон повязал рану носовым платком и

неуверенно поднялся на ноги.

— Как себя чувствуешь? — забеспокоился Гаузен.

— В голове как будто копыта стучат, — пожаловался Ленон.

— Надо посмотреть в книге! — спохватился Гаузен. — Она должна знать средство от любой напасти! Так же, как с затычками для ушей!

Ленон начал судорожно листать страницы. Гаузен тоже попытался вспомнить, что такого наговорила покойница, в надежде, что это поможет Ленону быстрее найти решение:

— Она хотела лишить меня памяти. И превратить в ворону...

— Не знаю, Гаузен. Я никак не могу сосредоточиться. Ничего не могу отыскать. И меня клонит в сон, — отозвался Ленон.

— Ни в коем случае не засыпай, — всполошился Гаузен. — Можешь заснуть и больше не проснуться!

Служа у принца, Гаузен немного разбирался в ядах. Лекант панически боялся отравления и часто рассказывал, какие ужасы таят в себе различные яды. Гаузен плеснул для бодрости в лицо Ленона остатками из фляжки, и тот начал отплевываться.

— Слушай, вот тебе задачка попроще. Тут неподалеку должна быть башня... Других поблизости вряд ли найдется, так что не спутаешь. Можешь посмотреть, где она?

Ленон вновь заглянул в книгу и неуверенно показал пальцем направление.

— Пошли отсюда, вдруг она еще оживет... Надо мне тебя кое-кому показать, — поменял свои первоначальные планы Гаузен, и Ленон послушно последовал за ним.

— Он должен жить на болотах... Где-то здесь... — рылся в памяти Гаузен. Одновременно он пытался растормошить Ленона, не давая ему заснуть.

— Гаузен, прости меня за то, что опять впутал тебя в неприятности... — пробормотал Ленон. — Наверное, мне тогда надо было не просто искать короткий путь, но больше сосредоточиться на том, что он будет безопасным.

— Теперь уже не важно, — попытался успокоить спутника Гаузен. — Да чтоб я еще доверился этой проклятушей книге!!!

— Здесь где-то неподалеку живет один человек, он тебе поможет, хотя он конечно... — продолжил Гаузен и поморщился, но решил не расстраивать приятеля дальнейшим описанием. — Он живет один и редко покидает дом, так что вряд ли мы его не застанем, или он будет занят чьим-то еще присутствием.

- Так он живет... затворником? — неуверенно предположил Ленон, борясь с приступами сонливости. Он, будто воробей семечки, начал клевать носом все чаще и чаще.

— Он и за дворника, и за повара, и за садовника, — подтвердил Гаузен. — Все сам делает. Один он живет, понимаешь?

Ленон неуверенно кивнул, толком не понимая, о ком ему рассказывает Гаузен.

— Усталость в спине такая, будто сзади кто-то за шкуру держит, — пожаловался Ленон.

— Только не отрубайся, Ленон, — приказал Гаузен и, чтобы подбодрить приятеля, добавил. — Я тут заметил, когда мы с тобой разлучаемся, у нас обоих вечно происходят неприятности. Так что не вздумай покидать меня, слышишь?

Ленон улыбнулся заботе друга и снова покачнулся в знак согласия, на этот раз чуть не свалившись на землю. Гаузен вовремя подхватил его и теперь держал за плечо.

— Ленон, давай уж мне сумку — я понесу ее, — предложил Гаузен.

— Гаузен, а давай я понесу сумку, а ты... понесешь меня, — сделал ответное предложение Ленон, валясь с ног от усталости.

— Нельзя! Ты так заснешь! — перебил Гаузен и как следует встряхнул Ленона.

— Мне всего немножко поспать, с полчаса, — попросил юноша, у которого неотвратимо слипались глаза.

— Полчаса поспать — это все равно, что пять секунд пообедать! — изо всех сил отговаривал Гаузен Ленона. — Потом поспишь в постели, как человек!

— Гаузен, в каком направлении мы идем? — поинтересовался Ленон, которому не терпелось прилечь.

— В каком ты показал — в том и идем. А вообще с направлениями не везде так. Вот в Велитии их много — на все стороны света. А есть страна, которая зовется Снежаной, так там так холодно, что из направлений есть только вьюго-запад и снего-запад, — решил шуткой взбодрить приятеля Гаузена. — Я как-то раз там побывал и так замерз, что мне пришлось сжечь штаны для обогрева.

— И что, всю зиму ходил без штанов? — не понял Ленон, соображая с каждым шагом все хуже и хуже.

— Да нет, это выражение такое, — смутился Гаузен. — Лучше, я тебе более понятную

историю расскажу. Короче, во времена короля Клионорика... Единственного, кстати, приличного короля, о котором я слышал. У него даже кличка была «Плюсовач», потому что в его правление у всех жителей Велитии благосостояние только прибавлялось. Говорят, что при нем так сытно и привольно жилось, что голуби были как курицы, а бандиты грабили и убивали только друг друга. Кхм, но, в общем-то, история не о нем...

— А я бы послушал, — с надеждой протянул Ленон, любивший биографии выдающихся людей, которым удавалось натворить повсюду множество добрых поступков.

— Лучше в другой раз, — пообещал Гаузен, и так рассказав о короле все, что знал.

— Жил был один маг. Но вскоре ему надоело быть магом и захотелось стать воином. Тогда он раздобыл доспехи и оружие и зачаровал их на подвиги. Но не все пошло так. Его меч, который мог сражаться сам по себе, убежал, решив, что владелец ему больше ни к чему. Его щит, наоборот, был слишком предан хозяину. Его главной целью было защищать мага от опасностей, и вскоре щит перестал выпускать волшебника из дома, считая это место самым безопасным. Тогда маг решил спрятать его куда подальше. Он хитростью заманил щит в подвал, пообещав отполировать его, а сам приковал его цепями к стене. Единственное, что у него осталось из заколдованных вещей, так это магические доспехи, в которых он отправился на битву со страшным погромом, наводившим ужас на всю округу.

— Однажды я устроил в парке погром. Это была та еще недайбожечка, — улыбнувшись, вспомнил Ленон.

— А меня за такое чуть не посадили, — добавил Гаузен и пояснил. — Погром — это такой здоровенный увалень в два и больше человеческих роста. В остальном, с людьми его роднит только то, что он обожает при случае полакомиться ими.

— Какой кошмар! — ужаснулся Ленон, а Гаузен продолжил:

— Но погром оказался сильнее и разрубил зачарованные доспехи мага. Но волшебство успело сработать, и в тот же миг, как в них образовалась дыра, маг переместился домой целым и невредимым. Волшебник сильно опечалился, но все же решил отомстить за обиду и вновь собрался в поход. Но по дороге он угодил в болото и начал тонуть. К счастью, к этому времени его щит успел освободиться из подвала, догнал хозяина и вычерпал зыбкую топь до самого дна. А вскоре к магу вернулся и волшебный меч, которому ни разу не удалось сразиться. Просто от него всеразбегались, так как без владельца его невозможно было одолеть. Теперь, будучи вооружен и защищен, маг отправился на сражение с погромом. А тот уже успел сделать из доспехов мага котел и был крайне раздосадован тем, когда он клал туда вариться мясо...

— Зря он это сделал... — не поддержал Ленон, уже мало чего понимая. Он даже не стал уточнять, чье мясо варилось в котле.

— Конечно зря, — подтвердил Гаузен. — Когда погром пытался достать вилкой мясо, оно все время исчезало. Он и не знал, что в доспехах был маг, и думал, что просто победил какого-то призрака в доспехах. Когда волшебник снова появился, погром его не узнал и с презрением отверг его предложение сдаться. В трудной борьбе магу удалось прикончить погрома, заманив его в болото и отрубив голову. После этого он отправился в деревню, жители которой обрадовались новостям о смерти всем надоевшего угнетателя, и мага щедро наградили. А потом он утащил из пещеры все сокровища к себе домой...

Когда я впервые услышал эту концовку, то подумал: Вот ведь скупердьяй! Все золото забрал себе, вместо того, чтобы раздать бывшим владельцам хотя бы часть! И награду от них он тоже себе присвоил. Но потом я узнал, что вся награда заключалась в том, что его лишь

как следует накормили и напоили, и подумал: А, ну это меняет дело!

Но Ленон не оценил шутки друга и не засмеялся. Теперь он не только не слышал слова Гаузена, но и совсем не разбирал, куда он направляется. Он будто позабыл обо всем. Даже, казалось, о том, кто он и откуда. Юноше привиделось, что ему навстречу подошла прекрасная незнакомка в белых одеждах.

— Как тебя звать красавица? Кончита? — не удержался Ленон, прибегнув к скудным познаниям испанского языка.

— Кончиной меня называют чаще, — спокойно поправила девушка. — И разве ты не знаешь, что обычно я прихожу незваной? Хочешь отправиться со мной?

Тут Гаузен обратил внимание на то, что Ленон его совсем не слушает и уже мало чего соображает. Он едва шевелил ногами, так что Гаузену буквально приходилось волочь его на себе. Он пытался снова растрясти его, но понял, что Ленон не только не слышит его, но и вообще никак не реагирует. Неприятная мысль посетила голову Гаузена. Неужели ему придется похоронить Ленона прямо здесь?

— Ленон! Очнись! Мы еще никуда не добрались! Что я скажу Салочке? А что Лин? То что я затащил в свой мир чужака и оставил его на погибель? Впрочем, прости меня дружище! Может, ты и чужой для всей Велитии, но не для меня... Я смеялся над твоей беспомощностью, но ты был единственным, кто вступался за меня. И ты не попрекал меня этим, не требовал ничего взамен. Как настоящий друг! Как мой единственный друг...

Но искренние, как никогда, слова Гаузена остались без ответа. Юноша сам едва не падал от усталости и уже совсем отчаялся, но тут он увидел знакомую башню. Прислонив Ленона к стене, он начал шумно стучаться в дверь.

— Открывай скорей! — потребовал Гаузен.

— Кто там? — раздалось откуда-то сверху через некоторое время.

— Добрые люди! — закричал во все горло Гаузен.

— Не знаю таких! — донеслось в ответ, и окно с шумом захлопнулось.

Гаузен подумал, а не прорубить ли ему саблей отверстие в каменной стене и войти внутрь, но решил оставить этот вариант на крайний случай.

— Дядя Шел! Ты меня не узнал? У меня к тебе важное дело, — вновь в отчаянии крикнул Гаузен. Он и так громко говорил до этого, чтобы Ленон не заснул, и теперь начинал потихоньку хрипеть.

— Гаузен! Что ты здесь делаешь, бездельник? — вновь распахнулось окно, и оттуда высунулось сердитое лицо наполовину поседевшего человека. Он даже не хотел смотреть в сторону незваного гостя, а нос его брезгливо подергивался, будто он не выносил даже запаха посетителя.

— Я тебя столько лет пытался сплавить по разным монастырям, пока мне не удалось спихнуть тебя Леканту. А он живыми, как известно, слуг на волю не отпускает. Он что, уже помер?

— Я все расскажу, но пусти сначала в дом! — уклонился от ответа Гаузен.

— Морское дно — твой дом! — оборвал разговор дядя Шел и вновь захлопнул окно.

— Слушай ты, негодяя! Тьфу! Негодяй ты! — не выдержал юноша. — У меня тут друг скоро умрет!!!

— И что? Мне лопату тебе вынести? — великодушно предложил отшельник.

Гаузен чуть не задохнулся от подобной бессердечности, но ему пришла в голову одна мысль, и он решил слегка поменять свои условия:

— Согласен! Давай мне лопату, и я уберусь подальше. А потом я ее верну, и мы распрощаемся.

В болотном воздухе повисло недоверчивое молчание. Затем сверху раздалось:

— Ну, так бы сразу и сказал! Жди здесь. Сейчас я тебе ее из окна сброшу.

— Не надо из окна! — возразил юноша. — Она упадет на камни и затупится, а мне ей еще землю копать. Лучше приоткрой дверь, и просунь ее сквозь щелку. А после этого ты меня больше не увидишь даже в паршивом сне!

Вновь стало тихо. Похоже, что житель башни обдумывал этот вариант. Наконец, раздался скрип лестницы, дверь приоткрылась, и оттуда высунулась лопата. Гаузен сразу же схватился за нее, надавил на черенок, как на рычаг, и распахнул дверь. Потом он оттолкнул дядю, и пока тот пытался встать на ноги, втащил в домик Ленона.

— Гаузен, я тебя ненавижу! — разоткровенничался обитатель башни.

— А я тебя столько за свою жизнь навидался, что у меня есть полное право пропустить твои похороны. Но, как видишь, я решил не дожидаться, — огрызнулся юноша.

— Грязный мошенник! — возмутился жилец башни, поднимаясь.

— У меня было у кого поучиться! Ты сам мне говорил, что если врать не ради собственной выгоды, то это и не обман даже! — парировал Гаузен.

— Как ты смеешь врываться и что-то требовать, неблагодарный мальчишка?! Все эти годы я старался помочь тебе, а ты, похоже, стал таким же негодяем, как и все! — стукнул кулаком по столу дядя Шел.

— Слушай сюда, старая вешалка! С тех пор, как ты меня бросил на произвол судьбы, я бы к тебе ни за что не пришел, не обратился к тебе за помощью, но помощь нужна не мне, — тут Гаузен понял, что от дяди зависит жизнь Ленона, и решил немного поменять тональность беседы.

— И вообще, что я сделал тебе плохого, чтобы заслужить такое отношение? Я же подарил тебе столько счастливых дней... своим отсутствием.

— Ладно уж, — пробурчал в ответ дядя и показал на лестницу. — Тащи его наверх — там разберемся.

И Гаузен, бросив сумку и взяв под мышки бессознательного Ленона, стал осторожно перетаскивать его. Уже в комнате он уложил его на кровать, а дядя Шел начал внимательно обследовать.

— Ну, как он? — не выдержал Гаузен.

— Ситуация критическая, — сурово произнес дядя, и Гаузен испуганно затих, ожидая худшего.

— В смысле, есть что покритиковать, — немного успокоил его дядя. — Зачем вы, два дурака, вообще сунулись в болото? А разбудить-то ты его пытался? Иголками колот? На ухо кричал?

— Я что, изверг какой-то? — возразил Гаузен, но дядя его не слушал.

— Синий язык! — раскрыл рот Ленону обитатель башни, — Если у человека язык посинел, то он либо отдал концы, либо наелся черники. Ты ведь не кормил его черникой?

— Может, вино и впрямь было черничное? — неопределенно пожал плечами Гаузен, вспомнив про уже пустую фляжку. Об оставшемся варианте он боялся даже помыслить.

— Так-так, — продолжил осмотр дядя Гаузена. — Уж не следы зубов Миральды ли это?

— Ты знаком с некролдуней? — округлил глаза юноша.

— Еще с тех самых пор, когда она была мертведьмой. Я даже ходил к ней на чай время

от времени. Как-то раз она тоже пыталась отравить меня этим ядом. Я еле-еле унес от нее ноги и вернулся домой. Я заснул бы и не проснулся, если бы не моя многолетняя бессонница! Так что я все-таки сумел отыскать противоядие.

— И что ты сделал с ней после? — поразился Гаузен.

— Перестал ходить к ней на чай, — равнодушно пожал плечами дядя. — Да, в общем, и невелика потеря. У нее был не чай, а моча кошачья. А она мне все — ромашковый, ромашковый... Какие еще ромашки на болоте, карга ты старорежимная?!!

— Понятно, почему она тебя отравила! — презрительно бросил Гаузен. — Мне жаль, что так все вышло. Из вас получилась бы отличная пара.

— Она ничем не хуже большинства людей, — решительно возразил дядя Шел.

— Она пыталась превратить меня в ворона! — возмутился юноша.

— Мой немногочисленный родственник! Я всегда говорил тебе, что ты докаркаешься! — съязвил дядя. — Может быть, она хотела подарить мне ворона на день рожденья? Возможно, она даже хотела помириться?

— А ты был бы и рад такому подарку! — желчно прокомментировал юноша.

— И вправду, подарок из тебя никудышный в любом случае, — согласился дядя, и Гаузен обиженно примолк.

— К счастью, у меня осталось немного порошка, — поведал радостную новость затворник. — После отравления я стал еще меньше доверять кому-либо и знал, что ей в любое время может захотеться нанести ответный визит.

И дядя начал шарить по полкам, бормоча что-то себе под нос:

— Терпеть не могу ходить в гости. Надо выбирать подарок, а ты не знаешь что дарить. Терпеть не могу принимать гостей. Подарят какую-нибудь ерунду, и ты еще останешься должен. Конечно, можно встречаться в таверне, ведь это ни к чему не обязывает. Но я терпеть не могу всякие там таверны!

— В последней таверне, в которой мы останавливались, обслуживание было ничего, — осторожно прибавил Гаузен.

— Я не с тобой разговариваю! — огрызнулся дядя, недовольный, что его перебили.

— У того, кто разговаривает сам с собой — собеседник, как правило, сумасшедший, — напомнил юноша.

— Что поделать, если я не могу найти себе равного собеседника? Вокруг одни только недоумки! — сердито возразил затворник.

— Даже если тебе кажется, что тебя окружают отборные мерзавцы, это еще не значит, что оставшиеся в мире люди такие же, — неожиданно для себя заступился за человечество Гаузен.

— Да много ты в жизни разбираешься? — одарил презрительным взглядом юношу дядя Шел. — Меня уже никто не окружает на этом болоте. А если уж кому-то вздумается сюда занестись, то он точно редкостный негодяй, раз ему нигде в мире не нашлось места, кроме как на этом гнилом клочке земли. Разве ты не понимаешь, что я, отослав подальше, пытался спасти тебя от всего этого кошмара? Ты представляешь, во что бы ты превратился?

— Нет, не представляю, — печально покачал головой Гаузен и упрямо посмотрел в глаза. — Я вижу.

Отшельник не нашелся, что ответить на это, и молча продолжил свои приготовления. Наконец он прекратил смешивать зелье и залил его в горло Ленону, заставив Гаузена открыть своему спутнику рот.

— Теперь надо ждать. Или поможет, или нет, — вынес неопределенный вердикт дядя Гаузена.

Чтобы унять беспокойство за судьбу друга и отвлечься, Гаузен начал рассказывать о своих приключениях. Сначала он рассказал про наиболее отдаленные события. Потом он поведал про задание принца Леканта, сократив упоминания о Лин, так как память о девушке была слишком дорога для него. Гаузен уже начал рассказывать о своем путешествии в чужой для него мир и о том, с кем он там встретился, но его дядя не выдержал и раздраженно перебил:

— Утомил ты меня совсем своими рассказами! Какое мне дело, с кем ты встретился в этом несусветном Гряземелье? Ты же знаешь, что я ненавижу всех из племени двуногих!

— Страусов, что ли? — подал голос Ленон, облокотившись на постель.

— Ленон! Ты живой! — обрадовался Гаузен.

— Вздремнул немного, — виновато согласился Ленон, пытаясь вырваться из крепких объятий друга, и пожаловался. — Во рту язык распух будто марок налился.

Гаузен представил спутника своему дяде и попросил того накормить их обоих.

— Хорошие родственники приходят после ужина, — проворчал дядя, но все же отправился доставать горшок с кашей и тарелки.

— Не надейтесь, что я буду содержать таких бездельников, как вы, — заранее предупредил он, накрывая на стол.

— Из чего каша? Из проса? — поинтересовался Ленон.

— Это вы оба пришли без спроса! А каша — из чего дают, то и едите, — недовольно пробормотал дядя, но вскоре расщедрился, достав другой горшок, и наложил из него немного Гаузену. Ленон же начал подозрительно вглядываться в содержимое тарелки его друга.

— Но я не ем мясо! — решительно отказался юноша, когда отшельник поднес горшок к его каше.

— Маринованная печень — это не мясо, а органы, — пытался вразумить Ленона дядя Шел.

— Для меня это тоже несъедобно, — настаивал Ленон.

— И где ты такого достал? — раздраженно осведомился дядя у Гаузена.

— Я пытался рассказать, но ты и слушать не хотел, — напомнил юноша. — Давай я за него печенку доем, а ты ему каши добавь.

— Да уж! Вы два сапога пара! И оба — на левую ногу! — ворчливо прибавил дядя.

Гаузен, заметив, что его родственник впал в более или менее благодушное настроение, достал Книгу Знаний и положил ее на стол.

— Только не говори, что ты просто хотел приподнести мне подарок, а твой задохлик-друг был всего лишь поводом, чтобы сделать сюрприз? — саркастично допустил отшельник.

— Нет, дядя Шел, эта книга не моя. И вообще, если честно, не собирался я к тебе в гости. А то бы и впрямь принес что-нибудь, — запоздало опомнился юноша.

Гаузен немного пожалел, что не захватил ничего стоящего из другого мира. Например, банка маринованных червей пригодилась бы для дядиных опытов. Да и бюст Савушкина, побывавшего когда-то в этом мире, мог бы стать прекрасным украшением на столе мудреца со стажем.

— Так и знал. Мог бы даже и не спрашивать. Неблагодарный племянник, — проворчал дядя Шел, листая книгу.

— Это Книга Знаний, — подал голос Ленон.

— Не сказал бы, что узнаю, но слышал, — наконец высказал свое мнение дядя и отложил книгу. — Но мне от нее мало толку.

— Вы что, знаете все на свете? — удивился Ленон.

— Нет, просто чем больше человек узнает об окружающем мире, тем меньше веры в окружающих его людей. А в последнем я достиг абсолютного предела, — пояснил отшельник и вернулся к главному предмету обсуждения:

— Эта книга познается довольно странным образом. Когда читатель пытается узнать что-то или отыскать ответ на какой-то конкретный вопрос и заглядывает за этим в книгу, то она может запросто обмануть вопрошающего и подсунуть ему его собственные, может, даже недостоверные знания вместо истинных. То есть не знающий ничего о предмете с большей вероятностью получит ответ на нужный вопрос. И наоборот, что-то знающий, без отсутствия концентрации и любознательности, получит не совсем верный ответ, к которому могут примешаться его собственные вымыслы или домыслы.

— Ничего не понял, — помотал головой Гаузен.

— Годы учебы в лучших монастырях, а он не понимает элементарного, — закатил глаза дядя.

Он взял в руки два стеклянных сосуда и опустил их на стол. А рядом поставил миску с сушеным горохом. Гаузен тут же сунул пятерню в миску, схватил, сколько мог, и начал увлеченно жевать в ожидании представления. Дядя, взбешенный самоуправством, посмотрел на него с глубокой ненавистью и презрением, но решил не отвлекаться от задуманного опыта:

— Смотри, — начал объяснять дядя. — Одна колба пустая, в другой, — насыпал дядя немного гороха, — уже есть кой-какие знания, которые тебя интересуют. — Горошина, — тут дядя выхватил одну ложкой из миски, — это ответ на нужный вопрос. Кинем ее в пустую колбу. А сейчас бросим такой же ответ в колбу, где уже что-то есть. И перемешаем. А теперь вопрос для дефективных детишек: В какой колбе легче найти искомую горошину?

Ленон догадался и уже начал тянуть руку для ответа, но Гаузен его опередил:

— Я-то думал, — начал Гаузен, и дядя Шел устремил глаза к своему племяннику в надежде на его смышленость, — что будут взрывы какие-нибудь там, фейерверки. А это даже и не опыт, а перетасовка какая-то!

— Любитель дешевых фокусов! — возмутился дядя и стукнул племянника ложкой по голове. — Жаль, что Миральда не превратила тебя в мартышку! Можно было бы устроить тебя в балаган!

— Я думаю, в пустой, — подал голос Ленон, надеясь на похвалу.

— Естественно! Это каждый дурак должен понимать! — сердито согласился дядя Шел.

— Похоже, ты пустоголовый, Ленон, — не удержался и подколот друга Гаузен, все еще потиравший ушибленную голову.

— В этом есть доля истины, — вновь начал объяснять дядя. — Перед тем, как запросить что-то, нужно особым образом освободить разум. Чтобы это сделать, надо долгие годы проходить специальное учение. Ну, или просто очень мало знать о предмете. Но без любознательности и сосредоточенности тоже никак не обойтись.

— Может, читая книгу у себя, ты просто примешивал всякий бред из своей головы, а о Велитии ты не знаешь ничего, потому и информация точнее, — подытожил Гаузен, который начал понемногу разбираться в устройстве Книги Знаний.

— Откуда тебе знать, что в моей голове бред? — обиделся Ленон. Некоторые из историй, вычитанных из Книги Знаний, он действительно успел пересказать Гаузену, но надеялся, что его спутник о них более высокого мнения.

— Потому что иногда ты произносишь мысли вслух! — подразнил юноша, и, к немалому возмущению дяди, выстрелил в Ленона горошиной.

— Я же сказал, ничего не трогать! — отобрал трубочку отшельник и поместил обратно на полку.

— За что? — обиделся в свою очередь Ленон, потирая лоб.

— Чтобы не зазнавался, — вразумительно объяснил Гаузен. — Теперь понятно, почему у меня перед глазами мелькала всякая ерунда, и ничего не читалось. А Ленон так шустро шарит, потому что из другого мира, а о нашем ничего не знает.

— Что?! Катапак подери! Гаузен, ты притащил сюда пришельца?! — громко обвинил дядя, немало перепугав Ленона.

— Почему сразу я? — обиделся на дядю за догадливость юноша.

— Только не говори, что он сам за тобой увязался в другой мир! За компанию! — продолжал горячиться отшельник.

— Кто ж мог знать, что все так выйдет? — защищался Гаузен.

— Если не знал, то зачем тогда совался? — снова упрекнул его дядя.

— Ты что, предлагаешь мне как-то вернуть его обратно? — поинтересовался Гаузен.

— Вообще-то нет, — успокоился дядя. — О перемещениях в пространстве при помощи книги я мог только догадываться. Вообще чудо, что ты перенесся куда-то в другой мир, а потом смог вернуться. Если Ленон сам толком не понимает, как книга работает, то ему не стоит даже и пробовать. Шанс, что он попадет куда-то не туда, слишком велик.

— Ну, так я и раньше об этом говорил! — воскликнул Гаузен, которому захотелось вернуть к себе внимание родственника и похвастаться собственными достижениями. — Вот, взгляни, что мне удалось раздобыть! — показал свой клинок-камнерез Гаузен.

— Ты же знаешь, я совершенно не интересуюсь оружием, — брезгливо покосился на саблю дядя Шел.

— Это не просто оружие! — возразил Гаузен, и, чтобы продемонстрировать ценность своей находки, сделал замах и отрубил от гранитного столика у окна весомый кусок рабочей поверхности. На удивление, пройдя сквозь камень, клинок сабли не застрял в деревянном полу, а отскочил с такой силой, что оружие чуть не вырвалось у Гаузена из рук. Но призадуматься над этим и спросить, что за лаком дядя намазал пол, Гаузен не успел.

— Ах ты маленький мерзавец! — задохнулся от возмущения дядя Шел. — Я тебе покажу пряники-коврижки! Будешь знать, как мне мебель портить!

И он, схватив палку, начал носиться за Гаузенем вокруг стола.

Не зная, как вступить за друга, Ленон робко поинтересовался сквозь шум:

— А вас самого не интересует узнать что-либо из книги? Я могу попытаться найти для вас ответ.

Услышав это, дядя Шел прекратил преследовать своего племянника и глубоко задумался.

— У меня слишком много знаний и слишком мало интереса ко всему новому, — возразил дядя Шел и добавил привычным ворчливым тоном:

— А вам двоим и доверять-то особо нельзя. Спросишь у вас, а вы мне наврете. И думай потом, правда это или нет. Нет уж! Меня и так бессонница замучила!

Стало ясно, что приступы благодушия дяди Шела закончились, и Гаузен решил, что не стоит надолго здесь засиживаться.

— Тогда мы не будем медлить. Срок годности лекарства для Салочки может истечь.

Отдохнув еще немного и попросившись, друзья собрались покинуть башню. Ленон было вознамерился выйти за порог следом за своим спутником, но дядя Шел схватил его за руку:

— Ленон, я ведь спас тебе жизнь. Я вправе попросить ответного одолжения.

Услышав это, юноша испугался, что от него потребуются остаться здесь, чтобы он помогал по хозяйству, но отшельник был иного мнения:

— Береги его, Ленон. Он такой же дурак, как и я, — прошептал ему на ухо дядя Шел и, не сказав больше ни слова, отпустил.

Уже снаружи, Гаузену показалось, что дядя смотрит ему из башни вслед. Он обернулся и помахал ему рукой. Тот сделал вид, что высунулся только для того, чтобы подышать воздухом, и сердито захлопнул ставни. Гаузен только и сделал, что пожал плечами и вместе с Леноном отправился навстречу дальнейшим приключениям.

Выбравшись из болот, Ленон и Гаузен наконец перешли в более привычные и комфортные для прогулок леса Велитии.

— Жалко, я не занял у дяди денег, — сокрушался велит. — Впрочем, старый скряга и не дал бы. Спасибо и на том, что запасами поделился. Даже для тебя не только хлеб, но и сыр с овощами нашелся.

— Я о таком и мечтать не мог, — согласился Ленон, питание которого в последнее время было довольно однообразным.

— А у тебя есть мечта? — оживился Гаузен.

— Ну, мне хотелось бы, например, чтобы вырубали меньше деревьев, — сболтнул Ленон первое, что пришло на ум.

— А это еще зачем? — удивился Гаузен.

— Потому что чем меньше деревьев, тем меньше воздуха, — пояснил Ленон.

— С чего это от вырубки деревьев меньше воздуха? Дерево же место занимает. А чем больше места — тем больше воздуха! — заспорил Гаузен.

Ленон попытался объяснить спутнику что-то про фотосинтез и солнечную энергию, но тот не хотел слушать очередные поучения и перебил:

— И это все, о чем ты мечтаешь?

Ленон сильнее задумался о том, чего бы ему хотелось на самом деле, и на этот раз ответил более основательно:

— Открыть вегетарианский ресторан... и безалкогольный бар... и чтобы все было бесплатно... — разоткровенничался юноша.

— Великолепно, Ленон! Даже такой средневековый чурбан, как я, и то понимает, что ни одно из твоих заведений не протянуло бы и полутора дней, — спустил его с небес на землю Гаузен.

— Ну, так на то она и мечта, пусть даже и несбыточная, чтобы верить в нее, несмотря ни на что, — смутился юноша.

— Ладно, Ленон, — смягчился Гаузен. — Вряд ли я сейчас буду помогать тебе с твоей мечтой, но перекусить немного — это мы можем.

Толи от размышлений, или это было последствие недавнего отравления, но у Ленона неожиданно возникла икота.

— Надеюсь, это Руфи меня вспоминает, — вспомнил Ленон еще одну свою мечту. Но она была слишком личной, чтобы делится ею в пустой дорожной болтовне. Тем не менее, приступ не прекращался и скоро стал настолько ощутимым, что Ленон буквально подпрыгивал на месте.

— Ты что, лягушку проглотил? — поинтересовался Гаузен, которого уже начали раздражать эти надоедливые всхлипы.

— Икота, это как конфета, — попытался объяснить Ленон. — Во рту прохладно и будто что-то есть. Ик!

— Может, тебе по спине стукнуть? — великодушно предложил Гаузен.

— Лучше дай попить из своей фляжки! Ик! — попросил его спутник.

— У меня там не вода! — предостерег Гаузен.

— Так хоть молоко с медом! Я же не стопроцентный веган! — упрасивал Ленон.

— Ну, сам напросился! — протянул флягу велит.

Ленон сделал несколько жадных глотков, и его желудок успокоился. Но вскоре юноша почувствовал странную перемену. Если раньше от икоты его буквально подбрасывало вверх, то теперь его шатало из стороны в сторону. По-видимому, вино, которое Гаузен успел тайком перелить в свою флягу из запасов собственного дяди, было куда крепче обычного.

— Что там было? — спросил Ленон, который уже начал ненароком стучаться о деревья.

— Вино, — ответил Гаузен и пояснил:

— Вино, Ленон — это лекарь сердец.

— Но пьяный человек — это пародия на человека, — пожаловался Ленон.

Посмотрев на то, что творится с Леноном, Гаузен согласился на привал, разжег костер и достал еду.

— Чего же ты мяса не ешь? — вновь стало интересно велиту.

— Мне и своего хватает, — уклончиво ответил Ленон.

— Ну и дохляк же ты, — пошутил Гаузен и показал свои бицепсы. — Вот какие бывают, если есть мясо.

Тут юноша сделал вид, что грызет себе руку. Увидев это, Ленону стало дурно, и он отвернулся. Слегка уязвленный, он решил доказать, что в жизни можно прекрасно обойтись и без мяса. Немного пораскинув мозгами, Ленон поднапрягся и продемонстрировал Гаузену свое новое изобретение:

— Вот! — не скрывая радости, показал Ленон. — Можно обойтись и без мяса! Насаживаешь сыр на палочку и жарить на огне. Я назвал это СЫРделькой. В этот момент сыр расплавился и липкой массой стек прямо в костер. Не растерявшись, Гаузен подхватил прямо с углей слипшуюся массу рукой в перчатке и, подув, сунул ее в рот.

— Действительно, неплохо, — довольно согласился Гаузен, несмотря на огорчение «изобретателя». — Можно было такое даже на выставке в НИИ показывать, особенно с возможностью испытания каждому желающему. Жаль, что сыра больше не осталось.

Немного подсадовав, Ленон не стал держать на друга обиду и решил поделиться с ним самым дорогим из его воспоминаний — о том, как он встретил Руфи.

— Значит, вы встречались, ты приносил колбасу, она — хлеб, и это все? — сделал вывод Гаузен, дослушав историю до конца.

— Ну, если в целом, то да, — согласился Ленон, не понимая, куда клонит его друг.

— Дружище, можешь не расстраиваться, у вас бы с ней так ничего и не вышло, — успокоил Гаузен приятеля.

— Почему это? — огорчился Ленон.

— Потому что бутерброд бы не получился! — выпалил Гаузен, дивясь недогадливости собеседника, и, не зная, как еще намекнуть, схватил ломоть хлеба, положил на него сверху кусок мяса и жадно откусил.

— Я просто не ем колбасу, — все еще не понимая, оправдывался Ленон.

Гаузен, все еще жуя, только недоуменно покачал на это головой и закатил глаза.

— Жаль, что я не могу узнать, как там дела у Руфи, — произнес Ленон, снова вспомнив о родном мире. Книга Знаний, к несчастью, не давала ответа на подобные вопросы.

Гаузен, видя, что Ленон еще не протрезвел, тоже решил приложиться к фляжке.

— Что нас роднит с тобой, Ленон, так это то, что мы оба их бросили, — горестно выдохнул велит, вспомнив про Лин. Услышав эти слова и вспомнив, что именно Гаузен без

предупреждения вывел его из-за стола, Ленон хотел было возмутиться. Но, видя, что Гаузен расстроен не меньше его, решил лишний раз не попрекать друга прошлыми обидами.

— А твоя, как там ее, Руби... Она ничего, — высказал свое мнение Гаузен.

Ленон, еще недавно представлявший, что случилось бы, если она вдруг оказалась рядом с ним, при этих словах не на шутку перепугался. Ему пришло в голову, что Гаузен начал бы на нее заглядываться, и он немедленно распрощался с этой иллюзией.

— Она думает, что ты бандит, — признался Ленон.

— Видала она бандитов, — усомнился Гаузен и подумал, что поторопился хвалить чужую девушку. — Да и сам-то ты тоже хорош! Ты вообще вел себя с ней как неживой! Будто не умеешь любить.

— Неправда! — возмутился Ленон и печально прибавил:

— Если человеку трудно выражать свои чувства — это еще не значит, что он не умеет любить!

— Да чего тут выражать! Схватил да прижал посильнее! — не выдержал Гаузен.

Услышав эти слова, в голове у Ленона сквозь опьянение промелькнула внезапная догадка:

— Ты обидел Руфи!

Он вспомнил, с каким выражением смотрела Руфи на Гаузена.

— Ты ее чем-то обидел, и в этом не признаешься! — снова обвинил Ленон.

— Да как я ее мог обидеть?! — попытался уклониться от ответа Гаузен. — Вон, в книжке посмотри, если не веришь.

— Ты сам прекрасно знаешь, что я не могу узнать этого в Книге Знаний! — возразил Ленон.

— Да сдалась мне твоя истеричка! — не выдержал Гаузен. — Только и умеете оба с ней, что скандалить.

— Как ты смеешь так говорить о ней! — возмутился Ленон. — Я этого не потерплю!

— А чего я такого сказал? — не сдавался Гаузен. — Я всю правду сказал!

— Тогда я обязан заступиться за ее честь! Даже если мне придется сражаться за нее на дуэли! — вспыхнул обычно мирный, теперь же распаленный алкогольными парами Ленон.

— Дуэль? Да у тебя и перчатки нет для вызова, — удивился Гаузен.

— Плевать на правила! — окончательно расхрабрился Ленон.

«Ну, дружище, ты сам напросился» — подумал Гаузен и заявил:

— Если ты меня вызвал, то у меня есть право выбрать оружие и начать поединок.

Тут внутри Ленона все похолодело. Он вспомнил, что не только не обучен обращению с каким-либо приличным оружием... Он и драться-то совсем не умеет! Неужто Гаузен хладнокровно прирежет его, как теленка на мясокомбинате? Но из-за того, что была затронута честь его дамы сердца, он не решался отступить.

— Тогда я выбираю дуэль на плевках, — назвал Гаузен самое безобидное из всех видов единоборств, которое только пришло ему в голову, и несмертельно плюнул Ленону в левый глаз.

— Сам же говорил, что против насилия. А это и насилием-то даже не назвать нельзя! Теперь можешь спокойно рассказывать своей девчонке, как вступился за ее честь, — успокоил друга Гаузен, примирительно положив ему руку на плечо.

— Плевать — это уже не дуэль, а скандал, — обиженно утерся издавшим виды носовым платком Ленон.

— Хорошо, пусть тогда будет еще одна дуэль, если хочешь, — не стал спорить Гаузен.

— Ага! Теперь ты первый вызвал! — обрадовался Ленон. — Значит, мое право выбирать, на чем она будет проводиться.

Вообще-то Ленон подумал, что он имеет право плюнуть в ответ, но ему совсем не хотелось верблюдствовать подобно Гаузену.

— Сыграем в «города», — предложил Ленон и объяснил другу правила. Но вскоре он пожалел об этом, потому что сам он называл известные в его мире населенные пункты, но Гаузен произносил такие места, которые были совершенно незнакомы уху Ленона. В какой-то момент Гаузен замялся, и Ленон с надеждой подумал, что еще немного, и он победит. Но велит, видимо, вспомнив что-то из того, что называл его спутник, начал выдумать собственные варианты:

— Вейноста!

— Амстердам.

— Мусорггородск!

— Канзас.

— Сквернославль!

— Не бывает таких городов! — заявил Ленон.

— Да у вас города только так и называются! — стоял на своем Гаузен.

— Да как тебе не стыдно говорить такое?! — возмутился Ленон и рефлекторно распахнул Книгу Знаний, чтобы подтвердить свою правоту.

— Ага, ты залез в книгу и кучу городов себе подсмотрел. Так нечестно! — восторжествовал Гаузен.

— Ничего подобного! — возмутился Ленон, который всегда играл по правилам.

— Просто ты не хочешь признавать своего поражения! — не сдавался Гаузен.

— Ну, если тебе не нравится, то давай сразимся во что-нибудь еще. Например, в крестики-нолики, — замялся Ленон и пересказал Гаузену правила. Гаузен, выслушав, согласился, и Ленон ножиком расчертил землю на квадратики. Но, несмотря на все усилия Ленона, вышла ничья.

— Хорошо, пусть будет ничья, — вновь согласился Гаузен, который не любил играть в подобные игры, тем более на интерес.

— Это значит, что никто из нас не прав, — схватился за эту возможность Ленон.

— Как скажешь, дружище! — признал Гаузен.

То, что Ленон попытался вступить за честь Руфи, снова напомнило Гаузену о Лин и о том, как он не смог защитить ее от тех трех бандитов. А еще ему сразу не понравился капитан Настар. Он ведь мог как-нибудь доказать его вину еще до отплытия корабля. И если бы он доказал это раньше, пусть и на борту судна, то Лин не торопилась бы так сильно, и они оба сумели благополучно переместиться в другой мир. Может быть, тогда сейчас перед ним сидел не Ленон, а Лин. Гаузен потряс головой, пытаясь развеять тяжелые мысли. В подобных размышлениях он просто не видел смысла — они его угнетали.

— Я просто иногда боюсь, что больше никогда не увижу Руфи, — горестно пожаловался Ленон.

Услышав эти слова, Гаузен поймал себя на мысли, что Книга Знаний разделила Ленона от Руфи, а Гаузена от Лин. Неожиданно на Гаузена накатила такая злость на злополучную реликвию, что ему захотелось сжечь ее. Но, вспомнив, как эта книга много значила для светловолосой служительницы ордена Всемзнания, юноша быстро взял себя в руки.

— Извини, я повел себя по-дурацки. Но ты-то хотя бы заступился за свою девушку, даже спас ее один раз. А вот я не смог сделать ни того, ни другого, — покаялся Гаузен. — Я только и делал, что втравливал Лин в разные неприятности.

— Руфи тоже часто жаловалась на меня, — признался Ленон, вспомнив их с девушкой парковые разногласия.

— Дружище! Нам нельзя с тобой ссориться. Мы ведь два сапога пара! — провозгласил Гаузен.

— И оба на левую ногу... — закончил Ленон, вспомнив поговорку дяди Шела.

— Верно подмечено! — подхватил Гаузен, рассмеявшись и хлопнув себя по коленям.

— Гаузен, а ты не дашь мне еще отхлебнуть из своей фляги? — вдруг попросил Ленон, расчувствовавшись.

— Смотри не пристрастись, а то будешь как дворник Степаныч, — протянул выпивку Гаузен. Услышав подобное сравнение, Ленон чуть не поперхнулся, но нашел в себе мужество сглотнуть.

— На! Зажуй, — протянул Гаузен припрятанный кусочек сыра Ленону. — Как говорил Степаныч, важнейшие из закусок — это вино и сыр.

— Это говорил не он. И не так... И из-за того, кто говорил это так, как надо, у семьи Руфи отняли парк, — вспомнил Ленон и погрустнел.

— Ну, если он такой негодяй, твой говорун, то нечего о таких и вспоминать тогда, — пожал плечами Гаузен и переключился на более приятные для разговора у костра темы:

— Твоя Руфи такая боевая! Лин тоже всегда сумела постоять за себя. Мне от нее часто доставалось!

— Ты что, дрался с ней? — удивился Ленон.

— Нет, в основном только защищался. А еще она постоянно придиралась ко мне и читала нотации. Могу поспорить, что и ты от своей Руфи натерпелся?

Ленон уже хотел согласиться, но подумал, что у него скорее язык отвалится, чем он скажет про Руфи хоть что-то плохое, и только замотал головой. Тут он вспомнил, что тогда в парке Руфи хотела забрать книгу, но он ей этого не позволил. А что, если бы случилось наоборот? Что, если бы Руфи сумела ее прочитать, а Гаузен отыскал бы ее и забрал в Велитию? Где бы он был сейчас? Что бы с ним произошло? Ленон вновь затряс головой, пытаясь отвертеться от назойливых мыслей.

— Больно часто ты головой стал трясти? У тебя вши, случаем, не завелись? — насторожился Гаузен.

— Нет, просто парочка нелепых мыслей, — объяснил Ленон. Чтобы отвлечься, юноша решил почитать Книгу Знаний. Ему было необходимо больше разбираться в здешней жизни и ее обычаях, чтобы избежать новых неприятностей. Не думая ни о чем конкретном, Ленон наткнулся на историю под названием «Древень в деревне»:

Одному древню надоело целыми днями изображать из себя дерево, и он покинул родные леса и отправился в город. Ему удалось утаить свои передвижения от посторонних глаз, так как корнями он хорошо чувствовал колебания земли. Древень просто останавливался, когда слышал, что издали кто-то приближается, и его принимали за обычное дерево.

Уже ночью он добрался до одного селения и решил отдохнуть в саду, где земля мягче и питательней. Но отдыху древня помешали воры, которые залезли в сад за яблоками. Древень спокойно наблюдал, как они обирают соседние деревья, но когда они залезли на него, чтобы

им было удобнее дотянуться до плодов ближайшего дерева, он, не выдержав, покачнулся и преступники свалились вниз. Воры посчитали, что это случайность и залезли снова, но в этот раз древень обхватил воров своими ветвями и зашвырнул в кусты.

Испугавшись, расхитители бросили награбленное и побежали по деревне, громко вопя, что в саду завелось страшное чудовище. Вооружившись чем попало, жители повыскакивали из домов, но древень, раздосадованный, что ему не дали спокойно отдохнуть, уже скрылся в лесу. В отличие от воров, которым пришлось тяжело, когда жители нашли в чужом саду брошенные мешки с фруктами.

— Ленон, что за ерунду ты только что рассказал? — отозвался Гаузен. У Ленона действительно была такая привычка. Когда он слишком увлекался книгой, он начинал читать вслух.

— Ну, так я же не концентрировался, — начал оправдываться Ленон. — Решил только заглянуть для интереса.

— Во-во! Много будешь думать — голова заболит, — поддержал Гаузен и добавил по существу:

— Древень, чтоб ты знал, это помесь зверя и дерева. Можно сказать... зверево.

— И букашки, и зверушки, и игрушки в мультиках бывают живыми, но деревяшки! — продолжал удивляться Ленон. — Разве что после соответствующей обработки... как Пиноккио!

— Вот-вот! — не понял Гаузен. — Древень отвесит один только пинок и о-о-о! Как ты далеко улетишь, — показал рукой куда-то вдаль юноша. — Хотя какой пинок? У него и ног-то нет. Только щупальца, как у паука.

— У паука нет щупалец! — не мог не заметить Ленон.

— А что есть? — удивился Гаузен.

— Лапки! — уверенно изрек Ленон.

— Смеешься! Лапки у заек, а паук — это грозное животное! — возразил Гаузен.

— Тогда ножки, — предложил другую версию Ленон.

— Ножки скорее у табуретки, — отмел Гаузен.

Тут Ленон исчерпал все варианты и замолчал, и Гаузен вновь взял разговор на себя:

— Вообще, кроме древней хватает всякого зверья, но ничто не сравнится с драконом! Но для драконов мы с тобой мелковаты. А что же до остальных... С таким клинком живым я им не сдамся!

— А мертвым? — сболтнул, не подумав, Ленон.

— Сдамся ли я мертвым? Мертвецы, Ленон, не берут пленных! Они съедают живьем всех, кто попадается им на зубок!

Услышав столь страшную концовку, Ленон поначалу испугался соваться обратно в книгу. Мало ли что напавидится! Но вскоре не смог перебороть искушение и вновь принялся выискивать что-нибудь поинтересней.

— Ерунду всякую читаешь, да еще на ночь, — пробормотал Гаузен, недовольный тем, что Ленон обделил его своим вниманием, и громко зевнул. — Хотел я рассказать тебе смешную историю, но как-то позабыл, что там в конце приключилось... Сам-то собираешься лечь или нет? Хватит уже читать эту скучную книгу!

— Почему скучную? Ты же ее не читал! — напомнил Ленон.

— Потому и не читал, что скучная! — настаивал на своем Гаузен. — Все книги скучные!

— А я не могу оторваться, — виновато объяснил Ленон.

— Клеем, что ли, намазана? — подивился Гаузен, и, не дождавшись ответа, закончил:

— Ладно, будем считать, что ты сегодня стоишь на карауле.

После этих слов Гаузен повернулся на другой бок, а Ленон еще долго сидел за Книгой Знаний, познавая новые факты о Велитии и ее обитателях. Но настал момент, когда усталость возобладала над интересом, и Ленон решил отойти ко сну. С наступлением темноты похолодало так, что Ленон решил улечься поближе к костру.

«А что, если книга может передавать знания не раскрываясь?» — подумал Ленон. В эту возможность ему и самому не сильно верилось, но так как книга была волшебная, от нее можно было ожидать чего угодно.

— По крайней мере, не нужно платить за квартплату, свет и тепло, — утешил себя мыслью Ленон, устраиваясь поудобнее и подкладывая книгу под голову.

Спал Ленон, одолеваемый тревогами о доме и Руфи, весьма беспокойно. Ему снилось, что он берет в руки Книгу Знаний, а на обложке написано «Как вернуться домой». Он разламывает ее посередине и видит, что из одной страницы на другую крупными буквами черным по белому написано «НИКАК».

Внезапно кошмар юноши прервала яркая вспышка, а затем он почувствовал резкий и очень неприятный запах.

— Неужели опять! — испугался Ленон и ощупал штаны. Но горелой кожей пахло совсем не от него. Горела Книга Знаний. Похоже, что, ворочаясь во сне, он нечаянно столкнул ее в костер.

Истошно завопив, Ленон выхватил книгу из костра и начал остервенело топтать ее, пытаясь сбить пламя. Убедившись, что огня больше нет, он поднял книгу с земли. Переплет был почти обуглен, а страницы заметно потемнели по краям.

Ленон, не зная, что делать дальше, решил разбудить Гаузена. Он пытался потрясти его, но вызвал лишь щекотку. Очнувшись, Гаузен начал продирать глаза. Ему, в отличие от Ленона, снился приятный сон, но он уже не помнил его содержания, а от щекотки ему стало смешно, так что он совсем не расстроился. Ленон, увидев, как его напарник поднимается, испугался показывать, что натворил, и быстро спрятал книгу за спину.

— Что, Ленон? Разбудил меня, чтобы я постоял на страже, пока ты отлучишься? В другой раз можешь так не делать, — великодушно разрешил Гаузен. — Чего такой грустный? Приснился плохой сон? Сейчас я тебя развеселю. Я вспомнил, чем оно там закончилось. Вот, послушай настоящую шутку, — сказал Гаузен опечаленному Ленону, все еще не представляя, что стряслось на самом деле. — Это не то, что твои бредовые байки из Книги Знаний.

Сидят в таверне за столом воин, вор и волшебник и выпивают. И все такие грустные... Ну, прямо, как ты сейчас. Тут воин начинает жаловаться:

«В городе загорелся склад — и теперь я лишился работы. Мне нечего охранять!»

А вор подхватывает:

«Спасибо за новость. Она, конечно, ужаснее некуда, но мне хотя бы ясно, чем можно заняться сегодня вечером. Надеюсь, к пропасти очередь не слишком длинная. Ведь теперь я тоже лишился заработка... Мне негде воровать!»

Тут воин начинает смотреть на вора с таким выражением свирепости. Ну, будто его взгляд говорит: «Ах, все это время это был ты!» Но, в конце концов, узнает собрата по несчастью, и рука, занесенная для удара, обнимает вора.

«Ну а ты чего такой расстроенный?» — спрашивают они у мага, а он им отвечает:

В городе загорелся склад, и меня теперь полгорода ищет. Мне негде спрятаться!

— Ну, ты понял? — чуть не лопаюсь от смеха, поинтересовался Гаузен.

— Гаузен, я... — пытался объяснить юноша, но спутник его не слушал.

— Ну, ты понял, в чем соль? Этот маг... — подавившись смехом, опять не договорил, Гаузен.

— Гаузен, я сжег книгу... — еле слышно сознался Ленон.

— Да-да, сжег! — еще больше смеясь, подтвердил Гаузен. — Это маг сжег склад!

Тут внезапная догадка обожгла кору мозга Гаузена чуть ли не до угольков.

— Ты сжег что?!

— Книгу Знаний, — показал Ленон обгорелые корки. — Ты, кажется, хотел досказать свою смешную историю? — умоляюще напомнил юноша.

— Чем все кончилось?! Чем все кончилось?! — отчаянно завопил Гаузен. — И они вдвоем к-а-ак накинутся на этого мага!

При этих словах он схватил Ленона за грудки и изо всех сил начал трясти его:

— Да что же ты наделал?! Ты представляешь, что эта книга значила для Лин?! Она за нее жизнь бы отдала!

— Я не хотел! Кто же знал, что так выйдет? — дрожащими губами оправдывался Ленон.

— Знаешь, что сказала ярмарочная площадь, на которой не протолкнуться от торговых палаток? — спросил вдруг Гаузен.

— Что? — понятия не имел Ленон.

— Она сказала: «Меня заставили». А тебя-то кто заставлял сжигать книгу?! Кто тебя заставил, а?! Может, кто-то нож у горла держал? На ухо шептал: Сожги книгу, пока Гаузен не видит! — не переставая, кричал и тряс Ленона Гаузен. — Или ты вдруг замерз?! Так вот веток вокруг столько валяется!

Тут Гаузен, желая доказать свою правоту, подобрал одну из палок и высоко поднял ее над головой.

— Пощады, — инстинктивно съежился Ленон, увидев, что Гаузен на него замахнулся.

— У тебя есть, что сказать в свое оправдание? — опустил палку Гаузен, решив, что просто так его не отпустит.

— У меня было тяжелое детство. Вместо воздушных шариков я надувал пакеты из-под молока, — пытался отыскать спасительные слова юноша.

— Тяжелое, говоришь? По крайней мере, ты пил молоко! — возразил Гаузен.

— Я подбирал эти пакеты в мусоре, — не сдавался Ленон, пытаюсь разжалобить спутника.

— Ага, а я-то думал, чего это ты тогда забрался на кучу барахла? Да тебя с детства к помойке тянет! — брезгливо поморщился Гаузен, вспомнив, как сам вытаскивал газеты из мусорных урн.

— Я еврей, — сделал еще одно признание Ленон, грустно заглянув Гаузену в глаза.

— Еврей чего? Это что еще значит? — не понял Гаузен.

— Это значит... Это значит для меня... что я везде чужой, — пытался, как мог, объяснить Ленон.

— А мне-то как везде рады, ты не заметил? Я что, тоже тогда еврей? Да какая вообще разница? — желчно поинтересовался Гаузен и, досадно сплюнув, отпустил Ленона. — В твоей болтовне нет никакого смысла.

— Если бы не мой нос, то я мог бы и не заметить, что горит кожа на переплете. Мы, вегетарианцы, к такому чувствительны, — продолжал оправдываться Ленон.

— А у мясоедов, что ли, чувств нету?! — не выдержал Гаузен, — Ну что за дела?! Хуже ушной инфекции! Мне такое и в дрянном сне не привиделось! О чем ты думал? О чем ты только думал, Ленон?!

Ленону было неловко признаться, что он думал о Руфи, и он молчал, а Гаузен продолжил сокрушаться, переключив свое недовольство на Книгу Знаний.

— А я ведь знал, что она проклята! Надо было выкинуть ее еще тогда, когда обнаружил у себя в сумке. А Лин бы сказал, что потерял вместе с сумкой, не зная, что там внутри. Она бы тогда никуда не отправилась, и мы были бы теперь вместе! А теперь приходится таскать эту вшивую книгу...

— Вообще-то вшивые — это пострадавшие от насекомых-паразитов, — вступился за реликвию Ленон.

— Не заткнешься — пострадавшим будешь ты! — пригрозил Гаузен. — Закопать бы ее вообще, да она магическая! Она только и делает, что привлекает чудовищ и неприятности! Вдруг еще все мертвецы в округе из-под земли повылазят?

— Я сжег ее не целиком, — заверил Ленон и показал обгоревшие страницы.

— Ну, спасибо! Ну, успокоил! Это как утопающему глоток воздуха перед тем, как захлебнуться! Прямо камень с плеч свалился и прямо на ногу! — издевательски поблагодарил велит.

— Ее еще можно читать, — не сдавался Ленон.

— Ну, тогда почитай мне что-нибудь, — потребовал Гаузен.

И Ленон все еще дрожащим голосом начал читать первое, что попало ему на глаза:

— ...И сказал пастырь, да будет день — и был день. И сказал пастырь, да будет ночь — и наступила ночь. И сказал пастырь — обеда не будет. И народ вскричал: Побить его камнями! Но тут выпала манна небесная...

— Да нет, не свою ерунду, — отмахнулся Гаузен. — Как, например, называется столица Хаслинии?

— Калистан, — неуверенно вычитал Ленон.

— Ну, может оно так и есть. Они точно заслужили столицу с таким дурацким названием, — предположил Гаузен, который и сам точно не помнил, как называется столица хаслинского государства. — Назови-ка мне лучше, как назывался орден, который основал Демиан?

— Орден Всезнания.

— Всезнания! — поправил Гаузен. — Книга стала давать неверные ответы!

— Может, я просто неправильно прочитал? — оправдывался Ленон.

— А может, я уже раньше упоминал его при тебе, и ты просто вспомнил? Ладно, другой вопрос — кто был главным врагом ордена Всезнания? — сделал еще одну попытку Гаузен.

— Четыре короля, — порывшись, ответил Ленон.

— Неверно! Орден Охранителей Книг! Из-за тебя в книге все смешалось, Ленон! Как ты теперь думаешь вернуться обратно в свой мир? — снова начал негодовать Гаузен.

— Может, еще что-то спросишь? — испугавшись, что его кошмар сбьется, робко предложил Ленон.

— Ладно, так уж и быть. Чего-то в голову ничего не приходит... А! Знаю! Как зовут наследного... Хотя нет, пусть лучше будет так. Как зовут самого большого ублюдка во всей

Велитии?

— Лекант, — произнес Ленон. На этот вопрос у него вычитать ничего не получилось, и он выдал услышанное от Гаузена ранее имя наугад.

— Похоже, она еще работает, — довольно хмыкнул Гаузен, но тут ему пришло в голову, что когда они вернут Книгу Знаний, им обязательно зададут вопрос, как получилось, что реликвия оказалась в столь плачевном состоянии.

— Подожди, Ленон! Спроси у нее, кто ее поджог!

Ленон, услышав эти слова, испугался, побоявшись, что его может настичь кара за неосторожное обращение с огнем. Но, поколебавшись, юноша все-таки заглянул в книгу:

— Гаузен, нет ответа...

— Попробуй еще раз! — потребовал Гаузен.

— Тот же результат, — ответил Ленон.

Заставив Ленона повторить запрос несколько раз, Гаузен пришел к следующему выводу:

— Ладно, если письменных доказательств нет, скажу, что такой ее и нашел. Ты, главное, в случае чего не сознавайся! Что там за это по закону будет, я не знаю, но у нас — не как у вас! Мораториев всяких еще не навывдумывали.

От последней фразы Ленона буквально передернуло, но, поняв, что худшее позади, юноша начал понемногу приходить в себя и даже выдвинул некоторые претензии.

— И совсем не обязательно было меня бить, — пожаловался Ленон.

— Совсем не обязательно было сжигать книгу! — парировал Гаузен.

— Я ее не сжег — я ее лишь слегка подпалил, — защищался юноша.

— Вот и я же тебя не убил? — отшутился Гаузен.

Ленон, чтобы как-то успокоиться, вспомнил, что Руфи очень любила стихи, и попытался что-то сочинить. Но после сегодняшнего происшествия ему в голову не приходило ничего романтического. Да и рифма у него тоже не заладилась.

— Гаузен, не знаешь рифму к слову «катастрофа»? — спросил у друга Ленон, которому не удавалось сложить и пары строчек.

Вместо ответа Гаузен неблагозвучно выругался.

— Это не рифма! Это часть тела! Ее нельзя вставлять в стихи! — запротестовал Ленон.

— Это не только рифма, — вступился за свой не очень высокохудожественный вариант Гаузен. — Это по сравнению с той ситуацией, в которой мы оказались, одно и то же.

— Ты хотел сказать, синоним? — поправил Ленон.

— Я хотел сказать: «Проклятье, Ленон! Заткнись уже! Ты мешаешь мне думать!» — снова сорвался Гаузен. — Но как приличный человек промолчал, а теперь, Катапак тому свидетель, ты вынудил произнести меня это в слух. Из-за тебя мы теперь глубоко в... — и Гаузен снова повторил слово, которое не подходило Ленону в стихотворение.

— Но вылезать-то все равно вместе будем? — с надеждой поинтересовался Ленон.

— Представить не могу, чтобы случилось что-то хуже, чем это, — вместо ответа проскрежетал зубами Гаузен. — Хотя бы ампула цела. И хватило же мне ума не доверять ее тебе!

После происшествия с Книгой Знаний ни к Ленону, ни к Гаузену сон никак не шел, а рассвет уже маячил на горизонте. Гаузен решил, что после небольшого завтрака нужно, надолго не откладывая, продолжить дальнейшее путешествие в столицу Велитии.

Во время завтрака Гаузен поразмыслил над сложившейся ситуацией и пришел к неутешительным выводам:

— Я-то думал, что отдадим ампулу тете Галатее, а потом отыщем Орден Всемзнания при помощи книги, а теперь она, похоже, изрядно привирает. — обратился юноша к своему спутнику, но тот испуганно промолчал. — Придется все искать самим. Надеюсь, что они не сильно прячутся, а не то придется таскаться по всей Альдории с этой погорелой книжонкой!

— Она не сгорела, она просто плохо выглядит, — оправдываясь, подал голос Ленон.

Тут Гаузен подумал, что пора преподать урок своему спутнику и приучить его к какой-никакой ответственности:

— Послушай, Ленон. Ты ерундой всякой занимаешься! Я понимаю, что может, ты в ней, специалист, и даже зарабатывал ею там у себя... Но в Велитии все это ни к чему! Я тебя о чем недавно просил? Постоять на карауле. А ты даже сражаться толком не умеешь!

— И чем же мне драться? — спросил Ленон. Он вспомнил про свой карманный нож, но решил не упоминать его, так как его мало радовала перспектива превращения в воина.

— Ну да, ну да! Клинок-то только один! А вот мы с тобой пока поучимся на деревяшках.

Гаузен подобрал две палки приблизительно одинаковой длины, которые не успел сунуть в костер. Одну он оставил себе, а другую протянул Ленону.

— Начнем с самого простого. Я ударю, — увидев испуг на лице Ленона, Гаузен поправился. — Несильно ударю, а ты блокируй удар.

Стукнув и заметив, что Ленон схватил палку за оба конца, велит снова поправил приятеля:

— За что ты хватаешь? Это же, как бы, клинок. Ты себе пальцы отрежешь!

Услыхав это, Ленон в ужасе отбросил палку, но, спохватившись, поднял.

— Давай по новой! — скомандовал Гаузен.

Но Ленон медлил и стоял в замешательстве.

— Ну что еще? — раздраженно поинтересовался Гаузен.

— Я забыл, с какого конца у палки рукоятка, — сознался Ленон.

— Да не важно! Хватайся за любой, который понравится, — продолжал учить военному ремеслу своего приятеля Гаузен. — Пстой-ка! У тебя же был нож!

Услышав это, Ленон, зажмурив глаза, скорчил недовольную гримасу. Он надеялся, что Гаузен про это не вспомнит. Хотя он и раньше таскал ножик на крайний случай, но всегда надеялся, что такого случая не наступит. Ленон как огня боялся сражения на настоящем оружии, пускай и в тренировочной битве. То, что Ленон закрыл глаза, и последовавшее за этим недоумение Гаузена сыграло с ними злую шутку, оставив их тылы незащищенными.

В этот неудобный момент из зарослей внезапно выскочили две фигуры в капюшонах. Гаузен, спохватившись, бросился к своей сабле, но опоздал. Клинок был в руках у Арсина, в прошлом учителя и наставника, а с недавних пор его злейшего недруга. Сопровождавший его монах схватил Ленона, который от испуга и не думал сопротивляться.

— Что же ты не приветствуешь своего старого приятеля? — нарушил злое молчание Арсин.

— Привет, Арсин. Ну и как твои ублюдские дела? — съязвил Гаузен.

— Ну, вообще-то, не ублюдские... — попытался поправить Арсин.

— А ублюдочные, пчелиная ты отрыжка? Да тут на каждом шагу понаставили грамотеев, норвящих поправить выговор, — продолжил издеваться юноша.

— Во-первых, правильно говорить не «пчелиная отрыжка», а «мед», а во-вторых, приличные люди так не здороваются! — возмутился от подобного неуважения Арсин.

— Твое здоровье не стоит и ломаной соломины! — выпалил Гаузен. — Верни саблю — ты не за ней пришел!

— Верно! Не за ней, — довольно согласился Арсин. — Но в прошлую нашу встречу ты решил обойтись безо всякого оружия. Может, и сейчас попытаешься?

— Крутить-колотить! — выругался Гаузен. После всех злоключений он не ожидал такого поворота событий. Он думал, что распрощался с Арсином навсегда, и не имел никаких намерений мстить ему за предательство. Но служитель Катапака, похоже, придерживался иного мнения.

— Как ты нашел меня? — попытался разузнать Гаузен. Конечно, Арсин был куда более сообразительным, чем Гаузен, и являлся старательным служителем Катапака, но особыми магическими умениями не обладал. Из-за водной сущности ордена Катапака большинство его навыков сводилось к приготовлению зелий.

— Да я и сам удивлен не меньше твоего! Узнав, что ты сел на корабль, который вскоре пропал без вести, я считал тебя погибшим вместе с книгой и был чрезвычайно расстроен этим. Гибелью книги, естественно, а не твоей. Но каким же надо было оказаться тебе глупцом, чтобы доставать книгу и читать ее прямо перед служителем ордена Воды в храме города Кевина. Он был так огорчен твоим, как обычно, скверным поведением, что написал мне письмо. Вообще-то оно шло в Арту, но вся почта доставляется не напрямую, а от монастыря к монастырю, пока не достигнет конечной точки. Так послания легче сортировать, и гонцам не приходится бегать с одним письмом через всю Велитию. На мое счастье, я был в монастыре неподалеку и получил письмо буквально на следующий день после описанных в нем событий...

— Оптом дешевле, — подметил Ленон, представив себе процесс рассылки, но перебить служителя не рискнул.

— ...Ну а в нем старый Дифул не преминул сообщить про мало кому известные факты о воде, в которые его пытался убедить наглый юнец. Будто бы человек только на две трети состоит из воды. Конечно, этот невежественный старик принял их за ересь, о чем сообщил мне прямым текстом, но я сложил все вместе... и вот я здесь.

Гаузен хотел было сказать, что давно уже не был в храме Катапака, но догадался, в чем дело, и сердито посмотрел на Ленона. Юный велит решил не поправлять служителя. Несмотря на то, что он до сих пор злился на своего спутника, Гаузену не хотелось втравливать его в еще большие неприятности. Пусть он думает, что Ленон — обычный слуга или случайный прохожий. Может быть, он даже отпустит его. Гаузен подумал о том, что без него Ленон вряд ли выживет на просторах Велитии и уж точно никогда не вернется домой, и решил, что сдаваться еще пока рано.

— Вот уж не знал, что ты такой хороший следопыт, Арсин, — попытался лестью отвлечь своего бывшего учителя Гаузен, лихорадочно соображая, что можно сделать в этой ситуации.

— Ты вообще мало чего знаешь, потому что учился хуже некуда, — с глубоким чувством внутреннего превосходства пожурил Арсин. — То, что ты выехал из Арты и не вернулся, а

также твое чудесное спасение от недалеких, но исполнительных стражников натолкнуло меня на мысль, что у тебя там были какие-то другие делишки. Вспомнив твой на удивление чистый, новый и аккуратно сшитый плащ, я походил по лавкам и увидел похожие ткани в магазине Галатеи. А уж кто не знает про ее больную племянницу...

— Ну, ты... Червь-заголовочник! — неумело выругался Гаузен, у которого в голове все смешалось от лихорадочных мыслей о спасении.

— Хочешь сказать, книжный червь? — участливо поправил Арсин.

— Настоящие мужчины не поправляются! — отрезал Гаузен и демонстративно пригладил прическу. — Салочку сюда не впутывай!

— Ага! — восторжествовал Арсин. — Значит, я сложил все правильно! Мне сразу стало ясно, что ты должен будешь в скором времени отправиться в Вейносту, а это значит, что тебя нужно было искать по дороге к ней.

— Прямо отец Браун какой-то, — подивился Ленон, вспомнив имя известного литературного детектива.

— Конечно, у тебя был шанс разминуться со мной по дороге, — продолжал злорадствовать Арсин. — Но издали я увидел столб света и сразу понял, что здесь замешана магия. И я, не мешкая, отправился по направлению к этому месту.

— Как ты смог не заметить столб? — позабыв о том, что не собирался впутывать друга, возмутился Гаузен, которому Ленон ни о чем подобном не сообщил.

— Да я за свою жизнь столько столбов повстречал, что перестал их замечать, — неуверенно оправдывался Ленон. В момент возгорания все мысли Ленона были о том, как спасти книгу, так что на детали он попросту не обратил внимания.

— Оно и видно, что ты с каждым столбом лбом повстречался, — недовольно пробурчал Гаузен.

— А это кто? — повернулся к Ленону храмовник Катапака.

— Мой слуга! — быстро ответил Гаузен, не захотев выдавать друга.

— Что за чушь! У таких голодранцев, как ты, не бывает слуг! — возразил Арсин.

— Ну, у тебя-то оказался, — кивнул Гаузен на прислужника, который удерживал Ленона.

— Ты меня с собой не равняй! — вскрикнул оскорбленный Арсин. — Ты в Велитии вообще лишний человек, а я служитель ордена, избранный Катапаком! И не только им! Всеми богами! Я знал о Книге Знаний давно! Она сама шла ко мне в руки все это время. Е самом начале орден Знаний был един. И его основатель Демиан мыслил верно. Он считал, что главное в том, что знания не нужно раздавать каждому встречному, а сохранять как можно дольше любой ценой. На века! Но после встречи с мыслителем, он, похоже, повредился рассудком. Из-за него в ордене появились еретики, проповедовавшие какое-то глупое всезнание. Они считали, что знать все невозможно, но можно подарить знания всем желающим. Какая глупость! — тут Арсин не удержался и прыснул со смеху. — Понятно, почему в ордене Всезнания остались одни только идиоты!

— Не большие идиоты, чем ты! — злобно бросил Гаузен, для которого теперь оскорбление служителей ордена Всезнания было также и оскорблением Лин.

— Следи за словами! Твоя жизнь висит на волоске! — пригрозил Арсин и не слишком ловко помахал саблей. — В любом случае этой книге не место в руках такого бродяги, как ты! Да ты не понимаешь, сколько добра может принести эта книга...

— Ты хочешь сказать, сколько добра эта книга может принести тебе? — уточнил

Гаузен. — Может быть, ты и не всегда был таким мерзавцем, но жадным был столько, сколько я тебя помню.

— Это не жадность! — возразил Арсин. — Я всего лишь слежу, чтобы ничего не пропадало зря. Ты представляешь, вместе с Книгой Знаний можно возродить орден Охранителей Книг и навсегда избавиться от отступников-всемзнаек! А после за нужными знаниями и советами ко мне потянутся и храмовники, и вельможи, и даже короли. Каждый маломальский послушник из вновь образованного ордена сможет предложить свою помощь, а услуги советников дорогого стоят. Не останется ни одного государства, чьи правители не зависели бы от советов Книги Знаний!

В этот миг Гаузен подумал, что Арсин столько уже наговорил о своих планах, что, вероятно, не собирается оставлять его в живых.

— Хватит уже болтовни! Где книга? Вы не могли далеко ее спрятать! — спохватился Арсин и скомандовал своему сообщнику, ткнув клинком в сторону Ленона. — Обыщи у этого сумку!

— Кажется, нашел, господин Арсин, — отозвался монах. — Только их две. И какие-то они маленькие...

— Это еще что за ерунда! — схватил паспорта Ленона и Гаузена Арсин. Бегло перелистав их, он небрежным движением выкинул их в костер. Храмовник, все еще тыча в Гаузена саблей, подобрался к сумке и вывалил ее содержимое на землю. Заметив искомую книгу, он попытался бережно подобрать ее, но, увидев, что она обгорела, в ужасе выронил ее из рук.

— Что ты сделал с книгой?! — ошарашенно завопил Арсин.

— Спалил, чтобы тебе не досталась, — пожал плечами Гаузен, чем досадил своему врагу еще больше.

— Мерзавцы! Что же вы наделали! Вы сожгли ее! Будьте вы прокляты! Катапак подери вас обоих!

В ярости Арсин бросился на Гаузена с саблей-камнерезом, но Гаузен успел подобрать палку и защититься. На удивление, клинку не удалось даже поцарапать палку. Арсин, неопытный во владении оружием, попытался замахнуться вновь, но Гаузен с удовольствием ударил его по лбу, и сабля выскользнула из рук служителя.

Тем временем Ленон, увидев, что его документы выкинули в огонь, ощутил обычно несвойственный для себя прилив ненависти. Прислужник, который держал его, не решался ни отпустить, ни броситься на помощь своему хозяину. Ленон нащупал в кармане перочинный ножик и изо всех сил всадил шило своему пленителю в ногу.

— Господин Арсин, я прокололся! — закричал монах и выпустил юношу, который немедленно отбежал подальше и подобрал Книгу Знаний.

Сообщник Арсина выхватил меч и бросился на Гаузена, но тот, подобрав саблю, парировал удар, а затем несколько раз атаковал. Неожиданно, клинок оружия противника раскололся, и служитель в страхе побежал прочь.

— Она, несмотря на все, еще может быть полезна! — с диким криком бросился на четвереньках Арсин к Ленону, в отчаянной попытке отнять реликвию. Но Гаузен предотвратил этот опасный маневр, угостив старого знакомого сапогом в подбородок.

— Пленных я не беру, так что можешь убираться хоть в хаслинские зыбучие пески, — презрительно бросил Гаузен.

Арсин, видя, что он растерял все козыри, испуганно посмотрел на кончик сабли,

устремленный ему в лицо, и, нервно озираясь, убежал в кусты.

Тут Ленон вспомнил про свой паспорт и подбежал к костру. Но от его удостоверения личности остались лишь рассыпчатые пепельные воспоминания.

— Это что же получается? Я теперь совсем никто! Как я вернусь домой?! Да из-за утери паспорта заводят уголовное дело! — сокрушался юноша.

— Да не расстраивайся ты так! Все равно здесь он тебе ни к чему, а там тебе новый сделают, — успокаивал Гаузен, не понимая ценности важного документа. — Радуйся вообще, что жив остался. Хорошо, что я вовремя вспомнил, как сабля отскочила от пола в башне у дяди Шела. Этот клинок хорош против камня и металла, который рождается среди камней, но с деревом сладить не может. А ты тоже молодец! Смог ведь дать им отпор!

— Я хотел заступиться за паспорт, книгу и... тебя, Гаузен, — сознался юноша.

— А я знал, что ты совсем не безнадежен! Тренировка пошла тебе на пользу, — улыбнулся Гаузен, тронутый заботой друга.

— Еще пара таких тренировок, и нам уже нечего будет спасать, — грустно посетовал Ленон. — Они вернутся?

— Теперь надо постоянно быть начеку. Но думаю, когда мы вернем книгу ордену Всемзнания, Арсин снова потеряет ко мне всякий интерес, — поделился своими мыслями Гаузен. — Знаешь, нам, наверное, почаще нужно ночевать в помещениях и реже под открытым небом. Надо отыскать какое-нибудь селение и там отдохнуть. Не хотелось бы, чтобы нас застали врасплох еще раз.

Пройдя дальнейший путь без каких-либо происшествий, друзья, наконец, увидели деревню.

— Надо пополнить припасы и устроиться на ночлег, — объяснил спутнику Гаузен, прикидывая, сколько у него осталось денег.

Но в деревне совсем не были рады визиту незваных гостей. Постучавшись в первый дом, они не слышали практически ничего, кроме брани:

— Вас, наверное, послали соседи, чтобы обокрасть нас? Передайте им, чтобы отправлялись к помойной паперти!

— Но мы даже... — хотел возразить Ленон, но дверь быстро захлопнулась, а в следующем доме вообще не открыли. Подобное повторялось в каждом жилище, вне зависимости, стучался в дверь Ленон или Гаузен. А один раз обругали так, что даже бывалому завсегдатаю таверн захотелось бы после такого прочистить уши с мылом

— Черти что! — не выдержал и изрек Ленон самое грубое ругательство из тех, что он только мог себе позволить.

— Чертить чего? — не понял Гаузен. — Нам сейчас не до крестиков-ноликов!

— Да нет, это просто такое ругательство. И оно не от слова «чертить», а от слова «черт», — пояснил Ленон.

— Что за черт? — снова удивился Гаузен.

— Так тоже можно ругаться, — обрадовался Ленон, думая, что нашел с ним общий язык.

— Да нет, что этот «черт» вообще из себя представляет? — никак не мог разобраться Гаузен.

— Он похож на козленка, но со свиным пяточком, — попытался объяснить Ленон.

— Похоже, что его родители познакомились по недоразумению, — пришел к выводу юноша и продолжил удивляться событиям не столь отдаленным.

— Может, на них недавно разбойники напали? — недоумевал Гаузен.

— Разве мы похожи на разбойников? — поддержал приятеля Ленон, вспомнив, что последние встреченные им бандиты сильно походили на монахов.

Друзья продолжили обход, но и в следующих домах повторялось то же самое. Причем, в недобросовестности подозревали не столько уставших путников, сколько соседей.

— Пустишь вас, а вы шуметь будете! — заявили в одном доме.

— Наверное, вас подослали соседи, потому что у них у самих припасы кончились! Да пусть они с голоду помрут! — передали в другом.

Устав от бесполезных попыток обрести хлеб и кров, Гаузену уже захотелось перейти к более решительным действиям, но тут он кое-что припомнил.

— Ну, конечно же! — осенило Гаузена, и он стукнул себя по лбу. Хотя географию Велитии он знал неидеально, но отдельные места еще не стерлись из его памяти. — Это Сапта, деревня вечно ссорящихся соседей. Давным-давно одного проезжего колдуна здесь плохо приняли, и, обидевшись за негостеприимство, тот наложил на деревню могущественное заклятье. С тех пор местные жители не могут помириться. Впрочем, поговаривают, что заклинание давно утратило силу, а деревенские просто привыкли

ссориться друг с другом. Так или иначе, порядочные люди это место обходят стороной.

Гаузен решил для верности постучаться в еще одну дверь, но его послали так забористо, что Великая Китайская Стена по сравнению с этой тирадой казалась ивовой изгородью.

— Лучше бы ты эту деревню сжег, а не книгу, Ленон! — возмутился Гаузен.

— А это мысль... — задумался о чем-то. Ленон

— Неужели тебе действительно хочется обратить всех их в пепел? — удивился Гаузен проснувшейся в его друге жестокости.

— Нет! Что ты! — запротестовал Ленон. — Просто можно узнать в книге, как их помирить.

— Они того не стоят, дружище. Тем более что наш лозунг на сегодня: Мир спасет кто-нибудь другой, — не стал поддерживать Гаузен благое начинание, так как здешние жители, кроме антипатий, ничего у него не вызывали.

— Ведь Демиан был добрым малым! Наверняка он оставил там пару советов на подобный случай, — не сдавался Ленон, которому хотелось доказать, что книга еще не испорчена окончательно.

— Делай как хочешь! Только поторопись, а не то солнце зайдет, и тебе не удастся ничего разглядеть, — устало отмахнулся Гаузен. Он уже и не знал, чего ему хочется больше — ночевать голодным под открытым небом или вломиться силой в чужое жилище.

— Так-так, — зарылся в книгу Ленон. — Чтобы помирить соседей... надо заколотить каждую дверь и сжечь деревню! — прочитал Ленон и в ужасе оторвал лицо от страниц.

— Да у нас теперь втроем единогласно! — развеселился Гаузен, но тут же нахмурился, потому что книга перестала давать дельные советы. — Я бы еще понял, если бы мы только дома подожгли, а жители выбежали и помирились на почве ненависти к поджигателям. Но такое — это все-таки чересчур! Хотя если не верить трехсотлетней запылившейся растрепе, то кому тогда вообще можно довериться?!

— Постой-ка... Я, похоже, не был слишком внимателен, — расстроился Ленон и попытался повторить запрос. — Книга, наверное, подумала «поморить соседей», а не «помирить».

— Вот, Гаузен! — обрадовался в скором времени Ленон. — Кажется, я нашел! Чтобы помирить соседей, надо узнать проблему каждого из них, найти ее решение, но сообщить это не страждущему, а его соседу. И тогда соседи, желая узнать решение своей проблемы, пойдут навстречу друг другу и сначала помирятся, а потом подружатся. Все просто, Гаузен. Мы сможем снять проклятье!

— Просто, говоришь? Да нам придется обойти каждого жильца, потом узнать проблему и отыскать, что им надо. Хватит и двух домов! — скептически отнесся к данной затее Гаузен.

— Но ведь это всего лишь деревня. Строений-то тут не больше, чем в апельсине семечек. К тому же, не все же сразу помирятся, а когда закончим, уже кто-нибудь подobreет и обязательно пустит нас к себе. Да и книга ведь не простая, а волшебная... Она должна уметь снимать проклятья! А еще мне кажется, — мечтательно добавил Ленон. — Что отношения между людьми должны основываться только на любви и дружбе. Даже если это отношения заключенного и тюремщика. Или жертвы и палача.

— Ну, ты сказал, Ленон, — со смехом оборвал друга Гаузен. — Как же палач тебя полюбит, если у него работа такая? Самое крайнее, что он может себе позволить — это постелить на плаху подушку перед тем, как отрубить тебе голову!

— Мне кажется, что человек должен быть прежде всего человеком, а не функцией... И уж тем более не функцией по отрубанию голов, — неуверенно произнес Ленон, не зная, что возразить на это. Он, в отличие от Гаузена, этой шутке скорее расстроился, но все еще был полон решимости помочь жителям невезучей деревни. Поразмыслив, Гаузен тоже согласился, ведь все равно основная часть усилий лежала на его спутнике.

Благодаря книге, Ленону удалось узнать, что в одном доме протекает крыша, а в соседнем — вечно пропадают курицы. Пострадавшие винили соседей в воровстве, но на самом деле в курятнике была незаметная дыра, через которую время от времени залезал хорек. Ленон постучался в дом с протекающей крышей и рассказал жильцам, как решить беду соседей. В противоположном доме он дал подробные инструкции, которые ему удалось вычитать, как и в каком месте починить крышу.

Подобным образом они поступили со следующими соседними домами. Иногда, конечно, книга выдавала совершенно абсурдные варианты, и Ленону с Гаузенем приходилось на свой страх и риск выбирать верное решение. К концу обхода деревни некоторые соседи, тронутые взаимным сотрудничеством, успели помириться. Одни на радостях устроили совместный пир, а представители иных семей даже поженились.

— Вероятно, проклятье ослабло, — обрадовался Ленон. Гаузен тоже был доволен, так как чуть ли не в каждом доме их встречали, как героев.

— Зачастил я на свадьбах гулять. Неужели и моя очередь скоро наступит? — пришло в голову Гаузену. Но, вспомнив Лин, в нем, несмотря на хмель, поубавилось веселья.

— В гостях хорошо, а дома ... пакет кефира в холодильнике прокисает, — заявил Ленон, которому в этот момент, похоже, тоже пришли подобные мысли.

Гаузен, услышав про срок годности, вспомнил про лекарство для Салочки:

— Ленон, глянь-ка в инструкции к ампуле. Сколько нам дней осталось?

— Срок годности несколько месяцев, — прочитал Ленон.

— Тогда у нас еще много времени, — успокоился Гаузен.

— Подожди-ка, — внезапно спохватился Ленон. — Тут что-то написано мелким шрифтом. Несколько месяцев — это при хранении в холодильнике. А при комнатной температуре и того меньше.

— Это не страшно, — махнул рукой Гаузен. — Мы в комнатах надолго не останавливались.

— Да нет, не в этом смысле, — возразил Ленон. — В смысле, нормальной, уличной. Здесь даже написано, как зависит срок хранения от температуры.

Услышав формулу, Гаузен недоуменно пожал плечами.

— Ты что, математику не знаешь? — удивился Ленон.

— Мать-и-мачеху? — не расслышал велит. — Ленон, цветочки-лепесточки это для девчонок, а не для настоящих мужчин вроде нас с тобой!

— Да нет, я имею в виду арифметику, — уточнил Ленон, втайне порадовавшись тому, что Гаузен признал его за равного.

— Как же не знаю! — вспомнил Гаузен, что изучал нечто подобное в монастыре. — Я и грамматику знаю. Существует три наклонения — повелительное, уважительное и уничижительное. А у арифметики существует две разновидности — занимательная и отдавательная. В зависимости от того, сколько у тебя монет в кармане завалилось. Но ты лучше сам рассчитай. А-то я перебрал слегка, — устранился от ответственности юноша и снова наполнил себе кружку.

Ленон, приняв аргументы друга, сначала попытался вычислить оставшееся количество дней в уме. Закончив подсчеты, юноша подумал, что мог ошибиться. Тогда он вынул блокнот с ручкой и заново попытался решить задачу в письменном виде. Но результат почти не изменился.

— Гаузен, у нас осталось не больше недели, — печально произнес Ленон.

— Меньше недели? — не поверил своим ушам велит. Юноше так хотелось помочь племяннице тетушки Галатеи. Хотя он ни разу не видел ее, но часто представлял себе, как она выглядит. Но еще чаще он пытался представить, как девушка будет выглядеть с нормальными здоровыми ногами. И вот теперь то, ради чего они рисковали жизнями, так и останется недостижимой мечтой!

— Да легче курице высидеть вареное яйцо, чем нам успеть вовремя! — пришел в отчаяние Гаузен. — Столько старались, и все зазя! Дружище, мы с тобой всего лишь два жалких неудачника... — горестно прошептал он.

— Нельзя так говорить о себе! — попытался успокоить Ленон. — Каждый человек по-своему велик!

— Какой идиот сказал тебе эту ерунду? — недовольно огрызнулся Гаузен.

— Журналист не должен выдавать своих источников, — смутился Ленон, который не хотел говорить плохо о своем начальстве, пускай даже и о бывшем.

— Да ладно, не на допросе же, — махнул рукой Гаузен. — Кому я могу разболтать? Но если не хочешь, то не говори...

— Каждый человек масштабен, уникален и монументален, будто отдельная вселенная! — не сдавался Ленон. — Даже самый убогий и несчастный бродяга, как бы он низко не пал, скорее подобен руинам Колизея. И я слышал, что Колизей недавно начали восстанавливать... Может быть, и у нас еще не все потеряно?

— Поверь мне, Ленон. Некоторые руины лучше сравнять с землей, — возразил Гаузен, вспомнив Леканта с его треклятым замком. Юноша понемногу начал успокаиваться, но взрыв отчаяния сменился тихим унынием, которое ему захотелось смешать с вином и утопить на дне бутылки. Но, подумав, Гаузен все же решил, что пока срок годности лекарства не истек, сдаваться просто бессмысленно. Он пообещал себе, что во что бы то ни стало попытается отыскать другой путь к спасению Салочки.

На следующий день Гаузен попытался одолжить у местных жителей лошадей, чтобы ускорить путешествие. Но этого, равно как и денежной награды, ни у кого не оказалось.

— Какие деньги, дорогой ты наш? Мы здесь все такие бедные, что даже бродячие торговцы обходят нас стороной, — пожаловался староста, дернув пальцами за одну из многочисленных заплат на одежде. — Возьмите лучше гусем, — протянул важную птицу деревенский голова.

— Ты мне на нем летать, что ли, предлагаешь? — возмутился Гаузен. — Зачем мне живой гусак?

— Уж какой есть! — обиделся староста. — Лучшей птицы вам во всей округе не сыскать!

— Ладно, если его ощипать да зажарить, то будет чем по дороге отобедать. Да и отужинать тоже. И еще про запас останется. А если гусяного сала накапать на хлеб... — хищно облизнулся Гаузен, поняв, что ничего лучшего ему здесь не выторговать. Но Ленон, чьей заслугой по большей части было примирение жителей, решительно отказался от подобного подношения. Он не хотел, чтобы из-за них погибла невинная, как ему казалось, птица, и попросил выдать награду валютой помельче. В итоге, гуся разменяли яйцами.

— Я слышал, что они полезны для мышц, — успокаивал Ленон своего друга, который уже мысленно приготовил себе жаркое из гуся.

— Да плевать на гуся! — огрызнулся Гаузен, который терпеть не мог, когда его утешали. — Нам нужны лошади, а не всякий скот подножный! Надо поторопиться, иначе не успеть, и Салочка пропадет!

— Может быть, их удастся раздобыть в следующем поселении? — без особого оптимизма предположил Ленон. Он никогда на лошадях не ездил, поэтому к верховой езде относился с опаской.

— Не получится, — покачал головой Гаузен. — У нас не хватит денег, а заработать, с нынешней точностью книги, их нам навряд ли удастся. В прошлый-то раз с нетронутой книгой я чуть не сгинул! А теперь она может заманить нас в заведомую ловушку. Похоже, нет другого выхода... — горестно вздохнув, сообщил Гаузен.

— Какого? — насторожился Ленон. Он все еще помнил, пусть и шутливое, предложение о продаже в рабство.

— Придется продать саблю. Следующий город довольно крупный. Может, и удастся выменять на пару лошадок.

Гаузен понимал, что он страшно продешевит, но другого варианта не видел. И даже в этом случае ему пришлось бы сильно поторопиться, так что лошади должны быть быстрыми и выносливыми, а не какими-то доходягами. При последней мысли Гаузен покосился на Ленона и задумался, переживет ли он вообще поездку? Привязать его к лошади или скакать одному?

— Слишком много мыслей, — отмахнулся Гаузен. — У нас и лошадей-то пока нет.

Выйдя из Сапты, спутники отправились напрямик к городу Ротану. Идя по дороге, Ленон и Гаузен коротали время разговорами о разных вещах, пока с ними не случилось неожиданное дорожное происшествие.

— Плотина... — удивленно протянул Ленон, увидев, как куча бревен перегородила им

путь.

— Плати-на и проходи-на, — поддержал Ленона голос из кустов и на дорогу вылез бандит. Гаузен сразу узнал в нем Зубочиста. Переглянувшись с ним, Гаузен понял, что сейчас у них будут отнимать не только деньги.

— Беги Ленон! Эти точно убьют! — отчаянно приказал Гаузен другу и вытащил саблю.

Ленон вспомнил обещание, которое взял с него дядя Шел. Но как бы он не хотел оставлять Гаузена, ему пришлось подчиниться. В прошлые разы непослушание Ленона дорого обошлось им обоим. Юноша побежал без оглядки в лес.

— Хватайте мальчишку — у него книга! — скомандовал подоспевший на место главарь Кловиад, показывая пальцем вслед Ленону. Видимо, он раскусил стратегию Гаузена и послал наименее боеспособного бандита, который бы смог только оглушить беглеца. Зубочист же с Кловиадом представляли куда большую опасность и намеревались расправиться с Гаузенем.

Репей с дубинкой в руках ринулся вслед за Леноном. Гаузен понял, что не может допустить, чтобы его друга догнали. Он рванулся к Репью и ударил наотмашь, целясь пониже колен. Репей упал. Гаузен отскочил от раненого головореза, не дожидаясь, поднимется он или нет, так как должен был отразить атаку Кловиада. Тот замахнулся своим огромным мечом, но юноша решил нанести встречный удар. Меч Кловиада откинуло вместе с владельцем на несколько шагов, но клинок не раскололся на куски.

— Еще пару раз, — прикинул Гаузен, и его взор обратился на Зубочиста. Тот несся на него с тяжелой алебардой. Гаузен рассчитал удар и обрушил саблю сверху вниз по металлической части. От удара лезвие вражеского оружия не сломалось, но вонзилось глубоко в землю под острым углом. Пока разбойник пытался вытащить алебарду, юноша ловко вбежал по древку и со всех сил пнул по обожженному лицу Зубочиста, спрыгнув с конца древка и удачно приземлившись от него в пяти шагах. Кловиад, который раскусил силу клинка Гаузена, решил поменять тактику. Чтобы лишний раз не скрещивать клинки, он попытался насадить тело юноши на меч. Гаузен сумел уйти от удара в сторону, успев, развернувшись, ударить сверху по клинку. Меч Кловиада разлетелся на две крупные части, не считая множества осколков, своим блеском на миг ослепив и дезориентировав юношу. Гаузен уже хотел достать и самого главаря, но тот сумел отскочить от направленного на него удара. Кловиад вытащил нож и, видимо, собирался продолжить сражение, но, похоже, оценив свои шансы, метнул оружие в сторону Гаузена. Юноша успел отпрыгнуть, так как ожидал чего-то подобного, и лезвие нашло другую цель. Оно вонзилось в руку Зубочиста, который уже успел очухаться и пытался подобраться сзади. Взвыв, бандит выронил алебарду. Гаузен быстро осмотрелся. Маневр Кловиада не прошел напрасно, и главарь разбойников спешно покидал поле боя. То же самое пытался сделать и раненый Зубочист. Юноша обернулся. Репей, судя по лицу, наиболее глупый из всех троих, похоже, решил, что, выиграв битву в одиночку, он станет если не главарем, то вторым в банде. К тому же, из-за раны на ноге он не мог бегать так же быстро, как его товарищи, но держать дубинку сил ему хватало. Медленно, оттого, что рана не позволяла, или противник просто боялся поскользнуться на собственной крови, Репей начал надвигаться на Гаузена. Гаузен попытался найти брешь в его защите, но столкнулся с деревом. Видимо, оружие оказалось из мореного дуба, так как юношу откинуло сильнее прежнего. Репей, похоже, осознал свое превосходство, и начал с еще большим усердием беспорядочно размахивать дубинкой. Ленон занял защитную стойку, сделав вид, что собирается и впредь отражать его удары, произвел обманный финт и,

поднырнув в ноги разбойника, изо всех сил вонзил саблю в его живот. Репей тупо устался на Гаузена, и, сделав пару шагов, рухнул в дорожную пыль.

«Хорошо, что Ленон этого не видит. Он бы потом всю ночь не заснул» — подумал Гаузен. После непредумышленного убийства он был крайне ошеломлен и вообще чувствовал себя ужасно, хотя и понимал, что если бы он поступил иначе, то принес бы Репью огромную радость, а себе — еще большие страдания.

— Если бы такая сабля была у меня раньше... я бы смог защитить Лин! Не нужно было бы ни от кого бежать! Никуда торопиться! Никто бы меня не остановил! Даже на корабле! — смешалась горечь со злобой в голове у Гаузена. Гаузен уже хотел было погнаться вслед за остальными разбойниками и отомстить за Лин, но понял, что опять может потерять Ленона из виду. Он уже собирался обернуться и побежать по следу спутника, но тут что-то стукнуло его по темечку, и в его глазах начало резко темнеть.

— Не убивайте его... пока, — услышал знакомый с давних пор голос Гаузен, перед тем, как погрузиться в сумерки беспамятства.

Очнувшись, Гаузен услышал, как Кловиад спорит с Арсином.

— Без меня вы бы его так и не поймали! — пытался доказать Арсин.

— Тебе-то какое дело? Тоже мне нашелся благодетель! — не скрывал презрения Кловиад.

— Катапак — бог благородный и справедливый. Нужно выполнять соглашение, — настаивал Арсин.

— Какие с тобой могут быть уговоры, лысая ты башка, — оборвал Кловиад и звучно сплюнул. Он повернул голову в сторону Зубочиста, который уже успел обмотать руку тряпкой.

— Ты надежно привязал? — осведомился главарь, который, похоже, не считал рану достаточно тяжелой, чтобы его последний из оставшихся в живых подчиненный отлынивал от своих обязанностей.

— В каком смысле? — не понял Зуб. Видимо, он не знал, что проверять в первую очередь — прочность узла или самой веревки. Или просто подумал, что главарь решил справиться о повязке на его свежем ранении.

— Ну не в смысле же — подарил медальон в знак привязанности! — разозлился Кловиад тому, что его приказы оспариваются.

Гаузен решил не подавать виду, что он очнулся. Он даже боялся пошевелинуться, чтобы проверить пути, или открыть глаза, чтобы осмотреться, так как бандиты могли заметить то, что он пришел в сознание. Правда, на что было надеяться, он не знал:

— Поймите же, сбежавший мальчишка обязательно вернется. Где первый, там и второй! А после и книгу у него отберем, — пытался вразумить бандитов храмовник.

— Вернется — ну и отлично. И без твоей помощи его запросто дождемся! — пока еще по-хорошему пытался спровадить Арсина Кловиад.

— Ага! Без меня! Без меня бы вы так и грабили всяких голодранцев на дороге. Если мальчишка вернется, мало ли, спасти друга, то кто, как не я, вам поможет? — не внимал намекам храмовник.

— Не понимаю, чего ты хочешь? Заполучить книгу себе, водяная служка? Можешь валить отсюда, и без тебя на нее есть желающие, — отрезал Кловиад.

— Сами подумаете, господа головорезы. В этом дельце у меня нет никакой корысти.

Вот и меч неплохой обрели с моей помощью. А книгу... Книгу можете оставить себе. У меня интерес всего-то — вычитать там пару строчек, — уговаривал Арсин.

— Ага! — смекнул Гаузен. — Глянешь туда, и только тебя и видели.

Юноша подумал, что Арсину должно быть известно о возможностях Книги Знаний перемещаться между мирами. И, похоже, служитель Катапака готов был рискнуть оказаться неизвестно где из-за слегка подпорченного состояния книги.

— Хитроват ты водохлеб, не нравишься ты мне, — презрительно заметил Кловиад. — Что-то ты не договариваешь...

— Раз уж вы меня гоните, придется мне оставить вас в неведении. Вспомните меня потом, а поздно будет... — сделал вид, что ему надоели эти пререкания, Арсин и зашуршал одеждами, будто собрался уходить.

— Подожди, куда пошел? О чем нам нужно знать? — остановил храмовника Кловиад.

— Паренек-то этот беглый не так прост, как кажется. Он могущественный колдун! Он победил болотную ведьму и снял проклятье с деревни недовольных соседей! — пролил немного света на недавние подвиги Ленона Арсин.

— Видали мы этого колдуна! Только пятки и сверкали, — злобно засмеялся главарь разбойников, не поверив услышанному.

— Ушел, чтобы сконцентрировать свой магический потенциал. А как соберется с силами — так по вам жажнет! И некому будет вас защитить!

— Ты что ль сможешь? — понял, куда клонится дело Кловиад.

— В прошлый раз я его чуть не схватил, да вот этот бродяжка помешал, — заявил Арсин и Гаузен понял, что речь о нем.

— А как звать-то твоего колдуна? — спросил Кловиад.

— У него спроси... — смешался Арсин, но быстро сумел наплести новую ложь. — Может быть, он знает его... тайное имя. Тогда его можно будет вызвать... вместе с книгой.

— Что-то он сильно долго валяется, — вспомнил про пленника Кловиад и со всей дури пнул связанного Гаузена в живот. Юноша раскрыл глаза и закашлялся.

— Как твоего кореша зовут, а? — спросил бандит.

— Его зовут... Твомародеб, — неразборчиво пробормотал юноша.

— Твома-что? — не понял разбойник. — Что за имя такое? Что это значит?

— Это значит, что твоя мамаша родила дебила, — переборов боль, съязвил Гаузен.

— Ах ты мразь! — выругался Кловиад и снова ударил Гаузена.

— Не бойся, я не собираюсь нагнать на тебя страху... Я просто вытащу его из тебя наружу! По-прежнему корчишь из себя героя, остроумного и благородного? Любимого всеми вокруг? Ты не герой, ты падаль! Где твой друг? Он бросил тебя при первой же опасности. А где девчонка? Похоже, ты бросил ее или не смог защитить. И какой же ты герой после этого? — поиздевался над Гаузенем разбойник. Видя упрямство в его глазах, Кловиад схватил голову Гаузена и настолько резко прижал ко рту, что юноша испугался, что разбойник откусит ему ухо. Но он лихорадочно, безо всякой передышки, будто повторял как молитву эти слова изо дня в день и заучил их наизусть, зашептал:

— Я был такой же падалью однажды. Никому не нужной, всеми брошенной. Но до этого я считался героем в своей деревне. Я был самый сильный и ловкий среди них. Мне была обещана в жены самая красивая девушка моего селения. Но вместо меня она связалась с моим братом. Я решил поговорить с ним по-мужски, но после очередной кружки эля не заметил, как вырубился. Очнулся я уже в лодке, застрявшей в песке незнакомого мне берега.

Я сразу все понял. Мой брат подмешал мне в пойло какое-то зелье, а потом сказал всем, что я упился до смерти. По нашим обычаям покойников кладут в лодку, а потом издали поджигают ее. Но мой родной братишка на радостях так напился, что не смог попасть в лодку зажженной стрелой и с десятого раза, пока она не скрылась за горизонтом. А потом меня вместе с течением отнесло в неведомые дали. Я, конечно же, мог бы попытаться вернуться в деревню и все рассказать совету старейшин, и моего брата осудили бы на изгнание. Но я не стал делать этого. Так поступил бы слабак, а не герой. Мне не нужна была ничья защита. К тому же, они сами все видели и должны были догадаться о том, что произошло. Так что вина лежала на всей деревне.

Я стал бродить по лесам. Я собрал банду. Это была знатная орда головорезов, не то, что нынешние остатки, которых, по твоей вине, стало еще меньше. И я вернулся в свою деревню. Я ворвался в свой бывший дом. Мой брат с моей невестой успели пожениться. Они совсем не ожидали меня увидеть. Они сказали, что в тот вечер я сильно напился и потерял сознание. Меня положили в лодку, чтобы речной ветер смог выгнать из меня весь хмель. Но, похоже, веревка прогнила и порвалась, и лодку отнесло дальше по течению. Мой брат утверждал, что искал меня много дней, пока не сдался. Они оба решили, что я по доброй воле покинул родные места, не захотев мешать их с невестой счастью.

И знаешь, что мне пришло в голову, когда я услышал эту историю? Какую только ерунду люди не придумают, чтобы спасти свои жалкие жизни! Мой братишка пытался защитить ее, и я проткнул своим мечом их обоих. Его и ее. И знаешь что? Никого в жизни я не любил так, как ее. Но я разлюбил ее вместе с ее смертью. Когда вырезал ей сердце. Жалкая воровка сердец! Она украла мое сердце, и я отплатил ей той же монетой. А потом я сжег всю деревню дотла.

Кловиад оборвал свой дьявольский шепот и пристально посмотрел Гаузену в лицо, видимо, ища поддержки или понимания, но в глазах юноши были только ужас и отвращение.

— Они предали меня! Что я должен был сделать?! — в отчаянии закричал Кловиад.

— Любовь и дружбу нельзя требовать силой. Ты должен был... простить их, — прошептал Гаузен. — Как Лин простила вас, за то, что вы убили ее наставника.

— Простить?! — разъярился разбойник и изо всех сил ударил Гаузена. — Теперь я не держу на них зла! На мертвых не обижаются! Они заплатили сполна!!! Хватит корчить из себя недотрогу! Наверное, ты сам прикончил девчонку и забрал у нее книгу, после того как она отказала тебе...

Гаузен попытался плюнуть ему в лицо, но сил не хватило, и до бандита долетели лишь жалкие брызги.

— Сейчас у тебя в горле пересохнет навсегда. Зубочист, поддай жару — это по твоей части, — крикнул главарь обезображенному бандиту. Тот вытащил щипцами из костра кусок угля и подошел поближе.

— Кричи имя твоего друга! Кричи, что ты победил, и пусть он возвращается! — приказал Кловиад, в то время как раскаленный уголь медленно приближался к лицу Гаузена. Юноша сжал челюсти и начал сквозь зубы повторять слова знакомой с детства песенки.

Когда-то давным-давно ему было очень тоскливо. Тогда он подобрал полено и попытался выточить его. Но игрушка получилась очень грубая и бесформенная. И Гаузен решил, что это маленький дружелюбный древень. Пускай его уверяли, что все древни — бездушные чудовища, но он твердо верил, что его древень — особенный. Он даже дал ему имя и сочинил песенку:

— Я же Дубадал!
Где ни пропадаю.
Деревянный,
Всем приятный!

Можешь причесать
И везде таска-ать!
В воображеньи
Будут приключенья...

Он мечтал о том, что веселый древень будет защищать его от обидчиков. Однажды так и случилось. Монахи хотели отобрать Дубадала, и Гаузен, упираясь, ударил одного из них игрушкой по голове. И Дубадала бросили в огонь.

— Не понимаю, он плетет какую-то ерунду, — пожаловался своему патрону Зубочист.

— Сейчас заговорит как следует! — пообещал Кловиад и ударил Гаузена в скулу, а когда тот раскрыл рот, схватился за язык и вытянул его из-за зубов.

— Если не крикнешь, что велено, я тебе его закатаю прямо в глотку! — предупредил Кловиад. Гаузен в ужасе следил за кусочком сожженного дерева, пламенеющим светлячком мелькавшим у него перед глазами.

— Последний раз спрашиваю, позовешь или нет? — повторил разбойник, обнажив в жестокой улыбке зубы, показывая, что его устроят оба варианта.

— Если бы они тогда поймали Лин... Они бы так же запытали ее до смерти, — возникла страшная картина перед глазами юноши, и, не выдержав этого зрелища, он заплакал. А потом кивнул.

— Дайте ему воды, а то он совсем охрип, — громко потребовал Кловиад, и Арсин услужливо поднес Гаузену фляжку.

— Не так бы я хотел встретиться с Лин, не так... Но может быть, уже скоро, — судорожно размышлял юноша, глотая воду. Он попытался разглядеть хоть каплю сострадания в глазах у своего бывшего наставника, но все было напрасно.

— Ну все, хватит, — вырвал флягу прямо изо рта пленника Кловиад. — Кричи уже давай, а не то повторим по-новой.

— Хорошо, — согласился Гаузен и закричал:

— Ленон! Мой друг! Меня уже не спасти! Беги отсюда как можно да...

Кловиад, раскусив, что хочет юноша, изо всех сил ударил его в живот, а затем жестом подозвал Зубочиста поближе.

— Выжги ему глаз, — велел Кловиад устало.

— А что потом? — поразился Зуб. Похоже, что даже такой закоренелый бандит не ожидал подобной жестокости.

— А потом выжги ему второй, — спокойно повторил Кловиад.

Тем временем Ленон бежал, не разбирая дороги. Он пытался утешить себя мыслью, что спасает книгу, но это не помогало. Ну почему он не вступился за него, как в прошлый раз в случае с ведьмой? Почему он не вычитал что-нибудь, что помогло бы в этой ситуации? Ведь мог же он предсказать засаду наперед? Мог или нет? Или сделаться могущественным магом. Или... Тут Ленону стало тяжело думать, потому что от бега он начал задыхаться, а в голове стучало так, что он почти не слышал собственных мыслей. Юноша решил сделать передышку. Вдруг из-за деревьев раздался любопытный голос:

— Ты кто?

Ленон, не понимая, откуда голос, остановился в замешательстве.

— А я... Я вегетарианец, — испуганно произнес он первую правдивую вещь, что пришла ему в голову.

— А кто такие вегетарианцы? — не унимался голос.

— Это те, кто не ест мясо животных, — пояснил Ленон, который начал немного успокаиваться.

— Тогда я тоже вегетарианец, — согласился невидимый незнакомец.

— Правда? — обрадовался Ленон и придвинулся поближе к источнику звука.

— Я тоже не ем мясо животных... Только людей, — в этот момент заросли раздвинулись, и на Ленона вышел громила, как ему тогда показалось, как минимум в два человеческих роста.

— Ой, мама! — испугался Ленон, решив, что настал его смертный час.

— Да ты не бойся, я не ем своих собратьев по пропитанию. Я ж не каннибал какой-нибудь, — успокоил гигант.

— Я тоже немного людоед. Однажды я прикусил губу... А недавно порезал палец и сунул себе в рот, — признался Ленон, и, поразмыслив немного, поинтересовался:

— А откуда тебе знать, что люди не ели мяса? Это ведь тоже получается содержание животных ингредиентов...

— Я как-то об этом не подумал, — поскреб голову великан. — Придется теперь исключить людей из своего рациона. А ведь так хотелось нормального человеческого питания! Но все равно спасибо, что открыл мне глаза. Меня зовут Шанто.

— А меня Ленон, — обрадовался юноша, что нашел в такой глуши единомышленника, пусть и в таком удивительном обликии, и пожал протянутый палец. Но его радость быстро испарилась, уступив место недавним тревогам:

— Ой, Шанто. Там позади человек в опасности остался. Ты не мог бы помочь мне выручить его?

— Он тоже вегетарианец? — удивился Шанто.

— Он мой друг, — твердо произнес Ленон, не решаясь соврать.

— Тогда придется помочь, — вздохнул Шанто.

— Погоди, Шанто, — снова оглядел Ленон великана и его внушительную комплекцию. — Вдруг с Гаузенем еще что-то случилось? Если действовать сгоряча, он может пострадать. Наверное, эти нехорошие люди с радостью примут тебя в свои ряды, а когда ты завоюешь их доверие и разузнаешь замыслы, то сможешь вызволить его...

— А попроще нельзя? — запутался в инструкциях Шанто.

— Проще — это как? — насторожился юноша.

— Ну, сложно на словах объяснить, — почесал затылок Шанто. — Ты, главное, дорогу покажи...

Когда юноша выскочил на поляну, он увидел, что один бандит зажал руками голову Гаузена, а другой пытается выжечь ему глаз углем. Но, увидев Ленона, нечестная компания резко обернулась, на время оставив свои изуверства.

— Я же говорил, что он вернется. Сейчас я его... — бросился навстречу знакомый Ленону храмовник, который сжег недавно его паспорт. Но наметившимся планам не суждено было сбыться, так как подоспевший великан схватил Арсина за шиворот и выкинул подальше в кусты. Следом отправился и помощник незадачливого служителя Катапака, который, не отличаясь особой отвагой, предпочел сделать это собственным ходом.

В руках Шанто держал бревно, которое он успел подобрать по дороге. Кловиад отпустил голову Гаузена и попытался вместе с Зубочистом противостоять внезапной атаке, но недавние ранения и напор нападавшего исполина вынудили разбойников отступить вслед за Арсином, потеряв при этом саблю Гаузена.

Гаузен, пораженный лихостью происходящего, пожалел, что его руки связаны, и он не может поучаствовать в сражении. Но долго ему ждать не пришлось — Ленон подошел поближе и начал разрезать веревки, связывающие его друга.

— Гаузен, что они с тобой сделали?! — испуганно посмотрел юноша на потрепанное лицо Гаузена. — Если бы я только не убежал...

— Если бы не ты, Ленон, они бы ослепили меня. А потом мне бы перерезали горло, — содрогнувшись, поведал Гаузен. — Я снова твой должник.

— Ты не должен мне ничего, дружище. Тем более не мне ты должен быть благодарен в первую очередь.

Тут Ленон показал на великана Шанто, который, опустив бревно, скромно стоял в сторонке.

— Матушка моя гусыня! Бежим, Ленон! Это же погром! — освободившись, закричал Гаузен, все еще не веря своим глазам.

— Не бойся, он тебя не съест, — успокоил друга Ленон. — Шанто — это Гаузен. Гаузен — это Шанто.

Но Гаузен не спешил пожимать руку своему спасителю. Он знал не понаслышке о свирепом нраве погромов и в обычное время готов был встретить их разве что в виде чучела.

— Смотри, какой он симпатяга! Давай возьмем его с собой, — предложил Ленон. Шанто, похоже, не возражал.

— Спасибо за доверие, друзья вы мои... сытные, — сказал погром. Услыхав последнее слово, Гаузен настороженно положил руку на плечо Ленона, готовясь в любой момент дать сигнал к бегству.

— Ситные, надо говорить, ситные, — укорил Ленон погрома. Тот стыдливо опустил глаза.

Гаузен, хотя и понимал, что был обязан жизнью погрому, тем не менее, совсем не горел желанием оказаться в его обществе. Нелюдям он не доверял по жизни, да и подобная компания не способствовала тихому и незаметному перемещению по просторам Велитии, в то время как враги не дремлют.

— Он и мухи не обидит, — продолжил уговаривать друга Ленон, у которого, похоже,

начисто вылетели из головы недавние события.

— Конечно! Муху нельзя обидеть! Она такая примитивная, что и чувств-то у нее нет никаких, чтобы обижаться. Вот убить — да! — возмутился Гаузен очевидному несоответствию в логике своего друга. — А вдруг он по ночам лунатит? Если ему в темноте захочется поест, и он встанет во сне, кем из нас он невзначай закусит?

— Вообще-то я не боец и даже не лунатик, — робко подал голос Шанто. — Я на торговца учился.

— Вы только посмотрите! Торговец — погром! — не выдержав, прыснул Гаузен. — Тот он в одежде. А бревно зачем? Ты еще скажи, что проходил мимо и просто пытался продать дрова. Всех клиентов распугал! — попытался пошутить Гаузен, но тут ему стало немного неловко, так как смеялся он над собственным спасителем.

— Нет, я взаправду торговец, — пытался убедить друзей погром. — У меня даже дело было. Пропускал людей по мосту за деньги. Правда, потом речка пересохла, и все стали перебираться вброд. Некоторые люди даже стали прямо под мостом ходить.

— Чего же ты их не хватал? — удивился Гаузен.

— Ну, я же только за мост отвечал. Я погром честный, — смутился Шанто и добавил. — Но у меня есть идея получше. Вы даже сможете помочь мне в этом.

— Помочь в чем? — поинтересовался Гаузен. Вообще-то он хотел объяснить погрому, что они торопятся, и им не до сомнительных предприятий, но любопытство одержало верх.

— Можно сколотить ансамбль. Один будет петь, другой танцевать, третий играть на инструменте. Я долго думал и понял, что если по мосту пройдет не каждый, то музыку услышат все вокруг. И всякий проходящий мимо обязан будет заплатить за удовольствие.

— Тоже мне удовольствие, — фыркнул Гаузен и спросил:

— А если глухой попадется?

— Глухих придется бесплатно отпускать, — пояснил Шанто. — Я ведь честный погром.

— Так в скором времени каждый будет утверждать, что он глухой, дуралей ты набитый! — не выдержал Гаузен. — Не удивлюсь, если рядом с тобой табличку поставят: «Говорите погрому, что ничего не слышите».

— Ну тогда... Тогда я не знаю, что делать дальше... — расстроился незадачливый коммерсант. — Все планы насмарку.

— Смотри, как ты расстроил человека... то есть Шанто, — возмутился суровой критикой Ленон. — Ты заставил его чувствовать себя ужасно! И это твоя благодарность?

— Этот твой Филимон, — пришло в голову Гаузену. — Людоед еще тот, и тоже был коммерсантом.

— Он же исправился! — напомнил Ленон.

— А надолго ли? — усомнился Гаузен.

— А я ведь не просто погром! Я ученый. Точнее, недоученный, — продолжал сокрушаться Шанто.

— Ну и что? — пожал плечами Гаузен, не считавший ученость за достоинство. — Я тоже выпускник многих монастырей и школ. Иногда выпускали пинком под зад. Иногда сам сбегал... А один раз даже ушел от того, что школа сгорела. Что ты так смотришь? — обратился Гаузен к Ленону, который сделал испуганные глаза. — Я тут ни при чем! Я в своей жизни ничего крупнее пары поленьев не поджигал. Но не скажу, что все были плохие... — продолжил вспоминать учебные заведения велит. — В Хаслинии, например, неплохо учили бою на мечях, да и вообще разным боевым искусствам...

— Вы такие умные, — восхищенно прервал Гаузена погром. — Если бы я был таким умным! Мое обучение кончилось тем, что я никак не мог понять, почему в трехэтажном доме этажа три, а лестницы — две.

Услышав это, Гаузенчуть было не покатылся от смеха.

— Ну, как же такое не понять?! Это проще простого! Вот... значит... потому... что... кхм... гм... — пытаюсь разобраться, Гаузен начал было загибать то один, то другой палец, но скоро сдался и решил передать очередь Ленону, который за это время успел подумать как следует.

— Все дело в том, что лестница на каждом конце имеет по этажу, — начал объяснять Ленон.

— Но тогда их должно было быть... — Шанто тоже начал загибать пальцы на своих огромных ручищах. — Раз... два... три... четыре!

— Не совсем! — поправил юноша. — Один этаж — общий.

И Ленон начал перечислять очередность постройки:

Этаж-лестница-этаж-лестница-этаж. Они чередуются! А лестниц в небо не бывает!

— Я, конечно, не совсем все понял, но мне кажется... — благодарно отозвался погром. — Если бы у меня был такой умный учитель...

— Не все еще потеряно, — попытался успокоить Шанто Ленон и сочувствующе протянул руку, чтобы погладить его.

— Если бы у меня был такой учитель, — повторил погром. — То я ни за что бы его не съел!

Услышав это признание, Ленон отшатнулся в испуге.

— Вот это и есть причина того, что я такой неученый погром, — грустно продолжил Шанто. — Мой учитель был поганцем. Хоть он и был ученым, но природу не спрятать, поэтому он постоянно ругался и дрался. А после того, как я не смог понять, почему этажей три, а лестниц всего две, он совсем озверел от злости. А я от страха съел его. Да и поганец он был скверный не только характером, но и нутром. Как он меня с трудом переваривал, так и я его еле проглотил. Одним словом, тогда я желудок испортил окончательно. С той поры я и понял, что окружающих нужно любить в том виде, какие они есть, а не есть в таком виде, как ты любишь...

Но теперь мне очень стыдно, и я не ем ни зверей, ни поганцев, ни прочих нелюдей. Вот если бы я учился в школе, где есть лестницы, я бы скорее разобрался. Но у меня пещерное образование... Пещерное неоконченное. А мог бы дотянуть до магистра пещерных наук, если был бы чуть более терпеливым.

Если до этого Ленон был в ужасе от признания погрома, то теперь он был тронут его раскаянием. Гаузен же, судя по виду, весьма скептически отнесся к словам Шанто. Сам же лесной великан, видя, что спутники до сих пор не сбежали, похоже, принял это как знак расположения к нему.

— Возьмете меня с собой? — попросил погром.

— Тебя-то? Нам такого не прокормить! — не согласился Гаузен, у которого бандиты отобрали большую часть денег.

— Ну, я как-нибудь сам попытаюсь. А еще я могу вас понести, — предложил Шанто.

— Я вообще-то лошадь хотел, — возразил Гаузен.

— Я тоже люблю ржать и овсянку! — обрадовано подтвердил погром.

— Вот этого не надо, — замахал руками Гаузен.

— Возьмем его — он нас, может быть, еще защитит, — упрашивал Ленон, которому стало жалко печального погрома. — Он и вещи сможет понести.

— А тебе только от работы и отлынивать! — съязвил Гаузен и сдался:

— Хорошо, но кормить и убирать за ним будешь сам. Сомневаюсь, но вдруг это сделает тебя более ответственным. А, может быть, ты потом его даже домой к себе заберешь. Представляешь, как твоя Руфи будет рада?

Ленон, нарисовав себе эту картину, содрогнулся, но отказываться от своих слов не стал.

— Да у тебя там столько несъеденных мерзавцев по улицам бегают! — пошутил напоследок Гаузен и компания, в которой произошло заметное пополнение, пустилась в дальнейшее путешествие.

Отправившись вместе с Леноном и Гаузенем, погром Шанто, как никто другой, был рад предстоящим приключениям.

— Наверное, вы оба устали? Давайте, я вас понесу на своих плечах, — добродушно предложил погром.

— Вот уж как-нибудь обойдусь, — как только мог, вежливо отказался Гаузен.

— А я поеду, — обрадовался Ленок, и Шанто немедля схватил его и посадил на плечо.

— Ну, ты только посмотри, нашел он себе нового друга подстать. Прямо тупой и еще тупее, — пробормотал себе под нос Гаузен, все еще недовольный тем, что дал Ленону уговорить себя захватить погрома в дорогу.

— Что? Какой и еще какее? — не уловил Ленок слова, не предназначавшиеся для его ушей.

— Я хотел сказать, что ты не только глухой, но и скупой, — не сдержался Гаузен. — Да у тебя хлеба белого зимой не допросишься! Помнишь, как краюху для друга пожалел? Хотел ведь съесть всю буханку целиком!

— Так это когда было? И тебе вроде она и не понравилась совсем? — возмутился мелочной придиркой Ленок.

— Может быть, я ее просто не распробовал, — настаивал Гаузен. — Ты-то там у себя квадратных булок наелся, а я их только пару раз в жизни видел.

Вскоре Гаузену стало завидно, что он топчет пыль, а его спутник во все глаза рассматривает окрестности, и он тоже попросился наверх. Коренной велит с неудовольствием отметил, что погром развивает скорость, недостаточную для того, чтобы успеть до окончания срока годности лекарства, а это значит, что ему все же придется продать свою саблю. Тут ему пришло в голову, что погрому, пусть даже и незлобивому, вряд ли будут сильно рады в том городе, куда они направляются.

— Если что, скажешь, что это твой дебильный брат-переросток, — объяснил Гаузен Ленону. — Он одет в нормальную человеческую одежду — может, кто и поверит.

— А почему сразу мой? — спросил Ленок, сочтя подобный эпитет весьма обидным.

— И говорить-то я должен, и брат тоже мой. Хватит мне уже дурных родственников! — возразил Гаузен. — Ты же сам подобрал его, не я!

— Но у тебя же лучше получается... — осекся на полуслове Ленок.

— Что получается? — насторожился Гаузен.

— Ну, обманывать, — честно сознался Ленок, не найдя более мягкой формулировки.

— Хочешь сказать, я врун?! — чуть не захлебнулся от возмущения Гаузен. — Да мое так называемое «вранье» не раз спасало тебе жизнь!

— Но оно же меня во все это и затащило, — робко возразил Ленок.

Не желая больше ссориться, Гаузен воспользовался последним аргументом:

— Вы с Шанто больше похожи друг на друга. Такое же глупое... — при этих словах Ленок обиженно поджал губы, и Гаузен поправился. — Прошу прощения, растерянное выражение лица.

Не в силах больше препираться, Ленок прекратил свой спор с Гаузенем.

— Тпру, извозчик ты безупряжный! — остановил вдруг погрома Гаузен, приказал

спустить его на землю и сурово посмотрел на спутников:

— Это вам не пряники-коврижки! Мы тут серьезным делом занимаемся — пытаемся успеть вылечить совершенно незнакомую девушку и при этом как-то умудриться не скопытиться! Мне уже опротивело до тошноты, что меня постоянно выкидывают из таверны из-за каких-то придурков! Чтоб в этот раз такого не повторилось!

— Слушай сюда и повторяй за мной, — снова переключился Гаузен на великана. — Дорогой хозяин таверны, я буду польщен и благодарен, если вы впустите меня и моего брата проживать у вас здесь. Мы не доставим вам никакого беспокойства.

— Дорогой хозяин каверны... — заметно волнуясь, начал Шанто.

— Что еще за «каверна»? — перебил Гаузен.

— Так еще называлась пещера, где я учился, — гордо ответил погром, довольный, что продемонстрировал свои глубокие познания.

— Если будешь так говорить, то там и заночуешь! — пригрозил Гаузен. — Давай заново!

— Дорогой хозяин неверных...

— Ладно, забудь про «таверну» — и так понятно где! — начал терять терпение юноша. — Начинай опять!

— Дорогой хозяин, я смущен и солидарен... — неторопливо проговорил погром и посмотрел на Гаузена. Юноша закрыл глаза на некоторое искажение текста и поднял большой палец вверх.

— Если вы простите меня за то... что мне придется прожевать вас. Но мы не оставим никаких доказательств, — посмотрел на юношу погром в поисках одобрения.

Гаузен от досады громко хлопнул себя по лбу. Как он не заставлял погрома твердить одно и то же, как он не переделывал текст — все было без толку.

— Вот ведь бестолочь тупоголовая! И это меня в школе называли необучаемым?! — захотел прикрикнуть юноша, но вспомнил, что стало с предыдущим учителем, который усомнился в умственных способностях погрома.

— Ладно, вот тебе новый текст на заучивание, — немного подумав, объявил Гаузен и замолчал.

— И какой же? — переспросил через некоторое время погром.

— А это он и был! Ничего тебе не достанется! И попробуй только пикнуть без спросу! — тут Гаузен обернулся и ткнул пальцем в Ленона:

— Теперь ты за него отвечать будешь!

Вскоре они прибыли в Ротан. Местные жители удивленно оглядывались на великана, но особой враждебности не проявляли. Хозяин же таверны «Каменная кружка», где они собирались остановиться, был более категоричен. Он с ног до головы осмотрел компанию, дольше всего задержав свой взгляд на Шанто.

— По-моему, вы проходимцы какие-то, — даже не пытался скрыть своих подозрений насчет порядочности троицы трактирщик.

— Зачем же так обижать усталых путников? — возмутился Гаузен. — Вот он, — указал юноша на погрома, — не проходимец, а непроходимый идиот, а такие, как известно, безвредны.

И Гаузен незаметно ткнул Ленона локтем в бок, намекая, что настал его черед объяснений.

— Это мой брат... брат-тишка, — запинаясь, представил погрома Ленон.

— Тишкой его значит звать? — недоверчиво поглядел трактирщик на гиганта.

— Ну да, он совсем нешумный и много места не займет, — сболтнул Ленон.

— Ври да не завирайся! — сердито шепнул на ухо Гаузен.

— В смысле, он может переночевать в хлеву, — поправился Ленон.

— Не знаю, — с сомнением потер подбородок хозяин. — А он животных не распугает?

— Что вы, — заулыбался Ленон оттого, что среди всей этой лжи ему представилась возможность высказать чистую правду. — Не съест же он их?

Хозяин вновь недоверчиво покосился на погрома, но спорить не стал. Поужинав, Ленон, Гаузен и Шанто улеглись каждый на своем месте. День был нелегкий, и спутникам не терпелось отдохнуть.

Проснулся Гаузен от шума и криков, раздающихся снаружи.

— Неужели погром озверел, как я и боялся? — испугался юноша и растолкал друга. Они побежали в хлев, но Шанто мирно спал. Решив не будить его, они выбежали во двор. Улицы Ротана разбегались в панике. Гаузен взглянул наверх и увидел, что крыши нескольких домов покрыты пламенем.

— Лучше бы предыдущая сгорела, — вспомнил Гаузен про деревню, где их поначалу не очень радушно приняли, а после не очень щедро наградили.

— Непохоже на бытовой пожар. Очевидно, что возгорание зданий произошло снаружи, — попотчевал друга парочкой журналистских штампов Ленон.

— Навряд ли это работа Арсина с Кловиадом, но кто их знает? — сообщил свою версию Гаузен. Они поймали хозяина таверны, чья крыша осталась цела, и он рассказал о том, что слышал:

— Тут рядом дракониха живет. Раньше от нее проблем особых не было. Ну, украдет овцу-другую. Но теперь она просто с цепи сорвалась. Вы ведь те самые, что Сапту помирили? Может быть, и с ней общий язык найдете?

«Что ж ты раньше нас так не встречал? Нет, чтобы о битвах слава шла, а то о всякой ерунде. Да и та, что есть, и не думает нас обгонять» — сердито подумал Гаузен и сообщил:

— Нам в той деревеньке, несмотря на все труды, заплатили всего ничего. Да и риску было куда меньше. А теперь и тут еще за медяки горбатиться?

— Что вы! Мы не какие-нибудь голодранцы. Наградим сполна, — пообещал трактирщик.

— Хорошо! Я согласен на пару лошадей вместе с недельным обеспечением, — заявил Гаузен. Услышав запрашиваемую оплату, хозяин таверны аж крякнул от жадности, но юноша решил, что цену ни за что не сбавит.

— Мы можем подождать пару дней, — предложил Гаузен. — Тогда дракониха перестанет жечь дома и примется за людей.

— Если вы приметесь за дело немедленно, я тут же начну подыскивать для вас лучших скакунов, — испугался хозяин таверны.

Сначала Гаузен обрадовался, что ему, возможно, не придется продавать свою саблю, но, подумав, решил, что еще неизвестно, какой из вариантов безопасней. Ленон же был сторонником мирных переговоров, а подружившись с погромом — еще больше укрепился в своем мнении. И хотя он пугался встречи с настоящим драконом, не меньше его пугала предстоящая поездка на лошадях.

— Ленон, нам нужно немедленно отправиться к драконихе и потолковать с ней, —

поставил в известность Гаузен. Битва с драконом в его планы не входила, но от рептилии женского пола Гаузен ожидал агрессии в меньшей степени.

— А она нас не съест? — насторожился Ленон.

— Да мне-то откуда знать! Сходим — узнаем. Может, она тоже перешла в вегетарианство, как и твой погром. Кстати, его тоже не помешает захватить. Местные, похоже, все же побаиваются его.

Наскоро собравшись, Ленон, Гаузен и Шанто отправились в горную пещеру к драконихе.

Чтобы Ленону не было так страшно, Гаузен решил рассказать по дороге соответствующую ситуации историю:

— Ленон, помнишь ту историю, что я тебе рассказывал? Про воина, волшебника и вора?

Юноша только и сделал, что кивнул головой. Он прекрасно помнил, что произошло до и после этой истории, и ему не хотелось лишний раз про это вспоминать.

— Ну так вот, — продолжил велит. — После пожара они помирились и стали странствовать вместе. Однажды они услышали, что рядом с окрестными деревнями завелись драконы, и местные жители трепещут от страха прямо как панталоны на ветру. А места такие бедные, что даже защитников из королевской гвардии не торопятся посылать. И деревенские жители просят у троицы помощи, но за очень скромную плату. Вор думает, попрошу деньги вперед и улизну. Воин хочет славы, которую он получит за победу над драконом. А магу просто хочется поизучать, какие редкие виды крылатых ящеров здесь могут водиться. Но когда они видят местную разруху, то даже вору становится жалко деревенских, и тот отказывается от задуманного и решает вместо этого обокрасть дракона. Маг хочет помочь, но надеется договориться, а воин еще больше укрепляется в своих намерениях.

Оказалось, что в округе жило два дракона. Один был ну очень большим, а другой — совсем маленьким.

Большой и красный носил имя Напрокорм. Он был ужасно ленив! От полета у него кружилась голова, а от овечьей шерсти была изжога. Когда он узнал, что по его душу прибывают три наемника, то захотел первым расправиться с ними, но вылезать из пещеры ему не хотелось. Тогда он решил, что уж лучше пусть еда сама ползет ему в брюхо. Он замаскировал вход в свое логово под питейное заведение, высунул, будто ковер, язык на месте входа и стал ждать веселой компании. Ждал-ждал и заснул, не закрывая рта, потому что челюсти застряли в пещерных сводах. Когда дракон проснулся, то почувствовал, что в его глотке наплевано, что его желудок кто-то перепутал с кишечником, а язык вообще местами прожжен насквозь. Тогда Напрокорм испугался, что в следующий раз они могут остаться здесь на всю зиму, и, как бы ему не хотелось остаться, решил сменить место жительства.

А волшебник, воин и вор даже и не заподозрили, где скоротали время, и отправились дальше.

Другой же дракон по имени Зиф был полной противоположностью первому. Он был маленький, золотистый и трусливый. Он тоже жил в пещере, чей вход он даже не удосужился замаскировать. Когда трое друзей вошли в нее, тот от страха притворился статуей. Маг и волшебник оставили воина сторожить вход, на случай, если, как им казалось, настоящий дракон заглянет, а сами отправились в ближайшую деревню за подмогой. Вернулись они с крестьянином, который управлял повозкой, запряженной волами.

— Большеват он для телеги, — засомневался извозчик, посмотрев на дракона, изображавшего драгоценную статую. Но, поднапрягшись, вчетвером они взвалили золотистого истукана на повозку и вывезли в деревню. А когда его захотели переплавить, Зиф настолько охрабрел от творившегося, что сжег кузню и улетел куда подальше. Так воин, волшебник и вор избавили окрестности ото всех драконов.

— Вообще, неудивительно, что драконов осталось так мало, — от себя добавил Гаузен. — Кто же станет терпеть, когда на тебя с высоты броска камня валится зловонная куча размером со скалу?

— Стой снаружи, — велел погрому Гаузен, подойдя к пещере. — Сторожи вход на всякий случай.

Юноша подумал, что визит к чудовищу вместе с другим монстром мог бы показаться хозяйке жилища не совсем дружеским.

— Эй, хозяева! Есть тут кто? — кричал Гаузен уже внутри, продвигаясь вглубь. Он подумал, что в данном случае лучше прийти незванным, чем быть застигнутым вернувшимися жильцами.

— Что вам? Испугались и решили вернуть яйцо? — раздался одновременно дребезжащий и будто бы прокуренный голос.

«Если бы бензопила умела говорить, то с определенной натяжкой этот голос можно было назвать женским» — подумал Ленон, который все это время неотступно сопровождал Гаузена.

На спутников смотрела змееподобная крылатая бестия с красноватой чешуей и огромными, отдающими золотистой желтизной с проблесками зеленого, глазами.

— Какое яйцо? — не понял Гаузен. Ленон же от испуга не мог вымолвить ни слова.

— Которое украли этой ночью! Отдавайте, или я испепелю вас, — и дракониха шумно набрала воздух, готовясь к смертоносному выхлопу.

— Мы тут не причем! Я Ленон. А это Гаузен, — в кои-то веки первым подал голос юноша. — Мы пришли, чтобы помочь разрешить ситуацию.

— А меня зовут Гроза, — представилась дракониха. Похоже, ей были все-таки знакомы некоторые правила приличия.

— А почему Гроза? — переспросил Ленон.

— Потому что не повезет тому, на кого я обрушусь, — не моргнув глазом, пояснила дракониха. — Проблему можно разрешить только одним способом — верните яйцо, — несколько успокоившись, продолжала настаивать дракониха.

— Мы за этим и пришли, — вернул себе инициативу Гаузен. — То есть не совсем за этим, а чтобы узнать, как оно пропало?

— Если бы я знала как, то уже летела бы вдогонку, — печально вздохнула Гроза.

— Извините, а как вы чистите зубы с такими короткими... руками... ногами... Я хотел сказать лапами... То есть конечностями, — засмотрелся на когти драконихи Ленон.

Гаузен, возмущенный бестактностью спутника, кинул на него гневный взгляд, но чудище вопрос не смутил:

— Когда-то у меня для этого был специальный человек, но как-то раз во время чистки он случайно пощекотал меня своей щеткой, и я чихнула... И чистить больше стало некому.

— Надеюсь, он не сильно страдал? — содрогнулся Ленон.

— Нет, но он в несколько раз потребовал повысить себе оплату... Ему, видите ли, обожгло лицо, — пожаловалась дракониха.

— Точно! — хлопнул себя по лбу Гаузен. — Есть же один у Кловиада бандит! Звать его Зубочистом, и у него лицо обожжено.

— Это он, — согласно кивнула своей змееподобной головой Гроза.

— Наверное, он украл яйцо или показал, как незаметно проникнуть в пещеру, — опередил друга с выводом Ленон.

— Если мы вернем вам яйцо, вы прекратите нападать на городок? — перешел к сути дела Гаузен.

— Ну, если вы говорите правду, значит, местные не виноваты. Может, потом под настроение я даже принесу им пару оленей или кабанов в знак компенсации. Но только после того, как получу яйцо, — заявила крылатая бестия.

— А вы не можете вылететь с нами и поискать их? Так будет эффективней, — предложил Гаузен. По натуре он кровожадным не был, но в тайне надеялся, что дракониха сможет расправиться с его недругами раз и навсегда.

— Ну, нет! — воспротивилась Гроза. — И оставить без охраны еще и сокровища? А вдруг вы в одной с ними банде?

Гаузену пришла в голову другая мысль. Он вспомнил, что срок лекарства для Салочки истекает, и если представляется быстрая возможность уложиться в срок, то почему бы ей не воспользоваться?

— А если мы вернем яйцо, то после вы не могли бы кое-куда отвезти нас? Это не займет много времени, — тут Гаузен вспомнил подробный адрес домика Салочки, который описывала тетушка Галатя. Он располагался в окрестностях Вейности неподалеку от самой столицы.

— С таким размером вашего прекрасного крыла вас не должно это сильно затруднить, — неловко попытался сделать комплимент юноша, упомянув важную, как ему казалось, техническую деталь.

— Ну, не знаю, — задумалась дракониха, которой, похоже не хотелось покидать жилище и отправляться неизвестно куда на необязательно попутном ветре. С другой стороны, она, наверное, удивилась, что пришедшие не позарились на сокровища, и подобная бескорыстность пришлась ей по душе. — Хорошо. Принесите мне яйцо, а я вас потом немножко покатаю, — победил материнский инстинкт у драконихи.

— Только одна просьба, — в последний момент вспомнил Гаузен.

— Ну что еще? — переспросила Гроза.

— Пока нас не будет, не жгите, пожалуйста, дома в Ротане, — попросил велит.

— Людям от этого очень некомфортно, — подтвердил Ленон.

— Думаю, воздержусь на пару дней, — пожала крыльями дракониха.

Вернувшись, Ленон с Гаузенем продолжили свое расследование. Поспрашивав немного жителей городка, друзьям удалось узнать, что в ночь нападения приходила странная группа людей из четырех человек, среди которых был, как минимум, один монах.

— Все сходится. Я же говорил, что это могут быть Кловиад с Арсином, — заявил Гаузен. — Наверняка, они украли яйцо! И зачем оно могло им только понадобиться?

— Может быть, они решили воспитать дракончика, а потом натравить его на нас? — робко предположил Ленон.

— Да ты знаешь вообще, сколько это займет времени? — возразил Гаузен. — Постареть можно, пока ждешь! Слушай-ка, Ленон, зачем вообще нужны эти драконьи яйца?

— От яиц, говорят, волосы пышные, — вспомнилось Ленону.

— Да нет, — рассмеялся Гаузен. — Пышные волосы понадобятся им разве что на будущей коронации правителя Велитии, чтобы на парики не раскошелиться. А у Арсина-то и волос почти не осталось, чтобы что-то натирать. Разве что драконье яйцо — это еще и лекарство от облысения... Нет, думаю, совсем не туда они торопятся... Ну а вообще-то я имел в виду, чтобы ты заглянул в книгу, а не демонстрировал свои обширные познания.

Слегка уязвленный шпилькой, Ленон почти не обиделся, ведь ему всегда было интересно вычитать что-то новое из Книги Знаний. Вытащив из сумки реликвию, он стал внимательно изучать все, что можно было найти на эту тему.

— Читай, Ленон. Быстрее ветра читай, — поторапливал друга Гаузен.

— Вот, послушай, — восторжествовал Ленон. — Из драконьего яйца можно сварить зелье, дающее выпившему невиданную силу. Причем одной штуки хватит на нескольких человек.

— Точно! Они хотят обрести невероятную силу и расправиться с нами! — разгадав замысел, радостно воскликнул Гаузен, но на последних словах резко погрузнел.

— Это еще не все, — сообщил Ленон.

— Что не все? — не понял Гаузен. — Ты хочешь сказать, что когда они нас прикончат, мы за наши подвиги оба отправимся в водные сады Катапака?

— Остальные ингредиенты зелья можно собрать в ближайшем лесу, который называется Цветочным. Правда, на это может уйти немало времени, — поведал Ленон.

— Ну, конечно! Они туда и отправились! Все ясно! Вот и один из прохожих после соответствующего вопроса указал в приблизительно том же самом направлении. Правда, пришлось ему немного заплатить. Нужно догнать их и отобрать яйцо! Но ведь драконью скорлупу просто так не прошибешь! Думаю, они снова попытаются отобрать мою саблю. Да и Книга Знаний может им понадобится... для уточнения рецепта, — слегка запутался в своих версиях Гаузен.

— И это тоже не все, — снова перебил Ленон. На этот раз, его голос звучал настолько серьезно, что Гаузен даже обеспокоился:

— Что? Я с большой вероятностью могу погибнуть в том лесу?

— Я не про это... — ответил Ленон. — Когда я искал информацию по окрестностям, то случайно узнал, что здесь неподалеку есть орден Всемзнания.

— Орден Всемзнания? — удивился Гаузен. — Но он же должен находиться в Альдории?

— Это так, — согласился Ленон, которому тоже удалось вычитать это. — Но в Велитии есть, как бы это сказать, филиал, и он располагается здесь неподалеку. Но для обычных людей — это просто библиотека.

— Далековато же их забросило, — задумался Гаузен. Если вернуть книгу в орден, разве Арсин и бандиты отстанут от них? Нет, не отстанут. Чтобы они поняли, что книги у них больше нет, нужно попасть в плен, а его они вряд ли переживут. Да и не нужно им знать, где она находится. И Лин так хотела, чтобы реликвия вернулась обратно в орден...

— Ты говорил, — напомнил Ленон. — Что орден Всемзнания сможет вернуть меня обратно... домой.

— Может, врет опять твоя книга! Поди, что и нет там никакого ордена, — обернувшись, резко возразил Гаузен, которому надоело решать щепетильные вопросы подобного рода.

— Монастырь, в котором находится библиотека, расположен неподалеку от города. Проверить недолго, — настаивал Ленон.

Поразмыслив, Гаузен согласился. Хотя монастырь расположился чуть ли не посреди леса, путь до него оказался недлинным. Решив, что вид погрома испугает начитанных монахов, Шанто оставили бродить поблизости.

Подойдя к двери, Гаузен постучался.

— Кто там? — раздалось из-за стен монастыря. — Что вам надо в библиотеке?

— Мы не совсем в библиотеку, — начал Гаузен и приглушенным голосом добавил. — Мы в орден Всемзнания.

— Откуда вы узнали? — испуганно донесся голос с другой стороны двери.

— Можно сказать, нас сюда послали, — уклончиво ответил Гаузен.

— Тогда стучать надо было четыре раза, — раздалось из-за двери.

— Мы бы стукнули, да дверь больно хлипкая — боялись проломить, — отшутился Гаузен и услышал лязг убираемого засова.

Через двор Ленона и Гаузена отвели в библиотеку. Внутри оказалось немало людей, многим из которых на месте не сиделось. Одни гуляли меж книжных полок, другие что-то переписывали, третьи же просто трепались друг с другом.

— Как дела? — поинтересовался один монах.

— Ничетак... — неразборчиво пробормотал второй.

— В смысле, хорошо? — уточнил монах.

— Где уж там! — возмутился монах. — Ни четок, ни книг, ни посуды в моей келье не осталось. Все забрали!

— Брат Ран! Сколько раз тебе объяснять? Это уже не твоя келья! Ты же сам недавно требовал, чтобы тебе поменяли комнату на более просторную! — укорил коллегу монах.

— Я уже начинаю жалеть об этом решении! А с другой стороны, мне кажется, что нам нужно сменить систему каталогизации всего архива и учитывать не только тематику экземпляров, но и оттенки корешков со страницами. И вообще, я подумываю о том, чтобы перевестись отсюда в один из монастырей Альдории! — одну за другой предъявлял претензии привередливый монах.

— Брат Ран! Иногда ты бываешь просто невыносим! — не сдержался послушник.

— Что поделать! Я дал обет ворчания и теперь должен критически относиться ко всем вещам, которые меня окружают. Ведь намеренный отказ от легкой жизни и постоянное подвержение сомнению происходящего вокруг ведут к мудрости, сравнимой с той, что была у отцов основателей нашего ордена, — пытался объяснить брат Ран.

— Уж лучше бы ты дал обет молчания! — посоветовал собеседник.

— Кто у вас главнее всех? — спросил Гаузен, решивший, что увидел и услышал достаточно, чтобы оценить монастырскую обстановку.

— Вы что не знаете? Самый главный у нас Демиан! — недовольно заворчал брат Ран.

— Уж это-то я слышал, — махнул рукой Гаузен. — Я имел в виду, где у вас можно найти главного по монастырю?

— А он у нас уехал в Альдорию, — пояснил другой монах. — Скоро вернется с несколькими тамошними. Но вы ко мне обращайтесь. Я брат Конор.

— Идем в место потише. Я кое-что покажу, — предупредил Гаузен.

Уже в комнате Ленон достал книгу и положил ее на стол.

— Так вы все-таки в библиотеку, а не в орден? Книгу задолжали? — удивился монах.

— Да нет, не мы! — рассердился Гаузен. — То есть мы ее нашли только недавно... Вот в таком плачевном состоянии.

— Нашей вины тут нет! — не удержался Ленон, но Гаузен злобно посмотрел на него, и юноша испуганно замолчал.

— Да уж, время ее не пощадило, — философски рассудил брат Конор и начал без особого интереса перелистывать страницы.

— Это Книга Знаний! — не выдержав, воскликнул Гаузен, возмущенный равнодушным отношением к реликвии.

— Вот ведь оно что! — дошло наконец до монаха. — А я думал, она сгинула совсем. Тот я прочитывать ничего не могу.

— Вот ему Книга Знаний обязана своим спасением, — хлопнул Гаузен по плечу Ленона, и тот закивал головой, боясь сболтнуть правду. — Но ради нее он заплатил высокую цену. Он пришел из другого мира, и его надо вернуть обратно.

— Приедут из Альдории — посмотрят, что можно сделать... — неопределенно сообщил монах.

— Тогда можно потом сюда вернуться? — засомневался Ленон.

— Послушай, Ленон. Ты должен остаться здесь, а я поеду с Шанто за яйцом, — прервал друга Гаузен, которому нелегко далось это решение. — Здесьние насельники о тебе позаботятся.

— Насильники?! — перепугался Ленон. — Я здесь не останусь!

— Катапак подери! — выругался Гаузен. — Это просто слово похожее! Они, конечно, все немного не в себе, но угрозы никакой не представляют.

— Но ведь я... — пытался возразить Ленон.

— Я не могу больше рисковать тобой, друг, — признался Гаузен. — Ты не раз едва не погиб из-за меня, да и оказался ты здесь тоже по моей вине.

— Но ведь и я тебе помогал, — снова начал спорить Ленон, которому не хотелось расставаться с Гаузенем.

— Ты прав! — вздохнул Гаузен. — Но я не хочу больше использовать тебя. У тебя своя жизнь, свои дела, а со мной тебя ждут одни несчастья. У меня был человек... Которого я

сопровождал... Который был мне дорог... Но я не смог ее спасти! — не в силах сдерживать себя, Гаузен отвернулся и несколько мгновений простоял молча. — Я не хочу, чтобы это повторилось с тобой, Ленон.

Ленон, тронутый заботой Гаузена, обнял его.

— Ну-ну, — успокаивал его Гаузен. — Я еще вернусь после того, как раздобуду яйцо. И Салочке потом расскажу. Наверное, ты бы ей понравился, — тут Гаузен снова поймал себя на мысли, что Салочку не видел ни разу в жизни, и решил заканчивать с прощанием.

— Береги себя, Гаузен, — попрощался Ленон. — Себя и еще Шанто.

— Ну, с ним-то мыбыстро расправимся с этими бандитами, — смеясь, успокоил его Гаузен, но на душе у него было нелегко. Хотя он оставлял друга в безопасности, он все равно оставлял друга.

Гаузен захватил погрома и отправился в путь. Лес, в котором должны были оказаться бандиты с украденным яйцом, был намного дальше от города, чем монастырь, так что у Гаузена было время хорошенько поразмыслить. Да и Шанто не особо отвлекал его разговорами.

— Слушай, Шанто. А в тот раз ты их неплохо раскидал! Тебя этому в школе научили? — затронул не самую ранимую часть личности погрома юноша.

— Не знаю, как-то само вышло, — призадумавшись, объяснил погром.

— А если проголодаешься дороге? — встревожился Гаузен, что спутник может выйти из-под контроля.

— Поищу кореньев. Одни лопухи на вкус как капуста, а у иных — корни как репа... Если что — могу угостить, — добродушно предложил Шанто.

— Прибереги свое угощение для кое-кого еще, — задумчиво пробормотал Гаузен. Порывшись у себя в памяти, он лишний раз подумал, что Арсин знает его давно, потому и отследил его. Может и сейчас у коварного последователя ордена Охранителей Книг есть какой-то встречный план.

— В случае чего нам надо разделиться... — заявил Гаузен, подметив, что враги могут поступить точно так же. — План таков, Шанто. Пойдем по их следам и незаметно выкрадем яйцо, — тут Гаузен посмотрел вверх и нашел, что определение «незаметно» уместно к погрому не больше, чем крокодил в коровнике.

— То есть, я попытаюсь, а ты спрячешься...

Юноша снова посмотрел на великана и представил себе это на деле:

— Деревом притворяться умеешь?

— А это как? — почесал затылок погром.

— Ладно, забудь, — махнул рукой Гаузен, не зная, чего посоветовать. — Давай так — я украду, а ты ляжешь. Прилечь-то на землю по-тихому сможешь?

— Я так и делаю, когда спать собираюсь, — подтвердил Шанто.

— Этого еще не хватало! Операцию «С легким храпом!» захотел устроить? Да тебя в таверне было не растолкать!

Тут Гаузен вспомнил двух спорщиков-умников, которых заметил в таверне незадолго до того, как отбыл на руины штаба ордена Охранителей Книг. Они подозрительно напоминали ему монахов из обители ордена Всемзнания.

Но ведь и Кловиад с его друзьями тоже были там? Что, если они следили за служителями с самого начала, и поэтому были уверены, что Лин, которая должна была встретиться с ними, от них не уйдет. Но смерть наставника поменяла ее планы.

Но тогда они могли знать про тайную обитель рядом с Ротаном? Или Арсин? А, может быть, именно настоятель монастыря Катапака выдал бандитам Талена, потому что хотел заполучить Книгу Знаний?

Так или иначе, сейчас все недруги Гаузена были в одной команде. И он уже не знал, кого из них он ненавидит больше. И горел желанием расквитаться с ними раз и навсегда.

— Дело будет так, — набросал сцену юноша. — Арсин будет стоять на опушке и указывать, что нужно сорвать... А Кловиад будет спорить с ним, потому что считает себя

главным, но не разбирается в алхимии. Зубочист и помощник Арсина... Что за человек! Даже имени у него нет! Нагнувшись к земле будут дергать сорняки, а Арсин будет ругаться, что это все не то, что нужно.

А ты, Шанто, тем временем, берешь валун и швыряешь... Постой, а если валуна не будет? Надо бы по дороге подобрать... Но пока дотолкаешь — стемнеть успеет. Осилишь выдернуть с корнями ближайшее дерево?

— А деревце-то в чем провинилось? — изумился погром.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Гаузен, припомнив, сколь сильно не одобрял Ленон вырубку деревьев. — А если они себе новую банду сколотили? Трудно такое предсказать!

— У меня есть идея, — робко подал голос Шанто. — Может, притворимся бродячими музыкантами?

— Бурундукнуться можно! Мы уже это обсуждали! Это не идея, а тупик! — отрезал юноша и, поразмыслив, прибавил:

— Ладно, упрощаем расписание. Ты берешь на себя Кловиада, Зубочиста, Арсина и его помощника. А я беру на себя яйцо. Хрясь-жбан-вдрабадан! И мы победители!

— Даже не знаю, — начал загибать пальцы погром. — Так сложно запомнить все эти имена, да еще по порядку...

— Матушка моя гусыня! — подивился недогадливости напарника юноша и с убежденностью заядлого беспредельщика заявил: — Плевать на порядок — главное результат!

Гаузен снова вспомнил о том, что оставил Ленона одного. Но почему одного? В монастыре полно умников, которых интересуют одни только книги. Хотя, по его мнению, обитатели монастырских застенков скорее походили на идиотов. Раньше бы он не удержался от шутки, что Ленон нашел себе подходящую компанию, но теперь ему было тоскливо.

Юноша подумал, а что если их враги не разделились, а наоборот — решили разделить Ленона и Гаузена? Наибольшую опасность для них представляли погром и трофейная сабля-камнерез. Да и монастырь, хоть и был тайным отделом ордена Всемзнания, но не сказать, что его обитатели особо усердно берегли свой секрет. Только сейчас Гаузен понял, насколько глупо он поступил, бросив Ленона вместе с книгой.

— Как же я до сих пор не понял? Ведь каждый раз, когда мы разлучаемся, с нами происходят несчастья! Мне казалось, что я позаботился о друге, а вместо этого — оставил его в беде! — воскликнул Гаузен и скомандовал:

— Шанто, мы поворачиваем назад!

Тем временем Ленон начал потихоньку устраиваться в монастыре. Хотя он еще не обзавелся собственной комнатой, но ему вручили накидку с капюшоном. Новый элемент одежды пришелся ему впору, и он быстро оценил его по достоинству среди гуляющих по обители сквозняков. Устав слоняться по монастырю, юноша подошел к окошку. Он увидел, как к стенам монастыря подходит группа монахов. Тут первый из них скинул капюшон, и Ленон узнал человека, который сжег его паспорт. Он что-то сказал привратнику, и тот начал отворять дверь. Ленон пытался предупредить, но его крик не был услышан. Тогда он побежал вниз, чтобы спасти Книгу Знаний. Он вспомнил, где она была оставлена монахами, и быстро схватил ее со стола.

К этому моменту прибывшие лже-монахи скинули робы и ворвались в монастырь. Местные служители, привыкшие к сытой и праздной жизни, не оказывали захватчикам

никакого сопротивления, разбегаясь в ужасе, либо пытаюсь где-то спрятаться.

— Не сжигайте здесь все раньше времени! — услышал чей-то приказ Ленон, хватая Книгу Знаний. Тут в библиотеку ворвался Арсин и ткнул пальцем в юношу:

— Верни книгу, мелкий пакостник!

Ленон вскочил на стол и уже с него забрался на ближайший книжный шельф. С несвойственной для себя ловкостью юноша начал перепрыгивать с одного шкафа на другой. Увидев это, бандиты обрушили шкаф. За ним, как домино, начали валиться остальные книжные полки. Но в последний момент Ленон успел прыгнуть и зацепиться за перила второго этажа. Выкарабкавшись, юноша побежал вверх, чтобы позвонить в колокол и поднять тревогу.

Услышав, что вдали звонит колокол, Гаузен резко прибавил ходу. Ворвавшись в монастырь вместе с погромом, юноша столкнулся с Зубочистом и помощником Арсина. Похоже, что несмотря на внезапный штурм, те не исключали, что им придется иметь дело с Гаузенем и его сверхпрочной саблей. Оба немедля спрятали свои клинки и вытащили дубинки. Пока юноша размышлял, как ему разобраться одновременно с двумя противниками, из-за его спины выскочил Шанто. Погром схватил скамейку и огрел бандитов, не дав им возможности пожалеть о поспешном решении заменить смертоносное оружие деревянным. Тут на помощь своим приспешникам, которым, впрочем, помощь уже не требовалась, выскочил Арсин. Но вместо оружия он достал деревянный сундук и открыл крышку:

— А вот и подарок для нашего большого друга! — издевательски проверещал храмовник и кинул в погрома осиным ульем. Похоже, погромы сильно боялись ос, так как Шанто в страхе удрал прочь, несмотря на увещевания Гаузена остаться. Юноша понял, что ему придется сражаться в одиночку. Но, оглянувшись, он заметил, что Арсин снова куда-то скрылся. Обыскав бесчувственные тела нападавших, Гаузен нашел у Зубочиста яйцо драконихи. К счастью, на нем не было ни царапины. Тут юноша спохватился, что в пылу битвы забыл про Ленона, и поспешил ему на выручку.

На пути к колокольне перед ним предстал Кловиад. Предводитель разбойников не стал таскать с собой два комплекта оружия, а вместо этого вооружился деревянным щитом и огромной палицей, которую украшали металлические шипы. Более того, все тело головореза покрывали деревянные доспехи, так что Кловиад скорее был похож на игрушечного рыцаря, резко прибавившего в размерах.

— Признавайся! Ты убил Талена? — в гневе закричал юноша.

— Глупец! — с отвращением усмехнулся разбойник. — Думаешь, я помню каждого, кого прикончил по имени?

— Спутник той девушки! — снова вскрикнул Гаузен, которому было противно упоминать имя Лин рядом с таким чудовищем, как Кловиад.

— А-а, об этом... Ты знаешь, он только и успел, что ПРЕСТАВИТЬСЯ. Но твое имя Гаузен, я не забуду, обещаю. Я даже его вырезал на этой дубине! — взмахнул своей уродливой палицей Кловиад.

— Но у меня не было особого желания его убивать. Он лишь попался мне на пути. Ты, наверное, хочешь узнать, кому это было нужно самом деле? Я не попадусь на эту уловку дважды... Я никому больше не выболтаю своих секретов, даже если буду убежден, что мой благодарный слушатель отдаст концы через пару мгновений.

Но не бойся — его имя в любом случае не пройдет мимо тебя. Я вырежу его на твоей спине, а потом сдеру кожу и сделаю для книги новую обложку, рассказав, сколько неприятностей ты ему принес. Такой человек, как он, не оставляет подобные подарки без вознаграждения. Но этот я готов сделать совершенно бесплатно!

Гаузен понял, что у него мало шансов пробить защиту своего злейшего врага. Увернувшись от сокрушительного удара, юноша решил сбежать, судорожно перебирая варианты спасения после того, как отыщет своего друга.

Добравшись до колокольни, Гаузен взлетел по ступенькам. На самом верху он обнаружил съездившегося от страха Ленона, чьи пальцы намертво вцепились в Книгу Знаний. Велит прижал палец к губам и тоже спрятался в тень, лихорадочно соображая, что делать дальше.

— Гаузен, где ты? — с угрожающей любезностью осведомился Кловиад где-то снаружи. — Отдай книгу и я, так и быть, пощажу твоего друга!

Голос становился с каждым шагом все громче. Гаузен понял, что скоро их убежище будет раскрыто.

— Знаешь, по ком звонит колокол? — отозвался Гаузен.

— Опять твои дурацкие загадки? — судя по тону, немного подрастерялся разбойник. Юноша почувствовал, что тяжелая поступь деревянного рыцаря раздается все громче. Кловиад вошел в колокольню.

— Он звонит по тебе, ублюдок! — отчаянно закричал юноша и, выгадав момент, изо всех сил ударил саблей по каменной балке, на которой держался металлический купол. Бронзовая махина ухнула вниз, миновав несколько пролетов, и приземлилась, наполнив окрестности раскатами ужасающего звона. Гаузен посмотрел вниз. Неуклюжие доспехи сослужили плохую роль — Кловиад не успел отскочить.

— Ленон, тебе лучше не смотреть вниз, — мрачно посоветовал Гаузен.

— Говори громче, у меня уши заложены, — пожаловался Ленон. Он пожалел, что не захватил из дома огромных наушников. Даже без музыки они бы ему здоровогодились, пока он бил молотом в колокол.

— Не пробыв здесь и дня, а уже монахам в кости все деньги проиграл и даже уши заложил? — не растерял чувства юмора Гаузен. — Ну-ка, сними капюшон.

Ленон снял накидку, и Гаузен с облегчением убедился, что на ушах спутника нету крови.

— Скоро оклемаешься, — успокоил Гаузен, и они начали осторожно спускаться вниз, минуя останки разбойника, придавленного колоколом. От удара шлем Кловиада скатился на землю. Злорадная ухмылка вместе с кровью медленно сползала с его губ, оставляя на мертвящем лице почти что счастливое выражение. Гаузен еле удержался, чтобы не сплюнуть от отвращения. Ленон же, не вынеся ужасного зрелища, пулей выскочил наружу. Подобная поспешность дорого обошлась ему. Из укрытия выскочил Арсин, который ударил Ленона в живот, отчего тот скрючился и выронил Книгу Знаний. Гаузен с саблей наперевес устремился на помощь своему другу, но Арсин всыпал ему в лицо какой-то порошок, отчего юноша на миг потерял зрение. Ленон, претерпевая боль, выхватил из сумки флягу. Он точно помнил, что на этот раз там плещется вода. Пока он промывал своему спутнику глаза, Арсин уже успел скрыться.

— Проклятье! Он опять нас одурачил! — ругался Гаузен, к которому постепенно возвращалось зрение. — Он только и ждал, чтобы моими руками убрать с дороги всех

разбойников, не оставив других претендентов на книгу.

— Мы можем попытаться догнать его, — успокаивал друга Ленон.

— Куда уж там! — сокрушался Гаузен. — Ему только глянуть в книгу — и нет его.

Но, немного придя в себя, друзья все-таки решились отправиться по следу Арсина, хотя понятия не имели, куда он отправился. Не успев же выйти далеко за ворота монастыря в лес, они натолкнулись на другого своего знакомого.

— Шанто! Где тебя носило? — воскликнул первым Гаузен.

— Меня осы чуть не съели, но потом отстали. И я побежал обратно. И еще вот, — тут погром сунул руку в свои широкие штаны и вытащил вещь, еще недавно казавшуюся безнадежно потерянной.

— Книга Знаний! — обрадовался Гаузен. — Откуда ты ее достал?

— От лысого монаха. Я столкнулся с ним в лесу...

— И что? — нетерпеливо перебил Гаузен.

— А я у него спрашиваю: Извините, а что вы ели на завтрак? А он мне отвечает: Бобы.

— А ты что? — поинтересовался Ленон.

— А я его спрашиваю: А мяса не ели? А он мне отвечает: Катапак в этом месяце мясо есть не велит. Если было бы можно, я бы вас обязательно угостил.

— Ну а ты что? — хором спросили друзья.

— А я ему и отвечаю: Спасибо, но мне кажется, я уже нашел...

После этих слов в воздухе повисло неловкое молчание. Ни Ленону, ни Гаузену не хотелось знать дальнейших подробностей.

— Он оказался не таким уж и плохим, каким казался, — смущенно добавил Шанто.

Спрятав книгу в сумку, друзья вернулись в монастырь. Монахи, перепуганные недавним нападением, потихоньку начали выползать из своих укрытий. Гаузен увидел брата Конора и приблизился к нему, чтобы сообщить неприятную новость:

— Все хорошее, что я слышал про орден Всемзнания — было не про вас! Я тут подумал и решил, что этот монастырь — недостаточно безопасное место, чтобы оставлять здесь Книгу Знаний. Я лучше поищу адептов ордена, которые больше разбираются в этом деле. Пусть даже мне придется добираться до самой Альдории!

Монах, все еще не пришедший в себя после разгрома, похоже не возражал. Гаузен же, забрав Ленона из монастыря, вернулся в город. Там друзья направились в таверну.

— Мы хотим получить обещанную награду деньгами, — сообщил Гаузен трактирщику, показав яйцо.

— Такого уговора не было! — заупрямился хозяин таверны и предложил сумму куда меньшую реальной стоимости.

— Хорошо, тогда давай лошадьми, — сделал вид, что передумал Гаузен. — Продам их где-нибудь по дороге.

Трактирщик, похоже, смекнув, что самому бы ему удалось более выгодно продать лошадей, все же повысил награду до размера, устраивавшего обе стороны. Получив плату, Гаузен начал складывать деньги в кошель, но вспомнил про своего друга:

— Ленон, половина полагается тебе, — предложил Гаузен.

— Пусть лучше хранится у тебя, — поскромничал Ленон.

Тут Гаузен вспомнил про Шанто и предложил ему треть от полученной суммы.

— Да я же не ради денег... — попытался отказаться погром.

— Позабыл, что ли, что ты торговец? Какой еще торговец будет отказываться от

золота! — раздраженно перебил Гаузен. Поколебавшись, Шанто протянул руку и высыпал монеты в карманы своих широченных штанов.

После этого друзья немедленно отправились к драконихе. Вообще-то Гаузен пытался объяснить Шанто, что они с Леноном отправляются в полет, в котором ему вряд ли найдется место, но погрому захотелось провожать друзей до последнего.

Зайдя в пещеру, друзья обнаружили Грозу на прежнем месте.

— Как и обещали, целое и невредимое, — протянул Гаузен яйцо, и дракониха благодарно обхватила его хвостом и придвинула к себе поближе.

— Похитители вас больше не беспокоят, — добавил Гаузен. — Так что можно смело отправляться в путешествие.

— Придется подождать, — заявила Гроза. — Полет-то я обещала после возвращения, но не сказала, что сразу полечу.

— А это сколько? — насторожился Гаузен, не ожидавший подобного поворота.

— Ну, пока вылупится, да пока выращу и поставлю на крыло, чтобы дракончик смог себя постоять. Мало мне одного похищения! — сердито проворчала дракониха.

— Но ведь полет — это ненадолго! — запротестовал Гаузен.

— Я тоже в прошлый раз отлучилась буквально на пару мгновений! Вернулась — а яйца уже и след простыл! Не собираетесь дожидаться — так и скажите. Если что, могу возместить из своих сокровищ, — стояла на своем дракониха, решившая полностью положиться на материнский инстинкт.

Гаузен уже хотел было сдаться и взять золото, на которое все же приобрести лошадей. Но даже верхом они могли бы не успеть до истечения срока годности лекарства.

— Вам не обязательно оставлять яйцо без присмотра! Шанто сможет приглядеть за ним, — пришел на выручку Ленон.

— А он не съест яйцо? — с опаской поинтересовалась дракониха, осматривая великана. Несмотря на свойственное ему большую часть времени миролюбие, погром выглядел весьма внушительно.

— Я не ем яйца! И вообще я не ем животных в любом виде! — обиделся погром.

— Без него мы бы ничего не вернули! — вступился за Шанто Гаузен.

— Если так, то, думаю, можно и полетать немного, — в конце концов согласилась Гроза и начала разминать крылья.

— Не вздумай его высиживать, — пригрозила дракониха погрому уже на выходе. Ленон с Гаузенем помахали на прощание своему большому другу, и, усевшись верхом, обхватили дракониху за шею.

— А нас никто не собьет? — посмотрев вниз, испугался Ленон уже в полете.

— Из лука не достать. Разве что из баллисты, но такие обычно стоят на замках, а до Вейности мы все равно не долетим. Ну а маги обычно не сбивают случайно пролетающих драконов, — успокоил друга Гаузен.

— Не накликайте мне беды! — возмутилась дракониха. — Не хватало, чтобы мой детеныш воспитывался погромом-вегетарианцем. Представляете, каким нежизнеспособным он вырастет? Да он с голоду помрет!

Ленон вспомнил, что нельзя отвлекать пилота разговорами, даже если тот одновременно является транспортным средством, и решил молчать весь оставшийся путь. Смотри сверху на казавшиеся такими безмятежными и безобидными леса, реки и озера Велитии, ему даже почудилось, что он начал понемногу привыкать к ней.

Гаузен тоже не раскрывал рта большую часть полета, но по другому поводу. При виде отряда охотников ему шутки ради захотелось сплюнуть им на головы, но злой ветер вlepил плевok обратно на лицо. Ленон улыбнулся безо всякого злорадства. Теперь они были квиты. Прошлые обиды остались позади.

Подлетев к дому Салочки, дракониха приземлилась неподалеку. Гаузен еще как-то вытерпел перелет, но вот Ленона совсем укачало. Пошатнувшись, Ленон неуклюже свалился с драконихи. Гаузен же ловким прыжком опустился на землю.

— До свидания, Гроза, — произнес Ленон и погладил рептилию по ноздрям.

— Не щекочи, а то чихну, — предупредила дракониха.

— Как жаль, что с хорошими людьми приходится расставаться, едва только познакомившись, — грустно вздохнул Ленон.

— Ленон, она даже не человек, — шикнул спутнику Гаузен, боясь ненароком обидеть летающее пресмыкающееся.

— Ну и что! — не понял намек Ленон. — Внешность не главное! У нее в груди тоже бьется сердце, полное доброты. А скоро она накормит ею своего новорожденного ребенка...

— Кхм, ну ты загнул, — удивился Гаузен тому, насколько чудовищно поверхностными были познания драконьей анатомии у Ленона. — Нам пора, госпожа Гроза, да и вам, наверное, тоже...

— Не без этого, — снисходительно согласилась дракониха. — Если я еще немного рискну здесь задержаться, то мой драконьш вырастет вегетарианцем. Вернувшись, надо будет потолковать с этим погромом. Может быть, он согласится чистить мне зубы.

Взмахнув напоследок крыльями, дракониха отправилась в обратный путь. Ленон захотел посмотреть ей вслед, но Гаузен буквально за шиворот потащил его в гости.

— Салочка! — закричал Гаузен. — Салочка, мы пришли!

Но никто не отзывался. Тут из дома с обеспокоенным выражением лица выбежала тетушка Галатя.

— Тетя Галантерея! — по привычке переврал имя торговки Гаузен. — Где Салочка?

Но швея была так напугана, что даже не стала его поправлять:

— Салочка пропала! Когда я приехала, ее уже не было! Я везла товары в Вейносту на ярмарку и решила заскочить повидаться. Но ее до сих пор нет дома, а я жду здесь уже давно!

— Ну, придется и нам подождать, — расстроился Гаузен. — Тетушка, я ведь ей лекарство привез. Оно должно помочь!

— Правда! Ты мой спаситель! — поначалу не поверила Галатя, но вскоре от избытка чувств бросилась обнимать и целовать его.

— Полегче! Лекарство раздавите! — как только мог вежливо отбивался юноша. — Ленона целуйте. Без него бы ничего не вышло! — после этих слов тетушка отстала от Гаузена и накинулась на его друга.

— Жалко, что так поздно, — оторвалась от церемонии благодарности тетушка и вздохнула.

— Почему поздно? — насторожился Гаузен. — Срока годности хватит еще на несколько дней.

— Я про церемонию выбора невест, — уточнила Галатя.

— Матушка моя гусыня! — воскликнул Гаузен. — Я же совсем забыл про нее!

— Я все поняла! — дошло до портнихи. — Туда Салочка и отправилась. Но у нее же нет шансов! Нам нужно догнать ее! Может быть, еще успеем!

Тетушка Галатея спешно начала распрягать лошадей из повозки.

— Как же это так? — обеспокоился Ленон. — Нас трое, а лошадей всего две. Он едва отошел от прошлого путешествия, и перспектива новой встряски его совсем не радовала.

— Не бойся, не оставлю, — успокоил Гаузен. — Сядешь позади меня. Главное, держись покрепче.

И они втроем отправились выручать Салочку.

Когда Ленон, Гаузен и тетушка Галатея ворвались в столицу Велитии Вейносту, они поняли, что далеко им проехать не удастся. Из-за проводимых торжеств улицы были полны народа. Оставив лошадей в ближайшей гостинице, компания побежала ко дворцу. Никаких приглашений у них с собой не было, но Гаузена, несмотря на длительное отсутствие, по-прежнему помнили, как слугу Леканта, и всех троих пустили через черный вход. Гаузен представил Галатею кухаркой, а Ленона — музыкантом. К ним особых вопросов тоже не возникло, так как на период торжеств неизменно остро ощущалась нехватка рабочего персонала.

Вбежав в центральный зал, где должен был проходить смотр невест, они поняли, что опоздали. Церемония уже подходила к концу. Салочка каким-то образом затесалась в передний ряд невест среди иностранных принцесс и знати помельче.

Гаузен вспомнил, что, кажется, в древних свитках есть какой-то пункт, что согласно традиции на роль невесты могут претендовать и простолюдинки. Обычно у них не было никаких шансов, и мало кто из них превращались в королев, но зато обеспечивалась хоть какая-то видимость равноправия благородных людей и остального народа. Принц Лекант медленно осматривал ряды невест, среди которых Салочка заметно выделялась размерами ног. Их не смогло скрыть даже роскошное платье, которое запросто смогло бы сойти за королевское.

«А девчонка всерьез подготовилась» — подумал Гаузен, разглядывая хитрые узоры и оборки ее одеяния. — «Если бы я только появился здесь хотя бы на день пораньше...»

Глаза девушки, не отрываясь, восхищенно следили за тем, кого она боготворила всю жизнь. Но застывшие в напряжении прекрасные черты лица Салочки, обрамленные светло-золотистыми вьющимися волосами, вместе с часто вздымающейся грудью говорили о небывалом волнении девушки. Гаузен опасался, что неудача настолько подкосит Салочку, так ждавшую этого момента, что потом она и вовсе откажется от лекарства. Прекрасные ноги будут ей больше ни к чему.

Тут Гаузен в изумлении увидел, как ненавистный ему Лекант остановил свой взгляд на Салочке. Несколько мгновений они, не отрываясь, смотрели друг на друга. Нервным суетливым движением Лекант поднял руку и устремил свой палец к Салочке:

— Кто ты, незнакомка? — изумленно поинтересовался принц.

— Я Салочка, ваше высочество, швея, — только и смогла вымолвить девушка.

— Что же, Салочка, — произнес Лекант, осматривая платье девушки. — Велития потеряла искусную швею, но обрела прекрасную королеву.

— Ну не швея же... — изумленным шепотом пронеслось по всем дворцовым закоулкам.

Лекант подошел к Салочке, и, поддерживая, как мог, неуклюже повел ее в центр зала. Тем временем, все еще неловко, как пьяница за столб, держась за Салочку, Лекант решил произнести вдохновляющую речь:

— Слуги мои придворные! Верные мои подданные! Дорогие друзья! Сегодня вы видите перед собой самого счастливого человека. Ведь в этот день своим судьбоносным решением я обрел не только корону, но и любовь, которой я постараюсь поделиться со всеми вами. Каждый человек имеет недостатки, но кому дано право замечать их? Кто, как не простая

девушка знает, чем мой народ живет, ест и пьет? Сам Катапак благословляет наш союз, и совместными усилиями при нашем правлении каждый бродяга обретет жилье...

Но Гаузен уже не слушал, и до его сознания долетали лишь отдельные обрывки выступления. Смотря на улыбающихся Салочку и Леканта, у Гаузена на глазах сыпались все сложившиеся представления об окружающем его мире.

Вот так надрываешься, рвешься из стороны в сторону, как воробушек в непогоду, погибаешь, умираешь, а все богатство, влияние, слава и девчонки кому-то другому! Кто и пальцем не шевельнул! Своим ухоженным заперстенелым пальцем! Лекант?! Он вообще тут при чем?! Он даже не знает, что Салочка вылечится!

Гаузен тут, понимаешь, старался, разбивался в лепешку, а все ни к чему — принца бы она и такая устроила! Юношу охватила жгучая злоба. Получается, что Лекант лучше его? Ведь когда Гаузену показалось, что ему предлагают в жены девушку с тяжелым недугом, то он сразу пошел на попятную. А Лекант взял не раздумывая. С первого взгляда!

Получается, что принц Лекант — истинный герой Велитии и заслуживает всех наград?

Что за дурацкая страна!!! Да мир Ленона и то лучше! А он ведь так и не отыскал Лин. Быть может, потерянные дни могли спасти ее, а этой девчонке рядом с Лекантом лекарство вообще без надобности! Тут он стал злиться сразу на них обоих. И зачем только вызвался помогать?! Правильно говорят, у добряка добро в руках — как сквозь пальцы вода.

Вдруг юноше пришла в голову страшная мысль.

Если бы корабль Настара добрался до Вейности, может быть, им с Лин ничего бы не грозило? Хоть Настар и был мерзавцем, он просто, выполняя приказ, доставил бы их к принцу? А Лекант, если он так добр к Салочке, то и Лин бы не сделал ничего плохого?

Ему припомнились слова Савушкина, которые он когда-то пропустил мимо ушей: «Неудачное перемещение между мирами может вызвать катаклизмы». Из-за этого, вероятно, и были уничтожены штаб ордена Охранителей Книг, остров со свободного архипелага, на который обрушились метеориты, и... корабль Настара вместе с Лин? Получается, что Гаузен собственными руками убил ее! Тогда на палубе он был почти уверен, что узнал ястреба Когтервача, который принадлежал принцу. Что ему стоило просто промолчать, не обратив на птицу внимания?

Юноша всматривался в красивые черты лица Салочки, которые счастье сделало еще более благородными. За пару дней он смог бы познакомиться с ней поближе. Не издали, среди толпы. Он зашел бы к ней в дом, и она была бы рада ему, как самому дорогому гостю. Гаузен подумал, что если бы он успел на день пораньше, то, может быть, Салочка была бы благодарна ему, а не Леканту. От подобных мыслей Гаузен с трудом удержался от того, чтобы разбить ампулу вдребезги.

Реакция присутствующих была так же противоречива, как и мысли Гаузена. Одни утверждали, что их государства или представители семей были оскорблены подобным выбором. Остальные, наоборот, радовались, что Лекант сделал такой незавидный выбор, не дав другим могущественным кланам обрести еще больше власти. В конце концов, все вспомнили про тот самый пресловутый постулат в законах и вроде бы сошлись на том, что такое редко, но может произойти.

Закончив речь, Лекант покинул невесту, как этого требовала церемония, и пошел общаться с представителями знати, а Салочку облепили благородные дамы и прочие придворные представители, желая познакомиться и снискать расположение новоявленной королевы. Девушка все еще глупо улыбалась, по-прежнему не способная поверить в то, что

ее мечта исполнилась.

Но тут Лекант взял под руку Салочку, и они отправились наверх.

— Пойдем вслед за ними! — решил Гаузен и, схватив Ленона за плечо, потащил его прочь из зала.

— А разве прилично будет следить за людьми в такой момент? — засомневался Ленон.

— А когда еще? — возразил Гаузен и объяснил:

— Не могу больше ждать! Такой груз на душе с этим лекарством! А вдруг не сработает?

Проследив за принцем и будущей королевой до самой спальни, спутники дождались, когда захлопнется дверь. Гаузен подошел поближе и приложил ухо.

— Может, лучше постучаться и все объяснить? — тихо посоветовал Ленон, но Гаузен сделал знак молчать. Юноше не хотелось лишний раз встречаться со своим хозяином.

— Мне кажется, что мы виделись раньше... — услышал мечтательный голос Салочки Гаузен.

— Да, моя дорогуша, во снах, — ласково согласился Лекант. — Тебе надо полежать, отдохнуть от волнений. Тебя никто не побеспокоит. А после я вернусь. У меня государственные дела.

Услышав последние слова, Гаузен сделал жест, чтобы Ленон и Галатя прятались. Лекант вышел из спальни, запер дверь и удалился. Когда принц скрылся из вида, Гаузен вылез из убежища и подозвал остальную компанию. Ему удалось раздобыть ключи от всехкомнат, и он немедленно ими воспользовался.

— Тетушка! — обрадовалась Салочка и приподнялась с подушек.

— Гаузен! — не менее радостно назвала юношу по имени девушка, и он удивился, откуда она знает его.

— Тетушка рассказывала о тебе, какой ты хороший. К тому же, на тебе курточка из ее лавки, — будто бы прочитала мысли Салочка.

— А это Ленон! — представил Гаузен спутника, которому было неловко, что девушка обделила его друга вниманием.

— Салочка, — взволновано начала тетя Галатя. — Они принесли тебе лекарство...

— Какое лекарство? — удивилась Салочка, которая от счастья позабыла обо всех своих заботах.

— Лекарство от ног, — пояснил Ленон. — То есть для ног, я хотел сказать.

— Оно мне больше ни к чему, — простодушно возразила девушка. — Лики полюбил меня такой, какая я есть.

Похоже, она уже успела дать принцу ласковую кличку.

— Ты не о себе подумай, ты о принце подумай, — начала увещевать тетюшка. — Да ты представляешь, сколько одни твои ноги весят? Он же, пока нести тебя будет, всю спину себе надорвет.

— Может, он будет таскать меня на тележке? — засомневалась Салочка.

— А ты представляешь, как он любит ездить на лошадях? — вклинился в разговор Гаузен, который вообще-то совсем не горел желанием заступаться за Леканта. — Разве тебе не хотелось бы скакать с ним рядом? Или держаться за его спину? Да и вообще, ноги для любви... кхм... не помешают.

При этих словах кровь прилила к ушам Ленона настолько, что он перестал чувствовать собственные ноги, а Салочка задумалась.

— Хорошо, — согласилась наконец Салочка, похоже, вспомнив, что мечтала избавиться

от своего недуга всю жизнь. — Но нужно поторопиться. Я хочу, чтобы это было сюрпризом для Лики.

Гаузен достал ампулу и протянул Ленону, лишний раз обрадовавшись, что им удалось успеть вовремя.

— Слушай, Ленон, а почему вообще такой ограниченный срок годности? — вспомнил Гаузен.

— У нанороботов батарейки тогда разрядятся, — растолковал Ленон.

Он вытащил руководство по применению и начал внимательно читать его. Тетушка Салочки тоже принимала активное участие. Салочка приподняла платье, и Галатея вколола в каждую ногу по половине дозы. Потом тетушка, следуя инструкциям, сделала на ногах небольшие надрезы повыше голени, и поставила таз, чтобы стекал гной. Когда все закончилось, Ленон порылся в платяном шкафу и нашел пару лент, чтобы перевязать Салочке ноги. Салочка некоторое время любовалась своими новыми ногами, поболтала ими в воздухе, а потом попыталась осторожно вступить на них, поднявшись с кровати.

— Ой, Салочка! Ты же потеряла столько весу! Тебе обязательно надо покушать! — всполошилась тетя Галатея и, несмотря на возражения племянницы, выскочила из комнаты и побежала на кухню.

— Даже не знаю, как вас благодарить, — смущенно произнесла девушка. — Впрочем, знаю.

И Салочка прижала к себе Гаузена и поцеловала его.

— Спасибо тебе, Ленон, — не спрашивая, отблагодарила Салочка юношу таким же образом, отчего тому стало совсем неловко.

— Если бы не Лин, — погрустнев, вспомнил Гаузен. — То нам бы никогда не достать лекарство. Жаль, что ее сейчас нет рядом.

— Я могу отблагодарить тебя за нее, — обрадовалась Салочка и снова придвинула Гаузена к себе.

Ленон хотел было сказать, что вакцину дал им лично космонавт Савушкин, но испугался, что Салочка в отсутствие последнего снова его отблагодарит. Тут Ленон услышал за дверью чьи-то шаги, и решил, что пугаться — так пугаться, и спрятался под кровать. Гаузен же был немножко занят и не обратил на шаги внимания, подумав, что это тетушка Галатея возвращается с кухни. Ленон хотел предупредить, но было поздно.

Широким движением распахнув дверь, в комнату вошел принц Лекант.

— Что это... Что за? — никак не мог выговорить Лекант. Его глаза бегали то вверх, то вниз, так что нельзя было понять, чему он удивлялся больше — новым ногам Салочки или близости Гаузена с его невестой.

— Лики, это не то, что ты думаешь! Просто он излечил меня от моей болезни. Теперь мы с тобой будем еще ближе. Ведь у меня такие же ноги, как у тебя, — пыталась объясниться девушка.

— Вот значит как... Как у меня, — никак не мог прийти в себя Лекант, нижние конечности которого были слегка кривоваты. Чтобы принц удостоверился, что у нее все в порядке, она подняла платье и показала ему свои здоровые ноги.

— Да как ты смеешь?! — чуть не задохнулся Лекант. — При всяких проходимцах!

Салочка хотела было вступить за своего спасителя, но принц грубо толкнул ее на кровать:

— Чтoб сидела здесь и даже пискнуть не посмела, — пригрозил Лекант и выволок

ошеломленного Гаузена из спальни.

— Спасай Салочку, — почти беззвучно, одними губами бросил Гаузен другу. Не расслышав до конца, Ленон, тем не менее, прекрасно все понял.

Лекант захлопнул дверь и передал юношу вооруженной страже, а сам пошел следом.

— Давно не видел тебя, Гаузен, — на удивление спокойно произнес Лекант, ведя его куда-то. — Нам будет с тобой о чем поговорить.

Тем временем Ленон вылез из-под кровати:

— Что Лекант с ним сделает? — сходу задался вопросом юноша.

— Я думаю, он его наградит, — легкомысленно произнесла девушка. — Сделает главным советником или...

— Премьером? — предположил Ленон, но поймал себя на мысли, что этот термин не слишком-то подходит для здешних мест.

— Ну, думаю, премирует как-нибудь, — не разобралась девушка. — Может, даже соорудит его статую из чистого золота, а в глазах — алмазы.

Представив это, Ленона передернуло от ужаса. Он хотел снова увидеть друга живым и здоровым, а не в не пойми каком виде. Тут он вспомнил, что, уходя, Гаузен велел ему спасти девушку, что Ленон понял как то, что ее нужно поскорей и как можно подальше вывести из дворца.

— Салочка, нам нужно бежать, — осторожно предупредил юноша.

— Бежать? — удивилась Салочка. — Я бы сейчас с радостью пробежалась. Я ведь никогда этим не занималась! Но нам нужно дождаться Лики и Гаузена. Будем вместе гоняться друг за другом по саду!

— Тогда мне придется тебя... похитить! — смутившись, пригрозил юноша, который должен был любой ценой выполнить данное другу обещание.

— Похитить? — рассмеялась девушка. — Единственное, что ты бы мог похитить у меня — это мое сердце, ведь ты такой добрый... Но оно уже принадлежит Лики.

Услышав столь теплые слова, Ленон чуть не прослезился от умиления, но взял себя в руки. Он решил немного сменить тактику и напугать девушку так, чтобы она, не раздумывая, подчинилась его приказам.

— Это неправда, что я добрый! Я злой и ужасный! Недавно я в домике одну пожилую женщину зарезал... Вот этими самыми руками! — гробовым тоном поведал Ленон, как спас друга от колдуньи.

— Одними только руками? — прыснула со смеху девушка. — Неужели, ты месяцами не стриг ногти, а потом затачивал их?

— Я не только страшный разбойник, но и могущественный маг, которого боятся остальные волшебники! — не сдавался Ленон. — Одни боялись колдуна Шаха ибн Джамала Ловкопальцевого, другие — Юркога Кукольника, умеющего подчинять своей воле все живые существа, включая даже самые малые и пушистые. Кто-то пугался одного только имени дона Скелеторе Кожадакости, более известного, как Кощей Бессмертный. А кого-то повергал в ужас индийский мастер боевых искусств Махат Ногамди. Но меня боялся сам Клинт. Клинт Иствуд!

Услышав, какую репутацию насочинял себе юноша, и как неубедительно это звучало из его уст, девушка снова зашлась в безудержном приступе смеха.

— Ленон, ты такой забавный, — наконец успокоившись, заверила юношу девушка. — Расскажи эту шутку Лики, когда он вернется. А-то временами он такой мрачный...

Осознав, что врун из него никудышный, Ленон решил рассказать Салочке правдивую историю, которая смогла бы переубедить ее:

— Один афроамериканец... Хотя нет, наверное, афромавританец. А, может быть, даже афродизиак! Но это не важно! Важно, что звали его Отелло, и он так отчаянно любил свою жену Дездемону, что когда по ошибке возревновал ее, то от ревности ужасно обидел ее! А потом до конца жизни сильно убивался из-за этого!

— Я не хочу расстраивать Лики, — поразилась Салочка.

— Нужно скрыться хотя бы на пару дней, пока все не успокоится, — продолжил уговаривать Ленон.

— Но я должна заступиться за Гаузена! — напомнила девушка.

— Я сам сделаю это, — пообещал, хотя и не знал еще как, Ленон. — Но нам нужно сначала незаметно скрыться из дворца.

— Похоже, мне придется переодеться, — с грустью вздохнула Салочка, в последний раз посмотрев на свое роскошное платье. После того, как она вложила в него столько сил, и его высоко оценил сам принц, конечно же, ей хотелось поносить его немного подольше.

— Я отвернусь, — заверил Ленон, и снова спрятался под кровать. Оттуда юноша слышал скрип открываемого шкафа, а затем шорох перебираемой одежды.

— Ну, как я тебе? — донесся через некоторое время голос Салочки.

— А ты точно оделась? — осторожно поинтересовался Ленон, но голову все-таки высунул.

Салочка надела синий плащ, белую рубашку и обтягивающие штаны. Похоже, это была одежда Леканта, так что на девушке она немного болталась.

— Ты, наверное, самая прекрасная девушка в этом мире, — восхищенно произнес юноша. — Но не в моем, — расстроено добавил про себя Ленон. — Надо накинуть капюшон. Может, сойдешь за служанку.

Ленон достал связку ключей, которую успел передать ему Гаузен, и отпер дверь спальни.

По дороге они чуть не сшибли тетушку Галатею. Портниха, видимо, не ожидая встретить их в таком виде, или возмущившись тем, что девушка встала с кровати, уронила всю еду с подноса. Но Ленон с Салочкой быстро объяснили ей суть дела, и они втроем, пользуясь всеобщей суматохой из-за недавних событий, сумели покинуть пределы замка.

Уже в таверне они решили обсудить план действий, но Ленон, вспоминая те страшные вещи, которые Гаузен говорил про своего хозяина, не дал им задержаться ни на мгновение. Он усадил тетушку с племянницей на лошадей и велел им ни в коем случае не возвращаться, спрятавшись на ближайшее время где-нибудь понадежней.

— Мы с Гаузенем вас догоним, и сообщим, когда все уляжется, — пообещал Ленон. Когда он остался один, то понял, что действительно полон решимости спасти Гаузена. Просто не знает как.

Ленон окунулся в Книгу Знаний, пытаясь отыскать хоть какую-то зацепку, но почти ничего не разузнал. Проведя ночь в неведении и отчаянии, Ленон начал надеяться, что, может быть, Лекант ничего плохого, в сущности, с Гаузенем и не сделает. Юноша решил, что завтра он просто пойдет к замку и попытается выяснить, как дела у друга.

Тем временем Лекант отвел Гаузена в свои покои, отпустил стражу, и они остались одни.

Гаузен почувствовал, что привычный скользкий страх перед Лекантом снова возвращается к нему.

— Присаживайся, Гаузен, — на удивление спокойно предложил Лекант.

— Только после вас, — попытался соблюсти этикет юноша, но его благородный порыв оценен не был.

— Ну да, конечно, кто же из нас теперь коронованная персона, которая решает, где кому сидеть? — издевательски воскликнул принц и насмешливо изогнул руку, изображая реверанс, но в последний момент вместо поклона он отвесил Гаузену такую оплеуху, от которой юношу кинуло спиной прямо на стул.

— Мой лорд! Это не то, о чем вы подумали, — снова повторил Гаузен, не зная, как выкрутиться из неприятной ситуации.

— Откуда тебе, бродяге, знать, о чем я думаю?! — перебил Лекант и пристально посмотрел на руку Гаузена. Юноша заподозрил неладное и попытался спрятать ее под стол, но было поздно.

— Вот она! Моя перчатка! — воскликнул Лекант, мелочность которого была известна многим обитателям дворца.

— Господин, я нашел ее и доставил вам! — заверил Гаузен и, как доказательство добрых намерений, попытался сбросить ее, но от пота она прилипла к руке.

— Можешь оставить пока при себе, — остановил жестом Лекант. — А валялась она, наверное, вместе с этой саблей?

Принц внимательно осматривал оружие, отобранное стражей у Гаузена. Он даже проверил клинок ногтем, изрядно подпортив себе маникюр. Но Лекант не сильно расстроился порче ногтей:

— Я никогда не просил об этом... но для сражений пригодится, — даже и не думал благодарить Лекант.

— За этот замечательный клинок я заплатил немало денег, — доверительно сообщил Леканту Гаузен в надежде, что не останется без вознаграждения за вынужденный подарок.

— Да откуда у тебя деньги, побирушка?! Наверное, на помойке подобрал! — рассердился Лекант.

Гаузен хотел было опровергнуть слова принца, показав монеты, заработанные недавно за спасение города от драконихи, но испугался, что принц их тоже отнимет.

— Еще я нашел место для замка. Прекрасное место. Я даже письмо написал. Но оно похоже, не дошло, — оправдывался Гаузен, все больше и больше понимая тщетность своих усилий.

— Откуда ж тебе знать, дошло или нет? И дураку ясно, что ничего ты не посылал! — не поверил Лекант.

— Ваше величество, я был сильно занят и не мог за всем проследить. Я пытался достать лекарство для вашей невесты. И то, что она пыталась как-то отблагодарить меня — это от радости и незнания придворного этикета...

— То есть, хочешь сказать, это я тебе должен быть благодарен? К чему ты клонишь? Что я виноват за подобное поведение перед ней? — все больше и больше распалялся принц.

— Ты, наверное, подумал, как я мог унижить самого прекрасного человека, который только есть на свете? — поинтересовался Лекант и эти слова были наполнены настолько неподдельно искренним обожанием, что в Гаузене затеплилась последняя искра надежды на то, что Лекант все-таки любит Салочку. — Унизить себя, — закончил фразу Лекант. — Я

унизил себя, связавшись с этой голодранкой!

- Но разве человек не должен радоваться счастью своей возлюбленной? — потрясенно прошептал Гаузен, осознав, что он был наивным идиотом от начала до конца.

— При чем тут счастье?! При чем тут любовь?! — перебил Лекант. — Да она бы у меня из койки и не вылезала!

— Маньяк, — тихо изумился Гаузен, но принц его не расслышал:

— А ты думал, что я для танцев ее себе взял? Она бы мне все ноги оттоптала! Да мне плевать, чем вы с ней там в спальне занимались! Мне она вовсе не для этого нужна! — неистовствовал принц.

— Но она... идеальна... — только и смог вымолвить Гаузен, у которого от откровений Леканта перехватило дыхание.

— Идеальна?! — возмутился принц. — Идеального человека я видел недавно. Он смотрел на меня, когда я любовался озерной гладью!

— Утопленник что ли? — не понял Гаузен и сделал еще одну отчаянную попытку. — Но она ведь полюбила тебя!

— Каким же надо быть чудовищем, чтобы не любить меня?! Я же король Велитии! Самый могущественный человек в королевстве! — продолжил самовосхваление принц. — Что может быть лучше больной жены? И ведь никто не заподозрит, что ты ее отравил! Она всегда такой была! И я искренне надеялся, что всегда такой и останется! Эти принцессы со своими амбициями, какую из них бы я не взял — все равно бы совали нос не в свое дело. Иностранная знать преследовала бы интересы своих государств, а местная — собственных семей. Они бы мне все правление испортили! А я хочу властвовать один! Понимаешь? Один! Хочу сам принимать все решения!

— Как ты не можешь понять?! Салочку не интересуется власть! — пытался защитить девушку Гаузен.

— Что за чушь! — возмутился Лекант. — Все человеческие отношения строятся на подавлении и подчинении! И ты смеешь, глядя мне в глаза, отрицать это? Я слышал, что ты сам, бродяга из бродяг, и то обзавелся слугой!

— Он не мой слуга! Он мой друг! — вступился за Ленона Гаузен, но Лекант пропустил слова юноши мимо ушей.

— Ты не представляешь, что я пережил, пока общался с этими претендентками на престол Велитии. Подумать только! Принцесса Неодетта из Хаслинии. Я бы на ее месте не то чтобы прикрылся посильнее — вообще бы на люди не показывался. Да у нее талия шире, чем хаслинские шаровары! Она меня спросила — дорогой принц, это платье меня не полнит? А я ей — что вы, госпожа, только ваше лицо. Да оно у нее такое — двух зеркал не хватит! А остальные — немногим лучше. А тут вдруг — и такой подарочек прямо с небес! Уродливая невеста без средств и влияния! Проигравшим претенденткам совсем не завидно, что их место заняла калека, а народ Велитии рад, что одна из них забралась на такую высоту, в тайне мечтая о том, что и они когда-нибудь окажутся там же. Пусть мечтают дальше! Мои предки основали это королевство, привели сюда людей и защищали их! Жители Велитии обязаны мне всем — своими жизнями и имуществом! И при моем правлении они никогда не вылезут из той грязи, в которую они себя сами и загнали. Я бы им так надавил на жалость, что они бы взвыли от боли как хор шиворотней в полнолуние! Я бы эту дуру с ее вонючими ногами не только держал бы круглый год в постели, показывая время от времени... Я повысил бы пошлины на ее «лечение»! Даже представить противно, как я унижался перед

этими отбросами! Слуги мои притворные, скверные мои подданные! — начал передразнивать собственную речь Лекант. — При моем правлении каждый бродяга обретет жильё... А каждый горбатый — могилу! Чем мой народ живет и пьет? Какая разница! Обещаю, что положение каждого из вас резко повысится... При помощи петли на шее! Да как я только мог говорить такую ерунду?! Да все эти люди — просто обыкновенные гады, которые ползают у меня под ногами! Мне что, уподобляться им? Если бы это случилась, то представляю себе, какими словами бы закончилась брачная церемония. Объявляю вас ужом и змеей! — не прекращая, разорвался Лекант.

Принц немного отошел от своих мрачных фантазий, и его взгляд вернулся к тому, кого он считал своим слугой.

— Все было так хорошо, так естественно! Пока кое-кто не пришел и не нарушил все мои планы! Догадался, о ком это я, придурок?! — обернулся Лекант и рассержено ткнул пальцем в юношу.

Гаузен хотел было возразить, что придурки — угадывают, а догадываться у них ума не хватает. Но, посмотрев на злобный оскал Леканта, решил промолчать, что взбесило принца еще больше:

— Гаузен, ты такой идиот, что даже сам не понимаешь насколько! Если бы ты был хоть капельку умным, то ты бы понял, какой ты дурак! — похоже, в этот момент Лекант поймал себя на мысли, что начинает путаться в словах, и снова эмоции в его речах начали уступать место доводам разума:

— Я же все просчитал, когда увидел ее тогда в зале среди остальных воровок, только и думающих о том, как украсть мой трон. Я слышал когда-то эту историю, что неподалеку от Вейности живет неизлечимо больная девушка, и никакие целители и маги не могут ей помочь. Когда я увидел ее в тронном зале, то понял: Все, что нужно сейчас сделать — это запереть и властвовать. А теперь получается, что она и шагу не даст мне ступить без своего вмешательства! Со здоровыми ногами она будет бегать за мной по пятам! И даже заколдовать обратно нельзя! Пока найдешь подходящего чародея, вся правда вылезет наружу! Теперь ее чудесное исцеление все сочтут за благословение богов. Да ее саму начнут почитать как богиню! Ее будут боготворить, не меня! — сокрушался Лекант. — А ведь я идеальный человек во всех отношениях... Идеальный настолько, что не существует такого человека, который бы смог оценить это по достоинству!

«Не обманывай себя. Твое сердце сделано из свинца, а в жилах течет чистая ртуть!» — подумал Гаузен, но вслух произнести этого не решился.

— Мне не нужна здоровая! Мне нужна больная! Вечно обязанная мне своим жалким существованием! Но не прошло и пары мгновений, как она тут же предала меня. Да без моего разрешения она и шагу не имела права ступить, не то что пускать в комнату посторонних и лечить ноги не пойми откуда взявшимися лекарствами! — негодовал Лекант, но его глаза оставались по-зловещему холодными, будто он замыслил что-то недоброе.

— Как же ты не понимаешь, что она сделала это ради тебя! Она хотела устроить тебе сюрприз! — попытался защитить Салочку Гаузен.

— Я никогда не просил об этом! — возразил принц, и его голос предательски задрожал:

— Разве любовь не заключается в том, чтобы любить таким, каким есть? Мне она нужна была такой, какой она была до недавнего времени!

— Нет, Лекант, — печально возразил Гаузен. — Любовь в том, чтобы измениться к лучшему... ради того, кого ты любишь. Она изменилась ради тебя. Только ради тебя и

никого другого!

Гаузен вспомнил, как он впервые встретил Лин. Сначала девушка показалась ему язвительной и придирчивой, но потом он понял, что это не простые придирки. Просто девушка увидела в нем то, что он в себе не замечал, и пыталась вытащить это наружу. А когда ее не стало, Гаузен начал меняться сам. Но сильно ли он изменился?

— Ага! Она сделала то, чего мне совсем не нужно, и теперь хочет потребовать что-то взамен. Обойдется! Я меняться не собираюсь. Я идеален! — возликовал Лекант, восстановив прежнюю уверенность в собственной правоте.

— Ты просто завидуешь ее счастью... — пришла в голову мысль Гаузену.

— Поверь мне, Гаузен, зная, что ее ждет, я совсем не завидую ей... — зловеще поделился Лекант и переключил свое внимание на собеседника:

— А я недооценил тебя, Гаузен! Я всегда думал, что твой ум — прямой как палка, а он извилистый, как ветка на елке.

— Не тебе судить меня, Лекант! — вспыхнул Гаузен, который пресытился до тошноты теми потоками ненависти, которые стекали с губ принца. — Тот, кто не способен любить, не имеет права судить! А ты всех ненавидишь!

— Ну почему же я сразу никого не люблю? — криво ухмыльнулся Лекант. — Я терпеть не могу людей только двух видов — мужского и женского.

— Вот ведь, гермафродит недоделанный! Я устал иметь дело с такими, как ты! — не сдержался Гаузен.

— Вот как? — изогнул бровь Лекант, удивившись прямоте юноши. — А я уже собирался тебя простить... Может, передумаешь?

Слово «простить» было последним словом, которое Гаузен ожидал услышать от Леканта, поэтому он, не сказав ни слова в ответ, в недоумении уставился на принца.

— Ты переиграл меня Гаузен, и я не могу этого не оценить. Может быть, ты даже не подозревал о наличии моего плана, но это делает мое поражение еще более жалким. Ведь ты переиграл меня не глядя, вслепую. Когда я получил донесение от капитана Настара, что вместе со служительницей ордена Всемзнания он везет какого-то паренька в отличной кожаной куртке, я сразу заинтересовался, кто бы это мог быть? Но потом Настар исчез. Да, в общем, и не только он. Так что сейчас было бы глупо избавляться от столь смысленных помощников. Ты еще можешь все исправить. Можно сделать так, что мы оба выиграем от этого.

— Сделать что? — спросил Гаузен пересохшими губами, предчувствуя недоброе.

— Ты должен прикончить Салочку, — спокойно ответил Лекант и довольно улыбнулся, наблюдая за реакцией собеседника, остолбеневшего от ужаса.

— Да как ты смеешь! — закричал Гаузен и вскочил с места. От того, чтобы ударить своего принца его отделяла только мысль, что все это — очередная жестокая шутка Леканта.

— Не строй из себя недотрогу, — брезгливо скривился принц. — На меня работают такие люди, что иногда сам удивляюсь, как не прикончил их раньше. Позволь рассказать мне одну историю:

Одна банда терроризировала окрестности Рисламала, и местная стража никак не могла расправиться с ними. Разбойники были самыми настоящими человеческими отбросами. Теми, кто убивает без цели. Вообще, мне плевать на чужие страдания, но отбирать у велитов деньги — это моя, а не чья-то еще, привилегия. Эти нападения я воспринял как личный выпад против моей власти. И тогда я решил взять дело в свои руки. Я собрал отряд лучших

солдат и наемников и отправился в путь. Потом я устроил засаду на эту банду и перебил ее почти целиком.

Когда ко мне привели главаря, я уж было хотел приказать, чтобы его порешили на месте. Но я посмотрел на него и увидел в его глазах что-то знакомое. Какую-то застарелую обиду. И тогда я пощадил его. И знаешь, мы с ним сработались...

— Он уже никогда больше не будет на тебя работать! — гневно воскликнул Гаузен, узнав Кловиада. — Этого ублюдка расплющило как тыкву, а черви уже едят его глаза!

В удивлении Лекант даже не разозлился, что Гаузен прервал его. Но вскоре принца осенила новая догадка.

— Разве ты не знаешь, что о мертвых нужно говорить либо хорошо, либо ничего? — вернулась гадливая улыбка на уста Леканта. — Кловиад умер. И это хорошо! Очень хорошо! Он подвел меня, а ты превзошел его. И у меня есть, чем отплатить тебе. Вижу, тебе приглянулась моя перчатка? — слегка отвлекся принц. — А ты знаешь, из чьей она кожи?

Гаузен, вспомнив, какую обложку для книги хотел сделать Кловиад, в ужасе сдернул с руки перчатку и швырнул ее в угол. Лекант довольно ухмыльнулся, не обидевшись на отринутый подарок, и продолжил:

Чувствую, что и корабль Настара не причалил в порту Вейности по твоей вине. Но я понимаю, что один бы ты точно не справился. Здесь не обошлось без Книги Знаний. Я послал за ней своих людей. Но им не удалось справиться с тобой. По крайней мере, мне не придется платить им награду. Ее заслуживаешь ты, и в куда большем размере. Просто прикончи Салочку, как прикончил их, а потом отдашь мне книгу. Поверь мне, Гаузен, я знаю, как ей воспользоваться.

Юноша потрясенно молчал, не в силах сдвинуться с места. У него просто в голове не укладывалось то, что от него требовал принц.

— А я уж выступлю! Мне надоело быть добрым! Я буду печальным! — трагически воскликнул Лекант, как будто снова репетируя выступление. — Я заявлю, что моя возлюбленная королева, не выдержав переживаний, скончалась от тяжелой болезни. Я объявлю десятилетний траур! Я поставлю ей памятник из чистого золота! Никто не усомнится в моей самой искренней любви к ней! А потом я воспользуюсь могуществом Книги Знаний и обрету такую власть, которой ни у кого не было со времен четырех королей! Что ты притащил оттуда? Жалкую склянку с лекарством от болезни! А мог бы притащить такое, что изменило бы этот мир до основания!

— Ты не сможешь изменить этот мир, Лекант, — горестно покачал головой Гаузен, и принц застыл в недоумении. — Такие, как ты, могут только разрушать его.

На лице Леканта появилось выражение упрямой жестокости:

— Да разве ты не понимаешь, почему я выбрал тебя еще тогда, когда сделал своим слугой? Ты, как и я, никому не доверяешь! Ты язвителен и не способен общаться с людьми на равных! Ты все предпочитаешь делать в одиночку!

— Таким я был когда-то, — согласно кивнул юноша головой, но тут же поднял ее и пристально посмотрел принцу в глаза. — Но больше я не хочу быть таким.

— Приберегисвой откровения для старческих мемуаров, до написания которых ты можешь и не дожить! — перебил Лекант и повысил тон. — Да что ты ломаешься, как последняя портовая шляха! Наложил ей подушку на голову и все! Если она тебе небезразлична, в отличие от меня, можешь даже воспользоваться ей напоследок!

— Это из-за тебя погибла Лин! А теперь ты хочешь убить Салочку! Ты разрушаешь все,

что мне дорого! — в отчаянии закричал Гаузен и набросился на принца. Гаузен схватил Леканта за ворот и стукнул лбом так, что у него с головы свалилась диадема. Лекант, оправившись от удара, отшвырнул юношу и громко позвал:

— Стража! Уведите изменника в подземелье! И покажите ему, что бывает с теми, кто не проявляет должного уважения к своему королю. Как жаль, что мы не нашли общий язык, Гаузен, — разочарованно прошептал он напоследок. — Но не расстраивайся. Ты еще успеешь послужить мне, как следует... А мне пора навестить мою возлюбленную.

Но не успел Гаузен толком прийти в сознание после побоев, как в камере его снова навестил Лекант.

— Что ж Гаузен, я снова тебя недооценил, — с неудовольствием признал принц. — Ты постарался и еще раз опередил меня на шаг. Салочка переделалась и сбежала. С ее новыми ногами и в другой одежде ее вряд ли кто узнает... Никто, кроме моих наемных убийц. Я заметил, какие вещи пропали из шкафа, и уже дал описание нужным людям, которые, в отличие от тебя, не задают лишнего. Они найдут ее так быстро, что она даже не успеет переодеться. Так что ее судьба решена. Но у тебя еще есть шанс спастись. Скажи мне, где Книга Знаний?!

Но Гаузен молчал.

— Почему ты больше не подчиняешься мне?! — отчаянно завопил Лекант. — Я же твой король!

— Твоя власть основана на страхе, а тебя я больше не боюсь. Я боюсь только за судьбу своих друзей. Поэтому не скажу тебе ни слова, как бы ты меня ни пытал. И еще... — тут Гаузен приглушил голос, будто хотел сообщить что-то важное. Лекант приблизил ухо ко рту висевшего на цепях юноши.

— Ты не мой король. Ты крысиный король, — прошептал Гаузен.

— А ты скоро станешь крысиным кормом! — разъярился Лекант.

— Да пошел ты... — прохрипел Гаузен и изо всех сил плюнул принцу в лицо.

Лекант уже было замахнулся для нового удара, но, посмотрев на нынешнее состояние юноши, передумал и злобно засмеялся.

— Я бы мог выколоть тебе оба глаза, Гаузен. Но мне не хочется подыскивать поводыря, который будет вести тебя на казнь. Лучше потом я дам это сделать моему ястребу. И еще я хочу, чтобы ты все видел. Видел мой триумф и свое падение в бездну.

Тут Лекант стер рукой со щеки слюну, но с удивлением обнаружил, что она вся красная. А потом он сунул палец в рот.

— Это будет первая кровь, которую я попробовал в начале своего правления. Потом я попробую кровь Салочки, ее тети, твоего дружка, — перечислял Лекант, с удовольствием смотря, как слезы бессилия катятся по лицу юноши. Принц понял, как он может причинить боль куда более страшную, нежели пытки и унижения.

— Любого, кто встанет на моем пути. В таких делах я не брезгливый, Гаузен. Думаешь, ты своим молчанием спас своих друзей? Ты подвел их, Гаузен! Если бы они не связались с тобой, им бы сейчас ничего не угрожало! Но уже скоро кто-то из них обязательно сознается, где Книга Знаний. Женщинам, видишь ли, хуже удаётся переносить пытки. Но знаешь, что я могу пообещать тебе, Гаузен? Лицо Салочки я не трону. Я ведь все еще собираюсь похоронить ее в открытом гробу, — поделился напоследок своими планами на будущее Лекант. — Рад был с тобою поболтать. Но я обрадуюсь еще больше, когда ты будешь болтаться в петле. Хотел бы я отрубить тебе голову или четвертовать, но не хочу начинать

свое правление, проливая кровь на глазах публики. Мало ли что про меня подумают... И вообще, если не умеешь любить, это еще не значит, что нельзя добиться любви у других людей, — загадочно намекнул Лекант. — Еще увидимся, Гаузен. А пока наслаждайся своими кошмарами.

— Ты единственный, кто получает от кошмаров удовольствие, Лекант, — мрачно возразил Гаузен. — Мне противен каждый миг, что я провел в компании с тобой.

— Тогда ты должен радоваться, что завтра увидишь меня в последний раз. Да кем ты себя возомнил? Благородным рыцарем? Спасителем невинных и угнетенных? Да голову такого человека, как ты, надо повесить на стену, как доказательство, что такие добряки вообще есть на свете. Сам подумай, какой сейчас из тебя герой? Ты наивен, Гаузен!

— Лучше быть наивным, чем ненавистным, — попытался объяснить юноша, хотя он уже и не надеялся хоть на какое-то понимание.

— Не обольщайся — ты всего лишь жалкий голодранец и побирושка! — злорадно ухмыльнулся принц и ушел, оставив Гаузена наедине со своими мыслями.

«А что, если у Леканта сердце не из свинца, а из камня...» — думал он и много раз представлял себе момент, как Лекант вламывался в спальню, но юноша успевал выхватить саблю и протыкал одичавшее от ненависти сердце принца. Конечно, Салочка пришла бы в ужас и возненавидела Гаузена. Да и все равно юношу потом бы казнили. Пускай бы он, как сейчас, томился в подземелье в ожидании худшей участи, ему не пришлось бы беспокоиться об участи остальной компании.

— По-крайней мере, я прожил жизнь не просто так, — шептал Гаузен. — Я смог полюбить, у меня были друзья. Я помогал людям. Я благодарен за все хорошее.

Гаузену привиделось, как он вновь плыл в каюте корабля вместе с Лин. Он вновь слышал ее голос, ее историю про Демиана.

— Демиан... Катапак... Или какой-то другой бог. Может быть даже тот, чьего имени я не знаю, — молил юноша. — Я не хочу больше страдать. Но еще больше я не хочу, чтобы страдали они... Спаси Ленону и Салочку от рук этого безжалостного упыря. Всю жизнь ты был не очень милосерден ко мне. Так что воздай же им то, что задолжал мне. Но если ты на стороне Леканта, то будь ты проклят! — не выдержал Гаузен и снова впал в отчаяние, которое вскоре перешло в полное жутких видений тяжелое забытие.

Наутро Ленон собрался во дворец, надеясь встретиться с Гаузенем или хотя бы разузнать о его участи. Но проникнуть туда ему суждено не было. Вся площадь была заполнена людьми, а другого пути ко дворцу Ленон не знал. Юноша уже хотел заглянуть в Книгу Знаний, чтобы узнать альтернативный маршрут, но тут на помост вывели Гаузена. Ленон посмотрел на него и содрогнулся от ужаса. Его друг выглядел еще хуже, чем после разбойничьего плена, и едва держался на ногах. Лицо Гаузена было покрыто кровоподтеками и, казалось, что он уже мало обращал внимание на происходящее. Его сил едва хватало, чтобы совсем не повесить голову вниз.

«Может быть, сейчас он просто выступит?» — в отчаянии подумал Ленон. Но вышедший на балкон принц развеял последние надежды юноши. Толпа при виде коронованной особы настороженно замолкла.

— Мой возлюбленный народ! — пробежавшись глазами по толпе, начал свою речь принц. — С утратой в голосе я вынужден сообщить вам печальную новость, — продолжил он, и в его тоне начали все отчетливей звучать трагичные нотки. — Разумеется, вы ждали, что сегодня я выступлю со своей нареченной невестой, и вместе мы поделимся нашим счастьем со всеми вами. Когда я впервые увидел Салочку, мое сердце затрепетало от радости. И я спрашиваю себя — не это ли был самый счастливый миг в моей жизни?

Я сразу понял, что на меня смотрела именно та девушка, с которой мне хотелось бы находиться вместе до самого конца... Но я и помыслить не мог, что этот миг подоспеет настолько стремительно!

После этих пафосных слов Лекант примерил на себя скорбное выражение лица, нагнетая обстановку и готовя толпу к откровению.

— Нашу благословенную богами Велитию постигла страшная беда! И горевать нам придется очень долго... И я спрашиваю Катапака — за что нам всем это наказание? Но не Катапак повинен в свершившемся несчастье!

Тут Лекант устремил полный искренней ненависти взгляд в сторону Гаузена, стоявшего внизу на помосте, и для верности указал на него пальцем.

— Этот человек, завидуя нашему с Салочкой счастью, предательски убил мою возлюбленную и вашу королеву!

И я спрашиваю себя — существовал ли на этом свете человек, который любил бы ее так же сильно, как и я?

В этот момент Ленону показалось, будто принц вонзил себе в ладонь свои длинные ногти, после чего Лекант смахнул со щеки слезинку и продолжил:

— Но как бы я сильно ее не любил, я все же понимаю, что не мне одному она была дорога! Она была частью простого народа! Она была одной из вас! Поэтому стоящий перед вами негодяй предал не только меня, но и всех вас вместе взятых! И я спрашиваю вас — какой участи достоин этот, с позволения сказать, человек? Но если, посмотрев на его облик, вам вдруг станет хоть немного жаль его, то не обманывайтесь! Да, он покрыт кровью. Но это кровь моей возлюбленной Салочки!

— Повесить его мало! — раздалось из толпы, и отовсюду начали звучать различные варианты расправы — от самых жестоких до самых нелепых:

— Настругать на терке и скормить мордоворонам!

— Отправить на хаслинские галеры... якорем!

Ленон, догадываясь, куда это может привести, достал книгу и начал лихорадочно листать ее. Но он никак не мог добиться от нее каких-либо внятных ответов. Лекант же, по-видимому, довольный реакцией толпы, решил поскорее заканчивать:

— Что ж, похоже, среди этого множества людей не найдется хоть кого-то, кто вступился бы за этого падшего велита. Поэтому...

— Я готов! — не очень уверено, но как только мог громко подал голос Ленон. Толпа затихла, многие начали оборачиваться. Ленон залез на ящики, чтобы его лучше было видно и слышно.

Услышав голос друга, Гаузен поначалу обрадовался, но краткий миг радости тут же уступил место скорби:

— Ты пришел попроситься со мною, Ленон, — еле слышно прошептал Гаузен. — Но тебе не спасти меня. Но я все равно благодарен тебе, друг. Благодарен за все...

Но не все слушатели проявили подобную отзывчивость, скорее даже наоборот. Раздались выкрики:

— Нашелся заступничек для убийцы! Вздернуть его рядом с приятелем!

Но Ленон решил не обращать внимания на оскорбления. Он вспомнил, что чтобы избавиться от волнения перед выступлением на публике, надо представить себя без штанов.

«Может, я чего-то не так вспомнил» — подумал Ленон, который от этих мыслей стал чувствовать себя еще более неловко.

Меж тем присутствующие, заметив книгу в руках юноши, начали принимать его за какого-то проповедника, хотя иные злые языки повывдвигали совершенно невероятные версии:

— Чернокнижник! Он собирается насрать на нас злые чары!

— Но ведь книга не черная, она бежевая, — присмотрелся кто-то.

— Она живая? Живая! — воскликнул другой голос. Ленон понял, что если он сейчас же не начнет, то из-за подобных домыслов он может скоро присоединиться к Гаузену и совершенно не тем способом, каким ему хотелось.

— Красавцы и кроссовки! То есть красотки... — еще не зная как, тем не менее, начал юноша. — Голодари и голодранцы! — сделал вторую попытку Ленон. — Дедушки и детишки! — попробовал еще раз юноша, но не нашел среди толпы даже намека на радостный отклик.

Осознав, что он не сможет отыскать в книге нужные слова, юноша вспомнил о записке, которую там оставил. Гаузен разорвал и выбросил ее, но некоторые слова остались у Ленона в сердце яснее, чем на бумаге.

— Друзья мои! — воскликнул Ленон, осматривая взглядом толпу, в лицах которой сквозила неприветливость и подозрительность. — Ведь мы друзья? — неуверенно переспросил юноша, но ответа не последовало.

— Кто из нас не пробовал человеческое мясо на вкус? Кто не прикусывал себе губу или щеку? Но ведь мы не людоеды?! Это ведь еще не значит, что мы должны охотиться друг на друга или разрывать друг друга на клочки? И даже если вам кажется, что кто-то вас обижает или недооценивает, это еще не значит, что остальные люди в этом мире отнесутся к вам так же! Просто иногда людям трудно выражать свои чувства. Но если у человека не получается выражать свои чувства, это еще не значит, что он не может любить! Поэтому человека нужно

судить не по внешности, а по поступкам.

Ведь, в конце концов, даже злодеи — это огорченные добряки! Один известный правитель любил собак и не ел мясо... И он был бы хорошим человеком, если бы не сделал остальных вещей. Ужасных вещей! Если бы он только любил людей, а не ненавидел их! Но если нельзя вернуть миллионы унесенных невинных жизней, это еще не значит, что не нужно, проявив человечность, попытаться спасти хотя бы одну! Ведь человечество без человечности немыслимо! Человечество без человечности рано или поздно просто-напросто перестанет существовать!

Свою короткую и нелепую жизнь я прожил в страхе... С детства мне казалось, что если я не буду пить, курить и мусорить, то моя жизнь сложится. Но этого оказалось недостаточно! Страх зрел глубоко внутри моего сердца. Когда я заглянул внутрь себя и очистил душу от мусора, я обнаружил в моем сердце ужасную рану. И эта рана кровоточит до сих пор.

Но теперь я знаю, как исцелить себя! Теперь мне не страшно, потому что я знаю, ради чего стоит жить. Все, что бы ни делалось человеком, должно делаться ради двух вещей — любви и дружбы. А все плохие вещи творятся из-за их отсутствия. Ведь когда в сердце нет любви и дружбы, в нем остается только ненависть и страх.

Вы можете врать своим близким, врать начальству, врать друг другу... Но вы никогда не сможете обмануть свое сердце! Вглядитесь в него! Вслушайтесь в него! Разве этот человек похож на убийцу? Гаузен — это самый лучший человек, которого я знаю. Он не мог убить Салочку!

Прости меня, Гаузен, за то, что я не всегда слушался тебя и за то, что в тайне сердился на тебя... — поднял глаза юноша на своего друга. — Ты не был виноват хоть в чем-то. Прости меня, если я не смогу тебя спасти... Ведь если человек тебе дорог, то ты сделаешь для него все что угодно. А если у меня не получится этого, значит, я был плохим другом...

— Неправда, — неслышно произнес Гаузен губами, на которых кровь еще не запеклась до конца. Ему было больно от каждого движения, да и вряд ли бы Ленон расслышал его слова, но юноша почувствовал, что он просто обязан сказать это. — Ты не был плохим другом. Ты — мой лучший друг. И всегда останешься им. Прости меня, дружище. Прости за то, что втравил тебя в это...

— Гаузен не мог убить Салочку! Ее жизнь была ему дороже, чем своя, и он, не задумываясь, рисковал ей ради нее! И она жива и здорова! Здорова как никогда! А этот человек, — указал Ленон на балкон, — обманывает вас и желает скорой смерти не только Гаузену, но и Салочке. Я не могу вам этого доказать... Но одно я знаю точно — лучше хромать на обе ноги, как хромала Салочка, чем хромать на оба полушария, как принц Лекант! — не выдержал Ленон и гневно воззрился на правителя Велитии. Толпа, услышав эти обвинения, начала недоуменно шептаться, прекратив требовать немедленной расправы над Гаузенем.

— Да кому вы верите больше — вашему королю или безвестному чужаку? — негодуяще крикнул Лекант с балкона.

— Он призывает к мятежу! — вырвалось откуда-то из толпы.

— Неправда! — обиделся Ленон. — Я призываю не к оружию, но к любви и дружбе!

— Ловите подстрекателя! — снова выкрикнул кто-то.

— За такое подстрекательство надо головы отстригать! — угодливо поддержал другой голос. Но присутствующие на площади люди в массе своей находились в замешательстве, не зная кому верить, и не спешили пропускать стражников, которые ринулись сквозь толпу,

чтобы настичь Ленона.

— Пора уже вешать убийцу! — крикнул Лекант, которому надоело ждать, пока народ сам решит судьбу Гаузена. Ленон в ужасе наблюдал за тем, как из-под ног Гаузена выбили чурбан, и он схватился руками за петлю на шее, тщетно пытаясь выиграть себе хотя бы пару лишних вдохов... И упал на помост, так как прилетевшая неизвестно откуда стрела перерезала веревку над головой юноши.

— Я практиковалась в свободное от шитья время, — виновато сообщила Салочка, будто бы оправдываясь за неподобающее для девушки занятие, и отправила вслед еще пару стрел, чтобы отпугнуть с эшафота палачей.

— Салочка! Ты вернулась! — удивленно воскликнул Ленон, сам не зная, обвиняет ли ее в том, что она нарушила его указания, или благодарит за спасение друга.

— Я подумала, что вам тоже грозит опасность, и решила помочь, — простодушно отозвалась девушка, похоже, не видя за собой особого геройства.

— Как ты мог, Лики? — громко возмутилась девушка. — И зачем ты хочешь убить бедняжку Гаузена?

Лицо Леканта нервно задергалось. По-видимому, он совершенно не ожидал, что события сегодняшнего дня хоть немного отступят от намеченного им плана. В этот момент Ленону пришло в голову, что принц был одним из тех людей, кто, купив лотерейный билет, уже чувствовал себя миллионером.

— Наглая самозванка! Да как ты смеешь выдавать себя за покойную королеву! Тебе не сравниться с ней! Вы только посмотрите на ее ноги! — нашелся наконец принц.

— Действительно, — зашептала толпа. — У королевы-то были ножищи в два столба... А у этой, как у танцовщицы.

— Ленон и Гаузен исцелили меня! — возразила Салочка и приподняла платье. Увидев стройные лодыжки девушки, львиная половина собравшихся на площади отвернулась от Леканта, уставившись на них в немом восхищении.

— Салочка, сними капюшон, — посоветовал Ленон в надежде, что это добавит ей узнаваемости. Девушка послушалась и распустила свои похожие на золотистые шелка волосы. Хотя вряд ли в толпе нашелся бы хоть кто-то из знати, побывавшей на балу вчера, и знавший королеву в лицо, но отклики не заставили себя долго ждать:

— Да это же точно племянница торговки Галатеи!

— Это не племянница торговки, это наша королева! — раздался выкрик в толпе, и его поддержали десятки восторженных голосов.

— Кто вам сказал эту ерунду? У вас только один повелитель! И это я! — возмутился Лекант, но большая часть народа уже перестала обращать на него внимание.

— А вот и тетя королевы! — воскликнул кто-то.

Ленон обернулся и увидел запыхавшуюся лавочницу. Похоже, что, ринувшись на помощь, Салочка совсем позабыла о возрасте ее тетушки.

— Салочка... Как ты посмела... без спросу... рисковать, — каждое слово Галатея прерывала тяжелым вздохом. Видимо, бег окончательно измотал ее. Ленон уже хотел было предложить свое плечо, чтобы поддержать Галатею, но угрозы со стороны Леканта заставили его отказаться от этого доброго порыва:

— Катапак, ну почему ты не затопишь все негодные народы, оставив только самых достойных представителей! — взмолился Лекант, чувствуя, что теряет поддержку.

— Лики, почему ты хочешь убить меня? Что я тебе сделала? — не сдерживая слез,

жаловалась Салочка.

- Моя возлюбленная королева! — признал наконец Лекант свою невесту. — Я прощаю тебя за то, что ты сбежала от меня в компании разных проходимцев. Присоединяйся ко мне, и вместе мы завоюем мир.

— А если не присоединюсь? — опешила Салочка от подобного предложения.

— Тогда я завоюю весь мир один... и вместе с ним твое сердце! — пригрозил принц.

— Трудный выбор... — засомневалась Салочка. — Есть еще какие-нибудь плюсы?

— Если ты присоединишься ко мне, я отдам тебе свое сердце! — пообещал Лекант.

— Хорошо, но ты не завоевываешь мир, — попросила Салочка.

— Ну... ладно, — неуверенно согласился принц, похоже, рассчитывая на то, что, примирившись с Салочкой, он вернет себе поддержку народа.

— А что, если я поменяю твое сердце на мое? Тогда мы окончим там же, где начали? А значит, если вопрос улажен, то мы можем спокойно разойтись? — опечаленно предположила девушка.

— Да ну тебя, дура набитая! Лучше бы я тогда Неодетту взял! — не выдержал Лекант, запутавшись в девичьей логике.

Вдруг принц обратил внимание на то, что Ленон так и не выпустил из рук свою книгу. Гаузен, уже начавший приходить в себя, хотел предупредить друга, но было поздно. Лекант свистнул и показал пальцем на Ленона. На зов прилетел огромный ястреб, который камнем рухнул вниз и выхватил реликвию из рук растерявшегося юноши.

— Молодец, Когтервач! Ты единственный, кто не предал меня! Книга Знаний у меня! Сейчас я вам всем покажу, где маги колдуют! Что?! — опешил принц, увидев состояние книги. — Она испорчена?! Не важно, если я сконцентрируюсь, то смогу...

Тут Лекант замолчал, сосредоточенно пытаясь что-то отыскать в книге.

— Салочка, стреляй в Леканта! Он сейчас нас всех здесь похоронит! — из последних сил предупредил Гаузен. Он вспомнил про то, что Книга Знаний может вызывать катаклизмы, особенно в случае неумелых перемещений.

— Салочка, убей лучше в Гаузена! Он истинный виновник происходящего! Без него всего бы этого не было! Мы были бы счастливы вместе! — перепугался Лекант и закрылся, как мог, Книгой Знаний.

— Не могу, мне его так жалко, — печально произнесла Салочка и опустила лук.

— Надо помешать ему сконцентрироваться! — припомнил Ленон и громко крикнул. — Принц Лекант — злой комедиант! Злодей по имени Синяя Бородавка!

Вообще-то он почти никогда не прибегал к оскорблениям, но сейчас ради друзей он был готов на все.

— Прекратите! В этом нет никакого смысла! — обиделся Лекант, разрываясь между желанием разразиться ответной бранью и углубиться в книгу.

— Принц воняет как конская задница, да и выглядит не лучше! — нашелся смельчак среди площадного сброда.

— Принц Лекант такой вонючка, что если его подштанники как следует простирнуть, то в пруду вымрет вся рыба! — раздалось из толпы. — Хуже короля у Велитии не было!

— Не бывает негодных правителей! Бывает только негодный народ! — не удержался от ответа Лекант, нарываясь на ответную грубость.

— Принц Лекант — король лесных поганцев!

— Я не король каких-то там поганцев! — разозлился Лекант, но недовольный рев толпы

заглушил последние слова.

— Он не король! Он признался! Долой Леканта и его банду! — наконец зашумела толпа.

— Что же вы делаете! Вы мешаете мне! Я уже почти... — не успел договорить Лекант, так как исчез во внезапно нахлынувших потоках света. Книга же упала на балкон и осталась лежать на месте.

После того, как принц исчез, все без исключения люди, присутствующие на площади, прекратили бурную деятельность и впали в совершеннейшее недоумение. Стража, перестав пробиваться к Ленону, также оставила попытки привести приговор Леканта в исполнение, и Гаузен вскоре воссоединился со своими друзьями. Уже во дворце большая часть охраны присягнула Салочке, а Гаузен добрался до балкона и подобрал Книгу Знаний. Собравшись в одной из комнат дворца, друзья решили немного отдохнуть и поразмыслить над недавними событиями.

— И все-таки, как вам удалось уйти от наемных убийц Леканта? — пришло вдруг Гаузену в голову.

— Убийцы, может быть, и наемные, но совсем не умные, — проворчала тетушка Галатея, которая промывала раны Гаузену, как наиболее пострадавшему из всех. — Не мог бы ты помолчать хоть немного, пока я привожу твое лицо в порядок!

Гаузен не стал спорить и посмотрел на Ленона. Тот, как всегда, смущенно стоял в сторонке и наблюдал за происходящим, видимо не осознавая, сколь много он сделал для спасения своего друга. Взгляд же Салочки был тревожен и печален. Было видно, что она тяжело переживала крушение своей давней мечты. Юноша, не умея долго хранить молчание, решил немного утешить ее.

— Я, как представитель королевского дома... Вернее, самой задней его части, — про себя добавил Гаузен, имея в виду конюшню, где он время от времени работал и каморку, в которой он жил. — Кхм, я имею опыт службы королевской особе... И буду рад предложить свои услуги.

— Я не могу согласиться на это, — произнесла Салочка, и Гаузен опешил от неожиданности. Видя, что юноша шокирован отказом, девушка пояснила:

— Я не могу позволить, чтобы ты был моим слугой, после всего, что ты сделал для меня. Ты не слуга, ты мой любимый друг.

— Просто... друзья? — выдохнул Гаузен, но в его голосе не было ни тени возмущения. Только надежда, смешанная с грустью.

— После разрыва с Лекантом я пока не готова к чему-то серьезному. Похоже, он оказался не тем человеком, кого я полюбила, — печально произнесла девушка.

— Да нет, я ни к чему не принуждаю, — смутился Гаузен. — Я просто хотел сказать, что рад, что у меня есть такие друзья.

— Ленон! Теперь мы можем отправиться в Альдорию и найти там орден Всемзнания. Они обязательно вернут тебя домой, — вспомнил Гаузен про друга и обязательство, которое он дал ему. Ленон молчал. Ему совсем не хотелось расставаться с самой лучшей компанией, в которой ему удалось побывать за всю свою жизнь.

— Слышишь, Ленон? Приключения продолжаются! — приободрил Гаузен. Ленон же вспомнил, что его ждет Руфи, и молча кивнул.

— Я хочу с вами! — оживилась Салочка. — Всегда мечтала отправиться в путешествие.

— Ну, не знаю. Путешествие — штука опасная, а я привык спасать жизни прекрасных девиц, а не рисковать ими, — решил для вида поломаться Гаузен и нашел горячую поддержку в лице Галатеи. Лавочница, несмотря на полное излечение племянницы, не

переставала опеку ей хотя бы на капельку менее усердно.

— Я буду лучницей в вашей команде, — уверенно заявила Салочка, невзирая на протесты тетушки. — Не хочу сидеть дома и волноваться о том, что с вами может случиться за время путешествия.

— У нас один древний богатырь тоже много лет пролежал на одном месте, а потом так развоялся, что его уже было не остановить, — решил поддержать Ленон Салочку, и она отплатила ему взглядом, полным благодарности.

— Так ему и надо! Терпеть не могу богатых! — не принял всерьез этот аргумент Гаузен.

— Да нет, это означает, что он был воином, — пояснил Ленон.

— Ну, сам посуди, какой из Салочки воин? Она же теперь королева! — не сдавался Гаузен.

— Салочка! Подумай хорошенько! Тебе нельзя все бросить и отправиться неизвестно куда! — напомнила тетушка Галатея.

— Я никогда не хотела этого, — печально возразила девушка. — Я лишь хотела быть счастливой... И в вашей компании мне будет куда легче и приятнее, чем в стенах замка, где все напоминает о Лики.

Ленон, желая поддержать Салочку, захотел предложить ей снова продемонстрировать свое мастерство. Чтобы успокоить девушку, он даже был готов поставить яблоко себе на голову и позволить ей выстрелить в него с расстояния тридцати шагов. Но тут юноша подумал, что либо ему надо будет помыть голову перед этим, либо яблоко после. Что поделаться, шампуня в дорогу он не захватил...

Размышления юноши прервал стук в дверь. Открыть, на всякий случай, решил Гаузен. На пороге он встретил пожилого служителя в знакомых ему зеленых одеждах. Такие же цвета носила Лин.

— Да я смотрю, вся банда в сборе, — добродушно поприветствовал гость. — Меня зовут Кламберт. Я — глава ордена Всемзнания.

— Есть какие-нибудь новости о Лин? — встревожился Гаузен. Он вспомнил, что обещал себе любой ценой отыскать ее после того, как уладит неотложные дела.

— Я затем и прибыл в Велитию, чтобы найти ее и узнать о той миссии, которую она выполняла. Участие в коронации было попутным решением, так что здесь я оказался случайно, — грустно покачал головой Кламберт.

— Ее наставник Тален погиб, а ее следы теряются на корабле капитана Настара... который, похоже, затонул, — сбивчиво поделился Гаузен, сам отказывающийся верить в это. — Она была очень дорога мне...

— И мне тоже, сынок, и мне тоже, — успокаивающе похлопал юношу по плечу пожилой альдорец.

— Но книга, которую она искала все это время... Она у нас.

Услышав, как Гаузен упомянул Книгу Знаний, Ленон робко протянул реликвию главе ордена Всемзнания.

— Она немного поистрепалась, но все еще не утратила своих сил, — заверил Гаузен, не зная, был ли мастер Кламберт на площади, когда Леканта засосало в книгу. — Лин, чтобы спасти ее, отправила меня с корабля в другой мир, а я вернулся обратно при помощи Ленона. Вы можете помочь ему вернуться к себе домой?

— Не все так просто, — со вздохом произнес Кламберт. — Перемещения между мирами довольно рискованны. Это чудо, что не случилось катастрофы, когда принц Лекант исчез.

Вероятно, корабль, на котором плыла Лин, разбился из-за Книги Знаний. Это из мира, где волшебство отсутствует, можно спокойно отправляться в другие миры. Также появление в любом другом мире не несет в себе особых опасностей для путешественников. Но, отправляясь из мира, полного магии, можно пробудить могущественные силы и вызвать после исчезновения страшный катаклизм. Чтобы избежать этого наверняка, во время ритуала должны присутствовать служители всех стихий.

— Неужели нам придется отправиться в другие страны, чтобы собрать их вместе? — изумился Гаузен, в тайне готовясь к новым приключениям.

— Не думаю, — отрицательно покачал головой служитель. — Все они прибыли на церемонию коронации. И мне кажется, что уговорить каждого из них не будет такой проблемой как то, что на подобные перемещения нужно получить разрешение от совета ордена Всемзнания.

— А сколько времени это займет? — осторожно поинтересовался Ленон.

— Возможно, несколько недель, а может и больше. И есть вероятность, что совет мудрецов так и не даст своего разрешения на использование Книги Знаний, — не стал сильно обнадеживать Кламберт. — Но, как глава совета, я беру всю ответственность на себя. Мы не будем откладывать перемещение.

Кламберт раскрыл книгу и начал бегать по страницам глазами, видимо, пытаясь отыскать нужную для этого информацию.

— Немедленно разойдитесь подальше! — неожиданно встревожился он. — Я кое в чем разобрался.

Ленон вжался в угол, а Салочка схватилась за Гаузена. От книги в руках Кламберта снова пошли потоки света. Когда они рассеялись, Гаузен увидел Лин. Гаузен сразу же оторвался от Салочки и бросился навстречу к девушке.

— Я искал тебя везде, но ты всегда была рядом... — прошептал он. — Недавно мне чуть не выжгли глаз. Но, если бы это произошло, то сейчас я, не раздумывая, пожертвовал бы оставшимся. Но не потому, что я не хочу тебя видеть, а потому что твое лицо — это последнее, что мне хотелось бы увидеть... То есть я хотел сказать, что я хотел бы увидеть твое лицо последним в жизни... Но ты, наверное, даже не стала бы глядеть на мое изуродованное лицо, — разволновавшись, спохватился Гаузен.

— Гаузен, меня так долго не было, а ты все такой же глупый, — покачала головой девушка. — Не внешность — главное. Тебя столькому еще надо учить... Но я и сама еще не доучилась...

— Неправда. За время твоего отсутствия мне удалось измениться. Ты изменила меня. Бросай все, бросай учебу, как бросил я. Хотя я понимаю... Я не могу требовать от тебя подобной жертвы. Я уже свое отучился, а ты своими знаниями сможешь помогать людям, — хотел сказать Гаузен, но тут Лин кое-что вспомнила.

— Ты, кажется, собирался мне что-то сообщить тогда перед исчезновением? — спросила Лин, не дав юноше высказаться.

— Ну... я и не припомню сразу что... — замялся Гаузен, немного подрастеряв храбрости. — Я тогда ведь ушибся...

— Это я тогда ушиблась, а не ты! — напомнила девушка. — Из-за этого я не смогла сосредоточиться и застряла в книге!

Тут Лин обратила свой взгляд на Салочку, и ее легкое возмущение сменилось неподдельной радостью. Подруги обнялись.

— Салочка! Тебя удалось исцелить. Наверное... Наверное, ты очень благодарна за это Гаузену, — бросив беглый взгляд на юношу с еле уловимой грустью произнесла Лин.

— Я вам всем благодарна. Каждому из вас, — призналась Салочка.

Услышав последние слова, Гаузен вспомнил, что все позабыли про Ленона.

— Это Ленон, — с гордостью представил друга Гаузен. — Он смог завершить то, что ты начала, Лин. Мы вместе смогли.

Лин заметила своего старого наставника и посерьезнела. Но он, поинтересовавшись самочувствием девушки, вскоре покинул комнату. После этого оставшиеся в комнате друзья все вместе наперебой начали рассказывать о прошедших событиях, в которых Лин не удалось поучаствовать.

— Кхм, не хотел вас перебивать, — произнес незаметно вернувшийся мастер Кламберт, прервав долгую беседу. — Но я смог договориться со всеми магами, чтобы они обеспечили нам защиту во время перемещения. А так как маги — народ несговорчивый, нужно поторопиться, пока они не передумали.

Понимая, что спорить бесполезно, друзья собрались и вместе со служителями разных богов отправились на ближайший холм.

— Ленон, я почти тебя не знаю... Но твои поступки говорят сами за себя. Мой дом, где мое сердце, а мое сердце не на месте — так говорил святой Демиан. И ты чем-то похож на него. — произнесла Лин и приобняла юношу. Ленон, задумавшись над словами, молча кивнул и благодарно улыбнулся.

— Береги себя, дружище, ведь меня рядом не будет. Да и мне тоже придется самому теперь заботиться о себе, — попрощался Гаузен напоследок. Салочка же ободряюще помахала рукою. Ленон изо всех сил сжал губы и попытался улыбнуться в ответ.

— Еще недавно я только и думал, как бы вернуться домой побыстрее, а теперь мне хотелось бы остаться здесь подольше, — грустно заявил Ленон, толком не представляя, сколько времени он желал бы провести среди присутствующих здесь людей.

— Повезло тебе с начальством. Савушкин поверит каждому твоему слову, — напомнил Гаузен.

— А Руфи поверит? — вновь вспомнил Ленон.

— Когда дойдешь до того, как вступался за ее честь, можешь приписать победу себе, — великодушно разрешил Гаузен.

— Спасибо, друг, но не думаю, что я решусь на то, чтобы лгать ей, смотря в глаза, — покачал головой Ленон.

— Послушай, Ленон, я должен кое в чем тебе признаться, — вспомнил Гаузен. — Это длинная история, но, в общем, я тогда случайно... Ну, более или менее случайно, — поправился велит. — Украл поцелуй с губ твоей Руфи... И я хочу, чтобы ты его ей вернул.

— Я не злюсь на тебя, друг, — понимающе отозвался Ленон. — На твоём месте я бы сделал то же самое.

— А ведь время, которое ты провел в Велитии, не прошло даром. Ты смотри, какой храбрый стал! — обрадовался Гаузен.

— Я вернусь, чтобы вернуть, — пообещал Ленон не столько Гаузену, сколько себе.

— Пора отправляться, молодой человек, — положил руку на плечо Ленона мастер Кламберт. — Мы попытаемся отправить тебя в то же самое место, из которого ты пропал в своём мире.

— Меня долго не было в своём мире, но время, за которое я отсутствовал, нельзя

назвать потерянным. Даже если мы никогда больше не встретимся... Даже если мне никто не поверит... Даже если мне некому будет рассказать — мне будет о чем вспомнить. Вспомнить о том, что важнее всего в жизни. Вы научили меня любви и дружбе и всегда будете напоминать мне о них. И вы останетесь со мной навсегда, как бы далеко вы ни были, — попрощался с друзьями Ленон.

Грядущий скачок в неизвестность больше не пугал его. Потому что он знал, что это прыжок не в пропасть, а в будущее.

— Это самая невероятная история об утере паспорта, которую я только слышал, — заявил милиционер Митя, после того, как Ленон закончил свой рассказ. — Жалко, что Пети здесь нет.

— А что с ним случилось? — обеспокоился юноша, сподобив Митю на новые откровения:

— В тот день к нам поступил звонок, что нужно задержать опасных злоумышленников, которые пытаются проникнуть в НИИ имени Савушкина и сорвать выставку, но меня на месте не было. Тогда Петя схватил Пикарда и отправился с ним на место предполагаемого преступления. Но когда они вошли в регистрационный зал, разыскиваемые им лица уже успели покинуть его, как не оказалось их и в демонстрационном пункте.

После долгих поисков по всему НИИ Петя догадался дать понюхать анкету Пикарду, и когда тот учуял след на улице, то помчался к дому, где в это время проходила свадьба. Потом Петя заявил, что когда он издали увидел предполагаемых подозреваемых и уже намеревался задержать их, они исчезли в яркой вспышке света. Он решил, что они оба были инопланетянами, и так настойчиво придерживался этой версии, что его пришлось немного оградить от общества.

— А ведь я его предупреждал, — горестно вздохнул Митя.

Ленон сочувственно покачал головой, чувствуя себя невольным виновником того, что вывел из строя и без того шаткую систему правопорядка.

— Думаю, его надолго не задержат, — успокоил Митя юношу. — Он уже всех в палате достал со своей игрой в русскую рулетку из пластмассового револьвера.

— Давай напишем просто — потерял, — предложил милиционер и пояснил:

— Я же теперь за двоих стараюсь, пока Петя не выздоровеет. А тут еще это расследовать... Как друга прошу, — произнес Митя и умоляюще посмотрел Ленону в глаза.

— Только ради дружбы, — поразмыслив, согласился Ленон.

Больше книг на сайте - Knigolub.net